# КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам.

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» – 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел/факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел/факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной и технической информации;
тел: +7 (499) 740 6410, +7 (499) 198 7041,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

Germany: Kubon & Sagner (Munich),
tel. (+49 89) 54-218-110
fax (+49 89) 54-218-218

Switzerland: PinkRus GmbH (Zurich),
tel. (+41 1) 262-2266
fax (+41 1) 262-2434

Sergei Fjodorov, subscriptions division
Ruslania Books Ltd
Lapinlahdenkatu 1 C
FI-00180 Helsinki, FINLAND
Tel. (+358 9) 27270737
Fax (+358 9) 27270720
sergei.fjodorov@ruslania.com
Internet: www.ruslania.com

Japan: Nauka Ltd. (Tokyo),
tel. (+81 03) 5259-2711
fax (+81 03) 5259-2714

МИРС

№ 4
2008

# В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: editor@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 I Конгресс РОПРЯЛ «Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России»
6 II Ассамблея Русского мира

[лингвистические заметки]

7 В. З. Демьянков
О стратегиях нормирования русского языка и о формировании единого социокультурного пространства России
14 В. С. Савельев
О способах оформления прямой речи в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет»)
22 Е. В. Грудева
Валентностный класс глаголов и эллипсис приглагольных актантов в современном русском языке (экспериментальное и корпусное исследование)
30 В. Н. Завьялов
То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя…
35 В. К. Лебедев
Отложить нельзя договориться
38 Б. М. Атаев
Русский язык и языки народов Дагестана: особенности функционирования в полиэтнической среде

[лингвокультурология]

43 Т. А. Буданова, Е. И. Зиновьева
*Ушлый* в русской языковой картине мира
50 Н. Н. Гончарова
Репрезентация профессионального фрагмента языковой картины мира в микротопонимии
57 А. С. Гальцова
Лингвокультурологический потенциал петербургских микро- и макротопонимов

[язык сми]

61 Е. В. Осетрова
Слухи в современной языковой практике: парадокс доверия
67 Н. И. Клушина
Коммуникативная стилистика публицистического текста

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. М. Осипова
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 23.11.2008
Отпечатано в типографии «Невская жемчужина», Санкт-Петербург

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией просьба представлять только в электронном виде.
Требования к оформлению статей:
http://mirs.ropryal.ru/mirs.html

71 А. А. Никитин
Языковые способы создания комического в стиле журналиста Андрея Колесникова

[культура речи]

75 А. Б. Черняева
Синтаксические особенности обращения в дружеском письме (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века)

[взаимосвязь литературы и языка]

78 С. М. Алтыбаева
Интертекстуальные связи современной казахской и русской литератур
84 С. В. Петров
Денотативная ситуация текста и ее структура (на материале романа Ю. К. Олеши «Зависть»)

[методика преподавания русского языка]

90 «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!» Интервью с президентом СПбГУ, доктором филологических наук, профессором Л. А. Вербицкой
91 Н. Е. Синичкина
«Первоучители» родного языка Киевской Руси и Московского государства
98 Е. В. Боровкова
«Язык — речь — слово» — центральные концепты языковой картины мира педагога-словесника

[представляем новые книги. рецензии]

101 И. М. Вознесенская —
Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы.

[хроника]

21 Семинар-совещание «Об участии МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и национальных ассоциаций русистов в деятельности фонда „Русский мир“» (Геленджик, 9–11 сентября 2008 года)
34 43-й Международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде (Германия, 27 сентября — 10 октября 2008 года)
102 Неделя русского языка в Венгрии (Венгрия, 29 сентября — 4 октября 2008 года)
103 Фестиваль литературного творчества (Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 года)
49 Неделя русского языка во Франции (Франция, 12–15 ноября 2008 года)
5 VIII Всероссийский семинар «Русский язык. Культура речи» (Санкт-Петербург, 26 января — 2 февраля 2009 года)
105 Навстречу новому словарному празднику: 22 ноября — День Словарей и Энциклопедий

[россия... народы, языки, культуры]

107 Калининград. Российский город с немецкой историей…

# I КОНГРЕСС РОПРЯЛ

## «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ»

С 14 по 18 октября 2008 года в Санкт-Петербурге проходил Конгресс РОПРЯЛ «Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России».

Это был Первый Конгресс, организованный Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) при поддержке фонда «Русский мир».

В нем принимали участие ведущие специалисты в области русского языка и литературы из институтов Российской академии наук, ведущих вузов России, а также школьные учителя из Калининграда, Краснодара, Тюмени, Уфы, Саратова, Иркутска, Челябинска, Тулы, Махачкалы, Перми, Красноярска, Балгорода, Пятигорска, Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов Российской Федерации.

С приветственным словом к участникам Конгресса обратилась президент РОПРЯЛ, академик РАО Л. А. Вербицкая. Она отметила важность этого масштабного мероприятия, объединившего теоретиков и практиков, лингвистов, литературоведов и культурологов. Доклад директора Института Лингвистических исследований РАН академика РАН Н. Н. Казанского «Преподавание русского языка: проблемы, достижения, перспективы» оказался шире заявленной темы. Докладчик отметил как достижения русистики, так и трудности на её пути, связанные и с недостатком финансирования, и со снижением качества подготовки русистов.

В докладе д-ра филол. наук, зам. директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН М. Л. Каленчук «Принципы создания Большого орфоэпического словаря русского языка» отмечались сложности, вставшие перед его создателями. В развернувшейся дискуссии была особо подчёркнута важность учёта вариантов в современном произношении.

Под председательством вице-президента РОПРЯЛ Е. Е. Юркова и главного редактора журнала «Мир русского слова» К. А. Роговой состоялся круглый стол «Роль государства в воспитании современной языковой личности». Обсуждение открыл д-р филол. наук, декан факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского университета С. И. Богданов, сообщивший о научных разработках, связанных с реализацией Закона о государственном языке Российской Федерации. В ходе состоявшейся дискуссии были обозначены направления, на которых должны быть сосредоточены усилия филологов, людей старшего поколения, неравнодушных к формированию языкового облика молодого поколения, к его интеллектуальному развитию, состоянию речевой культуры общества

На следующий день работа Конгресса шла по двум направлениям: «Русский язык и культура в современной России: проблемы развития и взаимодействия» и «Язык СМИ сегодня: проблемы и перспективы». Связям языка и культуры были посвящены доклады чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова, В. М. Мокиенко и других известных учёных. В ходе их обсуждения была подчёркнута необходимость широкой пропаганды филологических знаний На второй секции возникла

оживлённая дискуссия о роли СМИ в развитии современного русского языка. Отмечалось, что печать и телевидение порой навязывают слушателям низкий стандарт речевой культуры.

Во второй половине дня состоялся круглый стол «Инновации и реформы в области обучения русскому языку в высших и средних учебных заведениях России». Среди выступавших были как вузовские, так и гимназические преподаватели, а также сотрудники институтов РАН. Были отмечены и положительные, и отрицательные тенденции в преподавании русского языка. С одной стороны, общее снижение культуры речи не могло не затронуть высшую и среднюю школу. С другой стороны, появившиеся новые учебники и новые технологии уже проявляют свои возможности в повышении эффективности обучения, внесении разнообразия в учебный процесс, в стимулировании интереса учащихся к родному языку и литературе, основам теоретического языкознания, Этот процесс затронул как вуз, так и школу.

В третий день работали секции: «Государственная политика в области развития и укрепления позиций русского языка в РФ и за рубежом», «Концептуальные основы преподавания русского языка как неродного для разных возрастных категорий учащихся в условиях поликультурной среды», «Русский язык и культура в школе: проблемы обучения и воспитания учащихся».

I Конгресс РОПРЯЛ продемонстрировал необходимость подобных мероприятий. Проблемы культуры русской речи, функционирования русского языка как государственного, методики преподавания русского языка как родного и неродного, формирования языковой личности, пропаганды достижений отечественной филологической науки — всё это требует глубокого научного осмысления, поиска методов и средств использования, обмена опытом, расширения и укрепления социокультурной базы деятельности при активной поддержке государства.

## [приглашаем принять участие]

Уважаемые коллеги!

Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

**приглашает вас принять участие в VIII Всероссийском семинаре «РУССКИЙ ЯЗЫК. КУЛЬТУРА РЕЧИ», который состоится 26 января — 2 февраля 2009 года на базе Санкт-Петербургского государственного университета.**

Сам предмет семинара — культура речи — рассматривается в двух аспектах: как предмет изучения (лингвистического, исторического и философского анализа) и как предмет обучения. Темами лекций и дискуссий станут: общие вопросы изучения и преподавания культуры речи, особенности книжно-письменной и устной речи, риторика как область обучения устной речи, вопросы культуры речи в философском и психологическом аспектах, современный политический дискурс и др.

Лекторами семинара являются ведущие профессора Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного университета им. Ломоносова, Российского государственного педагогического университета им. Герцена и других вузов страны.

В рамках семинара планируется проведение мастер-классов, презентаций учебников нового поколения, круглых столов.

Участникам семинара выдается свидетельство об участии в семинаре.

Семинар проводится при содействии Министерства образования и науки РФ.

Предварительная программа семинара и дополнительная информация размещены на портале РОПРЯЛ «Русское слово» *www.ropryal.ru***.**

ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В СЕМИНАРЕ ПРИНИМАЮТСЯ **ДО 15 ЯНВАРЯ 2009 ГОДА**.

*С вопросами о проведении семинара можно обращаться*
по электронной почте *info@ropryal.ru* или по тел./факсу **(812) 323 6620,** тел.: **(812) 325 1132**

**Добро пожаловать в Санкт-Петербург!**

ФОНД РУССКИЙ МИР

# II АССАМБЛЕЯ **РУССКОГО МИРА**

3 ноября накануне праздника Народного единства состоялась II Ассамблея Русского мира — фонда, учреждённого в соответствии с Указом президента от 21 июня 2007 года. В работе Ассамблеи участвовали представители 60 стран. С приветствием к ним обратились президент попечительского совета Л. А. Вербицкая и исполнительный директор фонда В. А. Никонов, который прочитал обращение Д. А. Медведева, пожелавшего успехов в деятельности фонда.

Работа Русского мира в прошедшем году протекала в нескольких направлениях.

Прежде всего, она стремилась к расширению международных связей. С выступлением на эту тему выступил министр иностранных дел С. В. Лавров. Он отметил важность развиваемой концепции взаимодействия государственной дипломатии с дипломатией народной, основным направлением которой стала поддержка русского языка на постсоветском пространстве, поддержка русскоязычных СМИ за рубежом, реализация политики мира и распространения достоверной информации. С. В. Лавров сообщил о действии 50 зарубежных русских центров, о расширении их сети, в частности об открытии в ноябре такого центра в городе Хакодатэ (Япония), а также о создании специального агентства Россотрудничество, которое будет осуществлять практическую деятельность по связям, прежде всего — с СНГ. Выступивший затем руководитель нового агентства Фарид Мухамедшин ознакомил присутствующих с ближайшими планами этой организации.

Представитель Русской православной церкви епископ Егорьевский Марк напомнил о дате 1020-летия Крещения Руси и о взаимодействии в проведении мероприятий церкви с Русским миром.

Министр минобрнауки РФ А. А. Фурсенко обратил внимание присутствующих на роль фонда в решении проблем школьного и вузовского образования. Особенного внимания, по словам министра, заслуживает проблема развития мультимедийных образовательных программ, создающихся при поддержке Русского мира.

Взаимодействие с фондом в деятельности Русского исторического музея, который будет собирать как исторические документы, так и всё то, что создаётся нашими современниками в текущем историческом процессе, отметил в своём выступлении ректор МГУ В. А. Садовничий.

Материальная поддержка, выделение грантов, издательская деятельность — всё это ощутимый вклад фонда в поддержание и развитие русского языка и культуры, о чём говорили и другие выступавшие.

В состоявшихся после пленарного заседания круглых столах и дискуссиях обсуждались такие проблемы, как «Русский мир в действии», «Русский мир и процессы глобализации», «Российская культура в мировом контексте», «Информационное пространство Русского мира», а также «Русский язык в международном общении». Активность и заинтересованность в них участников Ассамблеи свидетельствует об актуальности выдвинутых проблем и возможности обозначить круг направлений в дальнейшей деятельности Русского мира.

II Ассамблея продемонстрировала успехи фонда в деле объединения не только тех, кто непосредственно связан с русским языком, его изучением и преподаванием, но и литературоведов, историков, культурологов, всех тех, кому не безразлична судьба русской культуры, в том числе судьба наших соотечественников за рубежом. Деятельность фонда в течение первого года его существования доказала верность избранного курса на интеграцию русского мира.

В. З. Демьянков

# *О СТРАТЕГИЯХ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА* И О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Внимание автора статьи сосредоточено на научном обосновании принципов, которые бы отвечали стремлению установить академические нормы, т. е. «приводить в порядок шатающийся механизм норм современного языка». Наблюдение за историческим процессом нормализаторской деятельности по отношению как к русскому языку, так и другим языкам народов РФ приводит автора к рассмотрению нормирования русского языка как к межнациональному проекту, который должен гармонично соединять в себе *академичность,* предполагающую уважительное отношение к чужому научному обоснованию, и сохранение категоричности, присущей *академическим* грамматике и словарю.

The attention of the author of the article is focused on the scientific bases of principles, that would respond the urge towards the establishment of academic standards, that is to put to rights the unsteady mechanism of the standards of present-day language. The close look on the historic process of standardizing activity regarding Russian language as far as another languages of the people of the Russian Federation brings the author to the observation of the Russian language regulation as if it was made for the international project which should be harmoniously connected with the scientific character assuming a respectful attitude towards the alien scientific grounds and the preservation of rigidity, that is inhered to the academic grammar and vocabulary.

**Валерий Закиевич Демьянков**

Доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания Российской академии наук, заведующий кафедрой западноевропейских языков факультета славянской и западноевропейской филологии Московского педагогического государственного университета

## 1. Типология нормирования и солидарность норм

Русский язык в России — не только язык межнационального общения: по образцу принципов нормирования русского языка устроены и принципы нормирования других языков РФ.

Такая «солидарность» норм традиционно является одним из символов политической солидарности. Так, известно, что в некоторый момент нашей истории народы СССР отказались от традиционной графики — арабицы — и перешли на латиницу, поскольку ожидалась диктатура пролетариата во всех европейских странах. Когда эти ожидания не подтвердились, под давлением русской традиции произошел переход многих языков СССР на кириллицу. В 1990-е годы некоторые республики СНГ перешли на латиницу, поскольку ориентировались на турецкую и западноевропейские системы графики. Все это примеры того, что некоторые стратегии нормирования объясняются скорее политической конъюнктурой, чем стремлением в наилучшей степени отразить «дух языка».

С другой стороны, при нормировании русского языка необходимо хотя бы «боковым зрением» учитывать опыт нормирования других

языков, особенно тех, которые на протяжении многих десятилетий и даже столетий входили в состав огромного государства.

Важнейшей предпосылкой для такого учета является построение типологии стратегий нормирования языков. Эта типология может быть построена только в результате эмпирического исследования, учитывающего соотношение конкретных видов нормирующей деятельности с результатами, полученными в конкретных исторических обстоятельствах.

Сегодняшнее состояние нормирования литературных языков многочисленных народов Российской федерации является результатом как «внутреннего» развития каждого отдельного языка по его собственным законам, так и «внешнего» взаимодействия языков РФ между собой и с языками зарубежных стран.

В некоторых областях, таких как СМИ, народное образование, бытовая речь, эту ситуацию иногда характеризуют даже как кризисную и требующую безотлагательного вмешательства со стороны государства и общественных организаций.

**2. Академические и академичные словари**

Право утверждать нормы литературного языка — языка художественной и деловой литературы, а также вносить в них изменения и дополнения **делегировано** в зарубежных странах, как и у нас, национальным академиям. Именно они и являются «законодателями».

Создание академических словарей и грамматик имеет славную историю как в России[1], так и в самых разных зарубежных государствах: широко известны достижения в этой области академий наук Франции, Испании, Италии. В решении этой задачи традиционно принимали участие виднейшие деятели культуры и науки, политические деятели нашей страны. Так, академиком Императорской Российской Академии с 1832 года был А. С. Пушкин.

Академические грамматика и словарь, по определению, должны давать предписания, указывать, какие формы правильны, а какие не являются стандартными. Как в остальных видах законотворчества, разрабатываемые и принимаемые языковые стандарты должны иметь хотя бы минимальное разумное обоснование, отличное от расхожего «такова тенденция», «это соответствует духу языка» и «так говорят многие».

В то же время *академичность* предполагает терпимость к чужому мнению и избегание прямой личной конфронтации: ср. ***академичный*** *стиль* — стиль уважительного отношения к чужому научному обоснованию, лишь минимально допускающий прямое возражение ученому оппоненту. А вот ***академические*** грамматики и словари по своему смыслу должны быть категоричными.

Чередование подходов «академического» и «академичного» продемонстрируем на примере того, какими были большие словари русского языка вплоть до 1960-х годов.

Первый нормативный «Словарь Академии Российской» вышел в 1789–1794 гг., был организован по корневому (а не чисто алфавитному) принципу и давал сведения о 43 275 словах. При переиздании в 1806–1822 гг. этот словарь был серьезно переработан: добавлены новые единицы (1131 слово), уточнены определения значений, вместо гнездового расположения находим алфавитное. Работу над следующим за ним словарем начинал коллектив академиков под руководством А. С. Шишкова, однако завершена эта работа была только в 1847 году, под председательством князя П. А. Ширинского-Шихматова. В отличие от нормативного Академического словаря в этом четырехтомном «Словаре церковно-славянского и русского языка» главный упор сделан на полное систематическое описание слов, когда-либо употреблявшихся на протяжении многих веков, начиная с первых памятников (всего 114 749 единиц). Включена и лексика пушкинской эпохи. Таким образом, это был скорее «академичный», чем академический словарь.

Следующий по времени, также скорее академичный, чем нормативный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля вышел в 1863–1866 гг. и содержал около 200 тысяч слов. Кроме лексики литературной, он содержал и материал разговорной речи, особенно же диалектов. Материал упорядочен по гнездовому

принципу. Толкования состоят не в логическом определении, а в подборе синонимов, не всегда точных. Второстепенную роль играют грамматические пометы, но богато представлены иллюстрации словоупотребления, особенно из пословиц и поговорок, а также фразеология. Словарь выдержал несколько изданий, третье и четвертое были заново отредактированы И. А. Бодуэном де Куртене, дополнившим словарь 20 тыс. новых слов, исправившим и откорректировавшим грамматические характеристики слов.

А вот фундаментальный словарь Отделения русского языка и словесности Академии наук так и не был завершен. Первые выпуски этого словаря вышли под редакцией Я. К. Грота в 1891–1895 гг. После смерти Грота словарь редактировал А. А. Шахматов, затем — В. И. Чернышев и Л. В. Щерба; последний выпуск (вышедший в 1937 году) включал слова от *ободраться* до *обратность*. По замыслу Грота это должен был быть нормативный словарь, но, начиная с Шахматова, главной задачей стал максимально полный охват реального словоупотребления.

Однако следующий словарь был выдержан скорее в духе нормирования: «Толковый словарь русского языка» (содержавший сведения о 85 289 словах) вышел в четырех томах под редакцией Д. Н. Ушакова в 1935–1940 гг. Этот словарь включал слова лишь современного русского литературного языка, рекомендуемые для употребления, а областные слова были включены с большой осторожностью.

На базе словаря Ушакова С. И. Ожегов создал однотомный «Словарь русского языка». Первое издание вышло в 1949 году и включало более 52 тысяч наиболее употребительных слов современного языка, отобранных из словаря Ушакова. Впрочем, рекомендации по правописанию и орфоэпии даны более определенно и категорично.

Пожалуй, наиболее полным и академичным был «Словарь современного русского литературного языка» Академии наук СССР, вышедший в 17 томах (начиная с 1950 года). В нем фиксируется первое употребление слова — так, как это делается во французских и английских словарях академического типа.

На основе картотеки этого словаря в 1957–60 гг. вышел краткий академический «Словарь русского языка» в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой — нормативный словарь, очень близкий по стилю к словарю Ушакова, но с серьезными коррективами толкований, состава словаря и иллюстративного материала.

### 3. Языковые законы, нормы и стандарты

Понятие нормы для нормализаторов языка не совпадает с представлением о норме у правоведов. Филологи очень часто (и не без оснований) принимают на вооружение следующий принцип: «Если так сказать нельзя, но хочется, то можно». Представим себе аналогичную ситуацию с правилами дорожного движения. Как известно, в России принято правостороннее движение, поэтому если вы поедете по левой стороне, пересекая непрерывную линию, вы совершите ошибку с тяжелыми последствиями для кошелька и жизни.

Законами языка мы называем чаще всего то, что не обязательно закреплено «кодексом законов», то есть нормативной грамматикой или академическим словарем. Чаще всего это именно то, как «хочется» говорить — тенденции живого языка. Нормами называют стихийно закрепленные закономерности употребления языка, молчаливо принятые сообществом. Стандартами же, по-видимому, следует называть нормы, которые должны принимать (иногда волевым решением) те, кому делегировано такое право — наши законодатели языка. Каким бы интересным ни был материал того или иного орфоэпического словаря, силу закона (в юридическом смысле слова) или подзаконного акта он приобретает только после утверждения соответствующей комиссией нашей Российской академии наук.

В результате конкуренции очень разных установок по отношению к бытующим нормам и отклонениям от них в нашей науке устойчивым стало то компромиссное представление, что нормы отражают «языковое чутье»: именно поэтому так подвижны эти нормы, меняющиеся в соответствии с тенденциями языка и речи.

Однако кто же все-таки в действительности решает, например, в какой именно момент фор-

мы родительного падежа множественного числа *чулков* и *носок* становятся столь же правильными, что и старые и традиционные *чулок* и *носков*? Кто автор того нового языкового «законопроекта» середины 1990-х годов, по которому предложение *Вася* ***одел*** *тужурку* стало в одночасье столь же допустимым, что и старая норма *Вася* ***надел*** *тужурку*?[2] Кому дано право определить, что, скажем, с 1995 года одинаково допустимы два варианта ударения: *звóнит* и *звони́т*? Примеров таких «подвижек» можно привести огромное количество, однако даже те, кому делегировано право нормировать русский язык, не всегда могут сказать, когда же за них приняли такие поправки: открыв очередную версию нормативного словаря, они обнаруживают, что, оказывается, приняты нормы, за которые никогда они не голосовали.

Впрочем, возможно и такое: законодатель — член Думы или нормализатор языка — нарушает законы, в принятии которых он только что участвовал. Проголосовал за новые правила дорожного движения, сел в машину — и грубо их нарушил, поскольку они чисто условны, случайны, неорганичны, не мотивированы какими-либо глубинными резонами.

Так, у исследователей романских языков неизменно вызывает «педагогический обморок» произношение слова *афера* с *ё*. Когда же они узнают, что другое заимствование из французского — слово *солитер* — еще со времен словаря под редакцией Д. Н. Ушакова должно произноситься с *ё*[3], их удивлению не бывает границ, и произнести *солитёр* бывает выше их сил. Возникает вопрос: когда, при каких обстоятельствах и под давлением каких доводов возникла такая новая норма, нарушающая один из важнейших принципов «неосвоенного заимствования»: заимствованный элемент должен сохранять, насколько это возможно в рамках системы заимствующего языка, свои оригинальные (представленные в языке-источнике) фонетические и грамматические свойства[4]. А с другой стороны: какие принципы русской языковой нормы запрещают в таком случае вариант *афёра* как допустимый? (Кстати сказать, в некоторых нормативных пособиях 1990–х годов, правда, без грифа Российской академии наук, все указанные варианты «явочным порядком» были объявлены правильными с квалификацией: такова тенденция современного русского языка.) Нормализаторы должны все-таки думать о том, какой прецедент они создают, вводя новую норму. Или (что гораздо болезненнее для самолюбия) совершать время от времени ритуал покаяния и отказа от легкомысленно принятых стандартов.

Указанный выше принцип учета норм языка-источника очень широко используется в российской культуре заимствования. Так, по-русски бракуются выражения типа *наиболее оптимальный*: *optimus* по-латыни является формой превосходной степени от прилагательного *bonus* «хороший, добрый», поэтому элемент *наиболее* избыточен. Тем не менее сплошь и рядом мы встречаем и это много раз осужденное словосочетание, и *кредит доверия* (притом, что *кредит* происходит от латинского *credit* «верит»), и *горячие хотдоги* (*hot dog* — буквально «горячая собака»), и многие другие формы, возникающие от незнания языка-источника.

Часто конфликт норм возникает, когда у лексемы двойной источник заимствования. Так, слово *феномен* с ударением на последнем слоге в русском языке было заимствовано из французского языка — ср. *phénomène*, куда оно пришло из греческого — ср. *φαινόμενον*. Даже при глубоком уважении к античности ударение по-французски стоит всегда на последнем слоге. Когда же знание трудов греческих философов, а главное, чтение их в оригинале стало нормой для российских ученых, произошло «дублирующее» заимствование из греческого, с ударением на предпоследнем слоге: *фено́мен*[5].

Академичность приводит к довольно гибкой (сегодня часто говорят *достаточно гибкой*) и иногда абсолютно условной границе между нормой языка и уместностью речи, уместностью употребления одного «регистра» речи в рамках другого: скажем, вкрапления диалектной или «молодежной» лексики в политическом выступлении или научном докладе. Сама по себе такая «инкрустация» вполне допустима — особенно когда автор речи использует этот прием осознанно с определенной целью. Так, знаменитое *мочить*

*в сортире* является совершенно очевидной декоративной инкрустацией, скорее всего, даже скрытой цитатой из прозвучавшего незадолго до этого фрагмента речи какого-нибудь уголовника. Наш знаменитый академик В. В. Виноградов, носитель образцового русского языка, иногда в шутку, а иногда и нечаянно произносил *ножкими* и *ручкими* вместо *ножками* и *ручками*, поскольку таковы диалектные нормы окружения, в котором он провел свои детские годы. Игровое использование чуждого регистра выполняет важную функцию воздействия, является сигналом иронии или даже самоиронии (как в последнем случае).

**4. Уважение к нормам языка как результат мотивированности стандартов**

Каждое новое поколение упрекают в снижении уровня грамотности. Было это в 1920-е годы, сетуют на это и сегодня. Если бы речь шла действительно об абсолютной деградации, то абсолютный идеал можно было найти только в глубине веков, а назавтра пришлось бы ожидать еще худшего, чем сегодня. Видимо, дело все-таки в том, что каждое новое поколение вольно или невольно демонстрирует равнодушие, граничащее с пренебрежением, к тем нормам, которые ему пытаются привить без достаточной мотивировки, как то, что «надо просто запомнить без долгих размышлений».

Сегодня часто случается, что во время популярной радиопередачи под типовым названием «Как правильно?» или «Правильно ли мы говорим?» ведущие оповещают нас о том, какие формы «допускаются» довольно большим числом «авторитетных» словарей, а действительные мотивы выбора того или иного варианта при этом не упоминаются даже вскользь: эти мотивы не указываются в цитируемых словарях. Все эти «новые нормы» предъявляются ошарашенному обывателю (с его «устарелыми» нормами) как то, что «надо просто запомнить». Скажем, *му́скулистый* и *мускули́стый*, *салатный* и *салатовый*. А ведь известно, что для молодого человека, как и для любого другого свободного человека (к какому бы поколению он ни принадлежал), отсутствие мотивировки является сигналом о необязательности «нормы». «*Чу/щу* пиши через *у*» — это куда ни шло. Но следовать предписаниям (употреблять только данные и никакие другие формы), неизвестно зачем и кем составленным — это уж слишком. Отсюда возникает порой непреодолимое желание плюнуть в лицо этой самой норме (дать футуристическую «пощечину общественному вкусу») и придумать что-нибудь свое, иногда не менее случайное: что-нибудь вроде *щаз* («сейчас») и *типа* (в значении «типа» в письменных кратких сообщениях).

Академичное накопление материалов о том, как сегодня употребляется язык, каковы фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и т. п. варианты, является важнейшей предпосылкой для нормирования. Однако это всего лишь подготовка к совершенствованию норм: ведь требуется еще приблизить их к языковым идеалам, наиболее адекватным социальному профилю «героя нашего времени». Вспомним: в 1920–е годы таким героем был пролетарий (разумеется, идеализированный). В конце 1950–х годов, в эпоху «оттепели» и вплоть до конца 1980–х годов, иногда вопреки официальным установкам, на передний план стал выходить интеллигент. Выражение «гнилая интеллигенция» в это время стало употребляться не столько иронично, сколько самоиронично. Неудачная же адаптация приводит к отторжению нормы.

Поэтому пренебрежение к «чужой» норме коренится в социальной психологии. Ведь уровень грамотности прямо пропорционален тому, насколько сильно стремление людей к этой самой грамотности. А такое стремление тем выше, чем более притягательны авторитеты, диктующие эту самую грамотность. В 1990–е годы на некоторое время право голоса получили «авторитеты» уголовного мира. Отсюда и соответствующие нормы. Сегодня ценности изменились. Однако кого принимают в качестве абсолютного авторитета сегодня? Политического деятеля? Ученого-гуманитария? Писателя? Деятеля искусства? Известного визажиста? Олигарха? Топ-модель?

Эти наугад названные категории обладают каждый своим речевым профилем. А уважать норму можно, лишь зная, чьи языковые характе-

ристики легли в основу этой нормы. При изменении норм, следовательно, необходимо прямо или косвенно указывать, на кого будет похож человек, нарушающий эти нормы или, наоборот, следующий им.

Когда не было химии и медицины, люди пользовались услугами алхимика, шамана и знахаря. Однако уважение к любому виду деятельности, в том числе, и к науке, начинается с осознания разумности этой деятельности. Сказав «Так надо говорить, потому что так надо», мы, сами того не желая, ориентируем свою аудиторию на неуважение к нашим нормам. Неуважение к нашей дисциплине также коренится в таком шаманстве. Преодолеть это отношение можно, лишь только если вместе с констатацией нормы словари всегда (а не эпизодически) будут указывать **мотивировку** выбора правильного варианта. Система таких мотивов должна быть прозрачной и не ad hoc. Причем вряд ли удачна чисто академичная опора на статистику: иначе мы давно бы уже вместе с большинством населения *ложили книжку в сумку* вместо стандартного *клали*.

### 5. Нормирование русского языка как межнациональный проект

В РФ существует большое число национальных литературных языков, многие из которых обладают богатой литературой и древней традицией. Это обстоятельство вызывает потребность не только в нормировании каждого отдельного языка, но и в установлении некоторых общих наднациональных принципов нормирования. Интересный опыт в данной области был накоплен на протяжении существования АН СССР. В условиях современной России встает задача выявить новые проблемы и наметить новые пути их решения на основе накопленных данных и методов.

Для решения этой задачи необходимо провести следующие предварительные исследования:

1) установить состояние нормирования (стандартизации) всех литературных языков, существующих на территории Российской Федерации, с дальнейшей перспективой обобщения и использования их в условиях современной России;

2) констатировать нерешенные проблемы в этой области;

3) предварительно установить пути решения этих проблем.

Для достижения указанных целей должны быть решены следующие задачи:

1) сбор сведений о языках народов РФ, об их статусе и о состоянии нормирования;

2) сбор информации о методах нормирования языков и эффективности их использования, накопленной на протяжении многих веков в России и за рубежом;

3) установление методики вычисления степени эффективности указанных мер;

4) выявление предварительных схем решения существующих проблем на основе полученных эмпирических результатов и установление методов оптимизации в применении этих схем.

Таким образом, речь идет:

– об эмпирическом установлении **типологии стратегий нормирования языков** и результатов применения этих стратегий как для систем языков, так и для лингвистического профиля человеческого общества;

– об обобщении эмпирических результатов и **построении теоретической модели**, позволяющей адекватно социальным обстоятельствам планировать и эффективно осуществлять мероприятия по сохранению и оптимизации использования литературных языков народов России;

– о подготовке к применению полученных результатов **в условиях современной России как сильного стабильного многонационального государства**.

Эта работа связана с координацией исследований не только лингвистов, но и литературоведов, историков культуры, этнографов и т. д.

В условиях современной России данная программа особенно актуальна, поскольку в условиях глобализации мы наблюдаем резкое расшатывание норм употребления литературных языков, приводящее к нестабильности и грозящее в некоторых случаях хаосом, а в пределе — даже

исчезновением некоторых существующих литературных языков, обладающих старой традицией.

В результате данного исследования будут подготовлены предпосылки для практического решения констатируемых проблем не случайным образом, как мы часто наблюдаем сегодня, а с помощью хорошо предварительно продуманной модели — научной системы методов, позволяющих просчитать наперед все возможные последствия предлагаемых решений.

Решение такой задачи обладает огромной социально-экономической значимостью, поскольку позволит не только достичь более высокого уровня стандартизации языков делопроизводства и права, но и:

1) устранить или смягчить потенциальные предпосылки для межнациональных противоречий в РФ, способствовать консолидации России как многонационального целого государства;

2) повысить уровень консолидации нашего общества в рамках различных регионов РФ;

3) решать задачи культурного строительства, в том числе, подъема уровня культуры и образования в нашей стране, на принципиально более высоком научно-обоснованном уровне;

4) регулировать на научной основе, а не случайным образом деятельность СМИ, сталкивающихся с огромным числом частных языковых проблем;

5) повысить эффективность политических и культурных мероприятий.

В частности, стандартизация научно-технической терминологии на языках народов РФ как часть приложения результатов данного проекта будет способствовать повышению эффективности научной и деловой коммуникации в нашей стране.

В этой работе академичность должны сочетаться со стремлением установить академические нормы: приводить в порядок шатающийся механизм норм современного языка следует с терпением и лишь в опоре на накопленный опыт России и других стран. Простым запретительством или, наоборот, вседозволенностью мы уже давно ничего не добиваемся.

Итак, занимаясь нормированием русского языка, мы должны осознавать, что по этому образцу будет проходить нормирование и других языков России. Это делает задачу нормализаторов русского языка еще более ответственной.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Ср.: «В 30–й день Сентября 1787 года удостоен Величайшего утверждения всеподданнейший доклад Княгини Дашковой об учреждении Императорской Российской Академии, с отнесением к ее обязанности *вычищения* и *обогащения языка, общего установления употребления слов*, также свойственного ему *витийства* и *стихотворства*» (*Ширинский-Шихматов П. А.* Предисловие к Словарю церковно-славянского и русского языка. СПб.: Типография Академии наук, 1847. С. I). В 1841 году Императорская Российская Академия была присоединена к Императорской Академии Наук на правах Отделения русского языка и словесности.

[2] Нарушения этой нормы встречаем, впрочем, еще в классической русской литературе, например: *Матросик разделся догола,* ***одел*** *пробковый пояс и обвязался концом* (К. М. Станюкович).

[3] Ср.: «СОЛИТЕ'Р [*тэ*] и СОЛИТЁР, а, *м.* [латин. solitarius — одинокий]. 1. (солитер). Род крупного брильянта (мин.). 2. (солитёр). Плоский ленточный червь, паразитирующий в теле человека и животных (зоол.). *Свиной с.*»

[4] Во французском языке лексема *solitaire* фиксируется с 1240 года в значении «место одинокого пребывания», с 1636 года — «человек, выбравший одиночество как образ жизни», с 1680 года — «тот, кто привык жить анахоретом» и лишь с 1774 года «одиночный (не обязательно крупный) алмаз или бриллиант» (Nouveau Petit Robert: Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. Paris, 1996). Никакого *solit-eur* во французском нет: это новация русского просторечия.

[5] Интересно, что в немецком языке существуют также два варианта: заимствование из французского *Phänomén* (общелитературный) с формой множественного числа *Phänoméne* и заимствование непосредственно из греческого *Phänómenon* (терминологический вариант с ударением на втором от начала слоге) с греческою же формою множественного числа *Phänómena*. Русскому языку второй вариант формы множественного числа пока еще чужд.

В. С. Савельев

# О СПОСОБАХ ОФОРМЛЕНИЯ ПРЯМОЙ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ

## (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

**Виктор Сергеевич Савельев**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Используя методы исследования современной лингвистики, автор статьи приходит к выводу, что одновременное употребление нескольких глаголов, вводящих в текст «Повести временных лет» прямую речь персонажей, не является избыточным, так как с их помощью летописец характеризует коммуникативное событие с разных сторон. Устанавливаются закономерности комбинирования глаголов, обусловленные их лексическими значениями и формальными характеристиками.

Using the methods of contemporary linguistics, the author of the article made a conclusion, that the concurrent use of several verbs, which have been used for introduction of direct discourse in the old Russian Chronicle «Повесть временных лет» (XII century) is not redundant because with the help of them the Cronicler defines a communicative occurrence from different sides. The patterns of combining verbs are established. They stipulate on lexical meaning and formal description.

Летописи являются бесценным источником сведений о мире Древней Руси. Окружающий мир отражается в языке, и когда этот мир исчезает, нам остается язык, реализованный в письменной речи уже ушедших — в созданных ими текстах. Существенную часть знаний об этом исчезнувшем мире исследователь может и должен почерпнуть из речи героев древних произведений. Но решить эту общегуманитарную задачу можно только научившись читать, т. е. «извлекать» из древнего текста ту информацию, которую «закладывал» в него автор, а это представляется невозможным без обращения к методам исследования современной лингвистики. К сожалению, значительные успехи, которых достигла русистика в области семантики и коммуникативистики, почти не находят отражения в исследованиях, посвященных истории языка[1]. Между тем некоторые из особенностей строения древних текстов, непонятные для историка языка, могут быть объяснены с помощью данных именно современной лингвистики. Одним из таких текстов является «Повесть временных лет» (ПВЛ) — «знаменитая летопись нача-

ла XII века, самое содержательное произведение о древнейшей истории Руси» [13: 585], «являющееся архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы» [2: 59].

Одной из особенностей жанрового своеобразия ПВЛ является включение в нее значительного количества высказываний, которые воспроизводят устную речь персонажей текста — исторических личностей, историю эту создающих. Существенно, что эта устная речь, происходящая из разных источников[2], достигает читателя не непосредственно, а через автора письменного текста, который должен учитывать, что создаваемый им текст является письменным, а потому должен следовать правилам создания именно письменного текста. В частности, он должен не только воспроизвести «произнесенные» реплики, сохраняя только те характерные признаки их устной природы, которые выглядят уместными в письменном тексте[3], но и рассказать об этих репликах: о том, кто их произнес, как произнес, почему произнес, зачем произнес, кому адресовал. Выполняя эту задачу, автор проявляет свою языковую личность, а значит, и свойственную ей индивидуальность. Итак, введение в письменный текст прямой речи (ПР) неизбежно связано с вербальной реализацией представления автора о структуре коммуникативного события (КС)[4]. Следовательно, изучив особенности введения в текст ПР, мы узнаем о том, какие представления о структуре КС имел древнерусский книжник.

Одной из особенностей оформления ПР в ПВЛ является то, что часто реплики персонажей вводятся в текст с помощью двух глаголов, один из которых используется в личной форме, а другой — в форме причастия (далее — финитно-причастная конструкция) (например, **Поидоста по Дънепру, идучи мимо, и узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, рькуще**: «**Чий се городъ**?» (6370/862) — *И отправились по Днепру, и, проплывая мимо, увидели на горе городок, и спросили, говоря: «Чей это город?»*[5]). Каковы причины этого «дублирования»? На наш взгляд, использование финитно-причастных конструкций ни в коем случае нельзя признать избыточным: **древнерусский книжник употребляет финитно-причастные конструкции, вводящие ПР, для того, чтобы отразить структуру КС**, описываемого в данном фрагменте текста.

Какие именно глаголы составляют пары при введении ПР? Один из них обязательно называет **локутивный акт** — сам акт говорения (**глаголати, рещи**)[6]. Второй глагол характеризует одну из составляющих КС, представляющую особый интерес для автора:

– указывается действие, приводящее к возникновению **канонической ситуации общения**[7] (**И призва старѣйшину конюхомъ, рькя**: «**Кде есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его**?» (6420/912) — *И призвал он старшего конюшенного, говоря: «Где мой конь, которого я приказал кормить и беречь?»* — для того чтобы начать разговор, собеседники (князь и конюшенный) должны оказаться в одно время в одном месте);

– указывается, что коммуникация проходит **не** в канонической ситуации общения (**Посла Олегъ к радимичем, рькя**: «**Кому дань даете**?» (6393/885) — *Послал Олег к радимичам, говоря: «Кому дань даете?»* — Олег общается с радимичами не напрямую, а через посредников-послов);

– указывается, что **стимулом** для начала коммуникации послужило **получение информации**: **сенсорной** (**Приведе Янка митрополита Иоана скопьчину, егоже видивше, людье вси рекоша**: «**Се мертвець пришелъ**» (6598/1090) — *Привела Янка митрополита Иоанна, скопца; его увидев, люди сказали: «Это мертвец пришел»*) или **ментальной** (**И си слышавъ, Володимеръ рече**: «**Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянескь**» (6496/988) — *И, это услышав, Владимир сказал: «Если это правдой окажется, поистине велик Бог христианский!»*);

– глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, маркируя его начало (**инициальные реплики**) (**И влѣзѣ сотона у сердьце нѣкоторымъ мужемъ, и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко**: «**Володимеръ сложилъся есть с Василкомъ на Святополка и на тя**» (6605/1097) — *И влез сатана в сердце некоторым мужам, и они стали наговаривать*

*Давыду Игоревичу, говоря так, что: «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя»*);

– глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, называя **отношение** произносимой реплики **к предшествующей фразе** (**реактивные реплики**) (**И въпросиша колодникъ, глаголюще: «Како васъ толка сила и многое множество, не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгостѣ?» Си же отвѣщеваху, глаголюще: «Како можемъ битися с вами? А друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?»* (6619/1111) — *И спросили пленников, говоря: «Как так вышло: у вас такая сила и вас так много, но вы не смогли сопротивляться и вскоре побежали?» Те же отвечали, говоря: «Как мы можем биться с вами? Ведь над вами ездили некие в оружии светлом, страх вызывающие, те, что помогали вам!»*);

– указывается **эмоционально-психологическое состояние** говорящего, вызванное репликой собеседника и мотивировавшее его ответ (**Давыдъ же … нача молвити на Василка, глаголя сице: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на тя и на мя и сложилъся есть с Володимеромъ? Да промышляй си о своей головѣ!» Святополкъ же смятеся умомъ, рекий: «Ѥда се право будеть или лжа — не вѣдѣ»* (6605/1097) — *Давыд же … начал наговаривать на Василька, говоря так: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против тебя и меня и соединился с Владимиром? Позаботься же о себе!» Святополк же пришел в смятение, говоря: «Правда это или ложь — не знаю»*);

– **эмоциональное состояние** говорящего, вызванное репликой или действием собеседника (**стимул**), проявляется в **звуковом жесте**, сопровождающем произносимое высказывание (**И се рекь, показа ему ѕапону, на нейже бѣ написано судище Господне. Показываше же ему одесную праведныа, въ веселии предъидуща в рай, а ошюю — грѣшныа, идущих въ муку. Вълодимер же, въздохнувь, рече: «Добро сим одесную, горе же сим ошюю»* (6494/986) — *И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а слева — грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева»*);

– глагол помогает описать **материальные условия осуществления речевого акта**: так, с помощью предмета вещного мира говорящий может совершить некий **жест** — невербальный знак, несущий информацию и «включаемый» в вербальную речь (**И съсътупишася на поли на Рожни. Исполчившимъся имъ обоимъ, Василькови же ѵзвыси хрестъ, глаголя: «Сего еси цѣловалъ, се пръвое взялъ еси ѕракъ очью моею, а се нынѣ отъяти хощеши душю мою. И межи буди нами хрестъ сий честный»* (6605/1097) — *И встретились в поле на Рожни. Когда подготовились к бою обе стороны, Василько поднял крест, говоря: «Его ты целовал, и вот сперва отнял ты зрение глаз моих, а теперь взять хочешь душу мою. Так будет между нами крест этот честный!»*);

– указываются **акустические особенности** локутивного акта, имеющие отношение к речеповеденческой тактике говорящего («повышение тона» способствует усилению воздействия на собеседника) (**И слышаша людье, яко в Турийскѣ суть, и кликоша людье на Давыда, рекуще: «Выдай, кого ти хотять. Аще ли, то предамыся»* (6605/1097) — *И услышали люди, что в Турийске они, и кричали люди на Давыда, говоря: «Выдай, кого те хотят! Если же нет, то сдадимся!»*);

– глагол называет **иллокутивную функцию** высказывания (**И въпросиша колодникъ, глаголюще: «Како васъ толка сила и многое множество, не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгостѣ?»* (6619/1111) — *И спросили пленников, говоря: «Как так вышло: у вас такая сила и вас так много, но вы не смогли сопротивляться и вскоре побежали?»*);

– **иллокутивная функция** высказывания объясняется через называние **жеста** говорящего (**Си слышавъ, Володимиръ плюну на ѕемлю, рекъ: «Нечисто есть дѣло»* (6494/986) — *Услышав это, Владимир плюнул на землю, сказав: «Нечисто это дело»*);

– указывается **иллокутивная функция косвенного речевого акта** (КРА) (**Наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи**

**отъ именинъ моихъ». Василко же отопрѣся, рекa: «Не могу ждати. Єда будеть рать дома»** (6605/1097) — *Когда же настало утро, прислал Святополк, говоря: «Не уходи до именин моих». Василько же отказался, говоря: «Не могу ждать. Вдруг война случится дома»* — Василько не отказывает брату напрямую, но объясняет причину своего подразумеваемого отказа; то, что Василько «оправдывается», должно привести Святополка к мысли, что ему отказано — тот же вывод делает и летописец, указывая, что Василько **отопрѣся**);

– иллокутивная функция КРА может быть раскрыта через описание **отношения говорящего к словам собеседника** (**И начаша думати дружина, Ратиборова чадь, съ княземь Володимеровъ о погубленѣ Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, глаголющю ему: «Како могу се азъ створити, роть с ними ходивъ?»** (6603/1095) — *И стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о погублении Итларевы чади. Владимир же не хотел этого делать, говоря: «Как могу это я сделать, дав им клятву?»* — вопрос Владимира должен трактоваться как негативное суждение (*Как могу это я сделать, дав им клятву? > Дав им клятву, я не могу это сделать*);

– указывается иллокутивная функция реплики, состоящей из нескольких высказываний (**Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рекя: «То ть не право молвять волъсви, но все то лъжа есть. Конь умерлъ, а я живъ»** (6420/912) — *Олег же посмеялся и упрекнул кудесника, говоря: «То всё неправду говорят волхвы, всё это ложь. Конь умер, а я жив»* — первая фраза Олега представляет собой оценочное суждение (*Кудесники лгут*), вторая — констатацию факта (*Я жив*), подтверждающего оценочное суждение; в целом же князь произносит эту реплику для того, чтобы обличить (**укорити**) кудесников вообще и того кудесника в частности, который когда-то напророчествовал Олегу смерть от коня);

– казывается **перлокутивный эффект**, к которому стремится говорящий (**Не вдасть зла за зло, но утѣши и, рекъ ему: «Єлма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, уведе мя на столъ мой, нарекъ мя старѣйши себе, се азъ не помяну злобы первоѣ. Ты мнѣ еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя»** (6586/1078) — *Не воздал злом за зло, но утешил, сказав ему: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой, нарек меня старейшим себя, я не помяну прежнего зла. Ты мне брат, а я — тебе, и сложу голову свою за тебя»*);

– указывается то, что достижение **перлокутивного эффекта**, к которому стремится говорящий, связано с нарушением **коммуникативного постулата** (**Святослав же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти. Всеволода бо прельсти и, глаголя, яко: «Изяславь сватается сь Всеславомъ, мысля на наю. Да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати». И тако вzостри Всеволода на Изяслава** (6581/1073) — *Святослав же был виновником изгнания брата, желая еще большей власти. Всеволода ведь он обманул, говоря, что: «Изяслав сговаривается со Всеславом, замышляя против нас. Если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава* — стремясь к достижению своих целей, Святослав *обманывает* Всеволода);

– указывается, к какому **речевому жанру** следует отнести пространную реплику говорящего (**Володимиръ же видивъ церковь свѣршену, и вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! Призри с небеси и вижь, посѣти винограда своего и свѣрши, яже насади десница твоя, люди сия новыя, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиньнаго Бога …»** (6504/996) — *Владимир же, увидев построенную церковь и войдя в нее, помолился Богу, говоря: «Господи Боже! Взгляни с неба и увидь! Посети сад свой и сверши то, что насадила десница твоя, — людей этих новых, сердце которых ты обратил к истине познания тебя, истинного Бога …»*);

– **всезнающий автор** может воспроизвести «**речь**» персонажа, **адресованную к самому себе** (**внутренний монолог**) (**Святополкъ же оканьный помысли в себе, рекъ: «Се уже убихъ Бориса. А еще како бы убити Глѣба?»** (6523/1015) — *Святополк же окаянный подумал, сказав: «Вот уже убил я Бориса. А еще как бы убить Глеба?»*).

Итак, вводящие ПР глаголы позволяют автору летописи охарактеризовать как **экстралин-**

**гвистическую ситуацию**, побудившую говорящего вступить в общение (стимулы, приведшие к коммуникации; материальные условия коммуникации; наличие / отсутствие условий канонической ситуации общения), так и само **коммуникативное событие** (эмоционально-психологическое состояние коммуникантов; включенность в диалог невербальных знаков — жестов и акустических «эмотивов»; место речевого шага в диалоге; отношение к коммуникативным постулатам; иллокутивные функции прямых и косвенных речевых актов; перлокутивный эффект, к которому стремится говорящий; речевой жанр реплики)[8].

Образуют ли рассмотренные сочетания глаголов некие единые комплексы? В научной литературе, начиная с А. А. Потебни, указывается на особый статус аппозитивной причастной формы — формы, переходной от причастия к деепричастию: «В причастии уничтожаются знаки его согласования с подлежащим (падеж, род, число). …Слово, бывшее причастием, или начинает тяготеть исключительно к сказуемому (если и прежде входило в состав сего последнего), или же еще впервые вовлекается в сферу притяжения сказуемого, если прежде не имело непосредственного отношения к нему» [23: 77]. Объясняется такое употребление необходимостью указать на тесную связь между действиями, называемыми (дее)причастием, и финитной формой: «Можно предположить, что деепричастные конструкции передают **более тесные семантические отношения** между дискурсивными единицами (клаузами), чем сочинительные» [15: 144][9]. Таким образом, финитно-причастные конструкции, вводящие ПР, обладают как формальной, так и семантической связностью элементов, эти конструкции образующих: в большинстве случаев начинает конструкцию финитная форма глагола, называющего какую-либо характеристику КС, а вторым элементом является причастие, указывающее на локутивный акт. Реже встречаются конструкции, в которых причастие предшествует финитной форме (**Вь день бо Вьздвижения Всеславъ, въздохнувъ, рече**: «**О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рова сего**» (6576/1068) — *Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О Крест честный! Так как верил я в тебя, избавил меня от рва этого!»*) или глагол, указывающий на локутивный акт, находится в препозиции (**И рѣша, послався ко князю**: «**Се половци росулися по земли. Да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемся с ними**» (6576/1068) — *И сказали, послав к князю: «Вот, половцы рассеялись по земле. Дай, князь, оружие и коней, и еще будем биться с ними!»*).

Анализируя способы оформления ПР в древних текстах, историки русского языка сосредоточивают свое внимание на описании союзов и форм лица, различающих прямую и косвенную речь [6: 374; 28: 266; 5: 482; 4: 9]. Господствует точка зрения, согласно которой древнерусский текст не знает специализированных способов оформления ПР, поскольку преимущественно эта связь в текстах бессоюзна, а редкое использование союза **яко** в сочетании с ПР (а не с косвенной речью) свидетельствует о неразвитости синтаксиса письменного текста. Между тем, на наш взгляд, в ПВЛ обнаруживается средство введения ПР. Устойчивость употребления финитно-причастной конструкции, вводящей ПР, указывает на ее особый статус: она осознается автором текста как **средство, маркирующее начало ПР**.

Следует заметить, что степень необходимости использования средства, указывающего на начало ПР, в древнем тексте выше, чем в тексте современном: графические особенности оформления древнего текста (отсутствие пробелов, знаков препинания) таковы, что **поиск** чужого слова и его **истолкование** (представление о коммуникативной цели говорящего, его эмоциональном и психологическом состоянии, которые в современном тексте могут быть выражены графически) осуществляются прежде всего через обращение к авторской речи, обрамляющей реплику персонажа. Способность глаголов, вводящих ПР, выполнить обе эти задачи (указать и истолковать чужое слово) делает использование союза избыточным, а потому неудивительно, что с развитием «текстовой техники» союз **яко** — изредка «вводящий» ПР в древнерусских текстах на правах коннектора, заполняющего объектную валентность, — получает иную фун-

кциональную нагрузку: становится средством введения косвенной речи.

Вместе с тем анализ ПВЛ показывает, что употребление финитно-причастной конструкции, будучи весьма частотным, не является абсолютным: встречаются вводящие ПР «одиночные» глаголы[10] (напр.: **И наидоша я козаре, сѣдящая в лѣсѣхъ на горах, и рькоша козарѣ**: «**Платите намъ дань**» — *И пришли к ним, сидящим в лесах на горах, хазары, и сказали хазары: «Платите нам дань»*), сочетания финитных форм (**И убояшася грѣцѣ и рькоша**: «**Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрий: посланъ на ны от Бога**» (6415/907) — *И испугались греки и сказали: «Это не Олег, а святой Дмитрий: послан на нас Богом»*). Такое разнообразие связано, на наш взгляд, с тем, что для летописца было важно не только следовать определенному «грамматическому стандарту», но и, прежде всего, учитывать целесообразность использования конструкции: количество глаголов, вводящих ПР, зависит от того, насколько кратко или подробно необходимо описать КС. Так, «одиночные» глаголы чаще используются при введении реактивных реплик: поскольку КС уже охарактеризовано перед инициальной репликой, вводя реактивную реплику, необходимо лишь указать на то, что говорящий и собеседник поменялись ролями (см., напр.: **И несоша козарѣ къ князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ**: «**Се налѣзохомъ дань нову**». **Они же рѣша имъ**: «**Откуду?**» **Они же рѣша имъ**: «**В лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою**». **Они же рькоша**: «**Что суть вдалѣ?**» **Они же показаша мечь** — *И отнесли хазары (дань) к князю своему и к старейшинам своим и сказали им: «Вот нашли дань новую». Те же сказали им: «Откуда?» Они же сказали им: «В лесах на горах, над рекою Днепром». Те же сказали: «Что дали? Они же показали меч»*). Однако если КС имеет сложную структуру и, по мысли летописца, требует подробного истолкования, реактивные реплики также могут предваряться конструкциями с несколькими глаголами, характеризующими эти реплики.

Итак, степень сложности КС влияет на выбор вводящей ПР конструкции: чем более подробно автор хочет описать КС, тем большее количество глаголов он использует (напр.: **Володимеръ же се слыша, въздѣвъ на небо, и рече**: «**Аще ся сбудеть се, имамъ креститися**» (6496/988) — *Владимир же это услышав, воззрев на небо, сказал: «Если это сбудется, я крещусь!»* — называется стимул (получение информации: **Володимеръ же се слыша**), через упоминаемый жест указывается адресат (**въздѣвъ на небо**), свидетельствуется само говорение (**рече**); **Вълодимеръ же слышавъ, яко ятъ есть Василко и ослѣпленъ, ужасася и въсплакася вельми и рече**: «**Сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ сякого зла**» (6605/1097) — *Владимир же услышав о том, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, разрыдался и сказал: «Не бывало на Руси ни при дедах наших, ни при отцах такого зла!»* — описывается цепочка событий, приведших к говорению: стимул (новое знание: **слышавъ**) — психологическая реакция (**ужасася**) — эмоциональная реакция (**въсплакася**) — рациональная реакция (суждение, произносимое персонажем: **рече**). Характерно, что описание КС может содержать не только препозитивная по отношению к ПР конструкция, но и постпозитивная (напр.: **И послуша его Святополкъ и посла по Василка, глаголя**: «**Да аще не хощеши ждати до имянинъ моихъ, и приди нынѣ, да цѣлуеши мя, и посѣдимы вси с Давыдомъ**». **Василко же обѣщася прити, не вѣдый лесть, юже ковааше на нь Давыдъ** (6605/1097) — *И послушал его Святополк и послал к Василько, говоря: «Если не хочешь ждать до именин моих, приходи сейчас, поцелуешь меня и посидим вместе с Давыдом!» Василько же обещал прийти, не догадываясь об обмане, который задумал против него Давыд* — в постпозитивной нарративной части указывается не только согласие Василька, но и то, что в предложении, обращенном к нему, содержался обман).

Таким образом, на начало ПР в ПВЛ указывает или «одиночный» глагол речи, или финитно-причастная конструкция, или конструкция, включающая большее, чем два, количество глаголов (при этом ее элементом часто оказывается финитно-причастная конструкция, занимающая контактное по отношению к ПР положение).

Выбор той или иной конструкции определяется желанием автора «прокомментировать» описываемое КС более или менее подробно. Репертуар используемых летописцем характеризующих КС глаголов свидетельствует о том, что его представление о КС оказывается удивительно близким тому, которое обнаруживается в современной научной литературе.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Редкими исключениями служат работы М. И. Лекомцевой [18], А. В. Михайлова [20], Е. М. Верещагина [8], В. Г. Костомарова [9], Д. В. Аникина [1], И. В. Кузнецова [17], игумена Тихона [26].

[2] В многочисленных работах, посвященных ПВЛ, констатируется разнородность ее источников (устных легенд славянского и неславянского происхождения, переводных текстов разной жанровой природы), наличие нескольких текстовых пластов, восходящих к разным авторам и редакторам (см. работы И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, В. М. Истрина, М. Д. Приселкова, Н. А. Мещерского, Д. С. Лихачева и многих других исследователей), что объясняет языковую гетерогенность летописи (см.: [12]). Тем не менее все это не отрицает возможности исследования ПВЛ как единого, цельного текста (см., напр.: [19; 24; 25; 27]).

[3] На двоякую природу прямой речи в ПВЛ указывал В. В. Виноградов, писавший о том, что «хотя речи действующих лиц носят явные следы некоторой литературной обработки, все же словарь летописи насыщен терминами быта, живыми отголосками разговорной речи XII в.» ([10: 265]).

[4] О коммуникативном событии см., напр., в: [3].

[5] Примеры из ПВЛ даются по изданию [22]. Поскольку для целей данной статьи точное воспроизведение графики, орфографии и пунктуации ПВЛ по соответствующим спискам несущественно, графика и орфография примеров упрощены, произведена разбивка текста на предложения, пунктуационные знаки используются в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент. Далее приводится его перевод.

[6] История глаголов речи, вводящих ПР, описана в ряде работ (см.: [16; 21; 11; 14]).

[7] Характерно, что данное действие, называемое автором, само по себе является речевым (князь посылает за конюшенным), а глагол, его называющий, указывает на КС, которое нет необходимости подробно описывать. Следует также обратить внимание на своеобразное преломление внеязыковой действительности в данном отрывке: «призывание» конюшенного и вопрос, адресованный ему, явно не одновременны, последовательность этих событий отражается в линейной структуре синтагмы (глагол, указывающий на более позднее событие, следует вторым), но не в таксисном употреблении глагольных времен (форма настоящего времени причастия указывает на одновременность действий).Таким образом, можно предположить, что для книжника в этом случае важнее указать на «целостность» описываемого КС.

[8] Глаголы, вводящие ПР, способны выражать и иные «характеристики» коммуникативного события, однако в рамках данной статьи они не рассматриваются.

[9] См. также: [7: 356–358].

[10] Такой способ оформления ПР характерен, прежде всего, для начальной части летописи. Чаще всего это глагол **рещи** в форме аориста, ему предшествуют финитные формы глаголов, повествующих о событиях, приведших к коммуникации.

**ЛИТЕРАТУРА**


1. *Аникин Д. В.* Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: Дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

2. *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

3. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.

4. *Борковский В. И.* О двух ярких синтаксических особенностях русских сказок // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38. М., 1979.

5. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

6. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. 2. Киев, 1953.

7. *Вайс Д.* Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

8. *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. М., 2001.

9. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.

10. *Виноградов В. В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.

11. *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореви… К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. 2001.

12. *Гиппиус А. А.* Языковая гетерогенность и качество нарратива в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (29). М., 2007.

13. *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998.

14. *Камчатнов А. М.* Форма аориста **рече** как знак цитации в древнерусских текстах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (15). М., 2004.

15. *Кибрик А. А.* Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.

16. *Колесов В. В.* Лексическое варьирование в литературном языке XVII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

17. *Кузнецов И. В.* «Слово о вере христианской и латинской» печерского игумена Феодосия как ранний памятник русской публицистики // Филологические науки. № 6 (2). М., 2006.

18. *Лекомцева М. И.* Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале «Похвального слова Кириллу-философу» Климента Охридского) // Структура текста. М., 1980.

19. *Лихачев Д. С.* Текстология. СПб., 2001.

20. *Михайлов А. В.* Реконструкция древнерусского менталитета в диахронии (проблематика структуризации) // Языковая семантика и образ мира. Т. 23. Казань, 1997.

21. *Отин Е. С.* Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке // Проблемы развития языка. Межвузовский научный сб. Вып. 1. Саратов, 1977.

22. Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 2000.

23. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 2. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Харьков, 1874.

24. *Ранчин А. М.* Вертоград златословный. М., 2007.

25. *Ранчин А. М.* Метод А. А. Шахматова и проблема единства текста Повести временных лет: о концепции С. Я. Сендеровича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). М., 2008.

26. *Тихон (Полянский), иг.* Этические аспекты в антилатинских произведениях митрополита Никифора // Там же. № 3 (29). М., 2007.

27. *Шайкин А. А.* Является ли Повесть временных лет целостным литературным произведением? // Там же. № 3 (33). М., 2008.

28. *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.



## СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ «ОБ УЧАСТИИ МАПРЯЛ, РОПРЯЛ И НАЦИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ РУСИСТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА „РУССКИЙ МИР“»

(Геленджик, 9–11 сентября 2008 года)

9–11 сентября 2008 года в г. Геленджике Краснодарского края (Россия) состоялся семинар-совещание «Об участии МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и национальных ассоциаций русистов в деятельности фонда „Русский мир“». Его организатором выступила Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ». В подготовке и проведении семинара совещания приняли активное участие Департамент по образованию и науке Краснодарского края и Кубанский государственный университет.

Семинар-совещание открыла президент МАПРЯЛ, президент РОПРЯЛ, президент СПбГУ, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Л. А. Вербицкая. На торжественном открытии семинара-совещания были зачитаны приветствия в адрес семинара от губернатора Краснодарского края А. Н. Ткачева, администрации г. Геленджика, исполнительного директора фонда «Русский мир» В. А. Никонова, ректора Кубанского университета М. П. Астахова.

Первое утреннее заседание 9 сентября было посвящено анализу эффективности мероприятий, проводимых в России по линии РОПРЯЛ и за рубежом по линии МАПРЯЛ. Во второй половине дня состоялся круглый стол «Деятельность МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и фонда «Русский мир» в свете государственной языковой политики России». По докладу Л. А. Вербицкой, которая осветила вопросы сотрудничества МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и фонда „Русский мир“, выступили члены президиума МАПРЯЛ В. Г. Костомаров, Л. А. Кудрявцева, Т. П. Млечко, Ю. Е. Прохоров, Л. Шипелевич, Е. Е. Юрков, члены правления РОПРЯЛ И. П. Лысакова, В. П. Абрамов, В. М. Шаклеин, В. А. Степаненко, И. В. Тяпкова, а также сотрудники фонда «Русский мир» А. К. Горшков и С. Л. Щербакова.

10 сентября участники семинара-совещания знакомились с учителями Краснодарского края, которые рассказали об опыте работы в многонациональных классах. Их деятельность и возможность использования их достижений в школах России и за рубежом стали предметом обсуждения на заключительном пленарном заседании 11 сентября.

После закрытия семинара-совещания состоялось совместное заседание Президиума МАПРЯЛ и Правления РОПРЯЛ, посвященное вопросам консолидации усилий и координации действий руководства обеих организаций.

Для участников семинара-совещания было организовано посещение достопримечательностей г. Геленджика. Кроме того, они смогли принять участие в конференции «Теория и практика подготовки учителя словесника — специалиста в области преподавания русского языка как неродного», которая проходила в те же сроки в г. Геленджике.

*Проф. Л. В. Московкин,*
*директор секретариата МАПРЯЛ*

Е. В. Грудева

# ВАЛЕНТНОСТНЫЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ И ЭЛЛИПСИС ПРИГЛАГОЛЬНЫХ АКТАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

## (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ И КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с эллипсисом приглагольных актантов: возможные причины такого рода эллипсиса и межъязыковые различия в отношении к эллипсису того или иного актанта. Показаны возможности использования аннотированного корпуса русского языка в такого рода исследованиях. С опорой на экспериментальные и корпусные данные обнаружены некоторые закономерности в опущении приглагольных актантов в современном русском языке. Так, в высказываниях с трехвалентным глаголом в вершине очень часто (30–50 %) опускается третий актант; в высказываниях с двухвалентным переходным глаголом в вершине первый актант опускается чаще (10–15 %), чем второй (1–5 %).

The article covers the problem of what could be dubbed an 'actant drop' in the present-day Russian. Specific factors that trigger the actant drop were investigated, both theoretically and experimentally. It is observed that one of such factors is the valency class (intransitive vs. transitive vs. ditransitive verbs). According to the experimental findings ditransitive verbs make it possible to drop the third (oblique) actant in 30–50 percent of the utterances; transitive verbs favour dropping the second actant in 10–15 percent of the utterances, while intransitive verbs allow their only actant to be dropped in mere 1–5 percent of the total number of the experimental utterances. The data are found to agree with those provided by the large corpora of the Russian language. Some typological parallels with the Japanese language and other languages are examined.

**Елена Валерьевна Грудева**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета; старший научный сотрудник лаборатории моделирования речевой деятельности Санкт-Петербургского государственного университета

**Введение.** В настоящее время многие лингвисты признают, что как в исследовательской, так и в преподавательской деятельности необходимым подспорьем (по степени важности сопоставимым с традиционными «инструментами» лингвиста — словарем и грамматикой) должен стать сбалансированный аннотированный корпус текстов (см., напр.: [3; 2; 9]). Наличие корпуса позволяет быстро получить большое число примеров с тем или иным языковым явлением. Единицей поиска может выступать слово, словоформа, словосочетание, грамматические признаки и пр. Сегодня существует несколько корпусов русского языка такого типа, доступных в интернет-версиях для работы[1] и отличающих-

ся друг от друга как объемом, так и предоставляемыми возможностями в получении той или иной лингвистической информации.

Показать возможности использования аннотированных корпусов русского языка в исследовательской и преподавательской практике можно на примере эллипсиса приглагольных актантов в русском языке. Обращение к случаям неполноты — как синтаксической, так и смысловой — представляет и самостоятельный интерес. Как известно, любой текст содержит большее или меньшее число таких случаев. Известно также, что языки могут отличаться друг от друга склонностью или несклонностью к пропуску тех или иных обязательных компонентов высказывания. Выяснить, насколько часто в языке опускается тот или иной актант, формирующий вместе с вершинным глаголом костяк предложения, составляет цель данной статьи. В ней представляются количественные данные об эллипсисе приглагольных актантов в русском языке, что позволяет судить о степени зависимости эллиптирования того или иного актанта от валентностного класса глагола. Исследование проводится на базе аннотированных корпусов русского языка.

**1. Неуниверсальность правил эллипсиса.** Как уже отмечалось, правила эллипсиса (т. е. что и в какой ситуации может быть опущено) не универсальны, а варьируют от языка к языку. Например, в современных германских языках опущение первого актанта (в типичном случае — подлежащего) затруднено или вовсе невозможно, в то время как в славянских языках это явление широко распространено.

В современном русском языке кроме собственно эллипсиса подлежащего существует также несколько типов так называемых односоставных глагольных предложений, в которых особая семантика выражается именно за счет отсутствия эксплицитно выраженного подлежащего (неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения, императивные конструкции и пр.). Ср.: *В буфете продают кофе; Цыплят по осени считают; Принеси, пожалуйста, карандаш.*

В дальнейшем изложении под эллиптическими будут пониматься только такие высказывания, которые удовлетворяют следующим критериям: 1) наличие соотносимых конструкций (полных и неполных, или эллиптических), 2) тождественность семантической и /или стилистической интерпретации соотносимых конструкций.

**2. Причины, влияющие на правила эллипсиса.** В литературе отмечается, что «причины противопоставленности языков применительно к возможностям опущения I актанта (и других синтаксем) неясны. По-видимому, важны степень флективности, развитость согласования, поскольку личные формы глагола облегчают восстановление информации о типе I актанта (в некоторых языках также и других синтаксем, обычно II актанта), что способствует эллиптированию. Но они не могут объяснить всего, т. к. не обнаруживается взаимно-однозначного соответствия между указанными характеристиками и возможностями эллипсиса» [6: 67].

Русский язык относится к языкам флективного типа с развитым согласованием. В связи с этим в отечественной русистике существует давняя традиция (восходящая, как минимум, к акад. А. А. Шахматову) считать, что в конструкциях с вершинным глаголом в формах 1–2-го л. ед. и мн. ч. подлежащее излишне, т. к. вся необходимая информация выражена личным окончанием глагола (ср. примеры типа *Люблю грозу в начале мая* или *Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь*…).

В то же время существуют интересные наблюдения за фактами эллиптирования 1-го актанта (подлежащего) в языках другого типа, например в китайском, в котором, как известно, нет согласования и в целом отсутствует морфология в привычном для нас понимании. Такого рода факты заставляют исследователей искать другие причины эллипсиса, в том числе и выходящие за пределы собственно языковых причин.

По данным В. Б. Касевича и Т. Н. Никитиной, эллипсис первого актанта в конструкциях с глаголами речи и давания/отнимания в современном китайском языке составляет 60–70 % [7]. На материале русского языка, по нашим данным с опорой на корпус, эллипсис первого актанта в конструкциях с глаголами речи составил

7,5 %, с глаголами давания/отнимания — 11,25 %. Результаты сравнения и по другим классам глаголов, указанным в упомянутом источнике, позволяют утверждать, что эллипсис первого актанта — значительно более распространённое явление в древнекитайском и в современном китайском языке, нежели в русском языке. Это, в свою очередь, лишний раз доказывает, что эллипсис первого актанта не может быть объяснён исключительно глагольным согласованием.

Как отмечают исследователи японского языка, эллипсис подлежащего, обозначающего субъект действия, — весьма распространённое в этом языке явление. Более того, эллипсис считают одной из главных особенностей японского языка (наряду с порядком слов и категорией вежливости), присущих ему с древнейших времён [1: 136–138]. И. И. Басс, ссылаясь на исследования Ли Дзянь Го и Ли Фан, отмечает, что тенденция эллиптировать личные местоимения в функции подлежащего проявляется в японском языке чаще, чем в других языках, в том числе чаще, чем в китайском. Имеются данные, согласно которым число предложений с эллиптированным субъектом действия в текстах на нормативном японском языке достигает 74 % [13: 185].

Интересно, что востоковеды усматривают в тенденции часто опускать подлежащее не только грамматические причины, но и культурные. Например, по описанию И. И. Басс, Ли Дзянь Го называет японскую культуру «культурой без Я ». В частности, это сказывается в том, что носители японского языка часто избегают употреблять местоимение первого лица и предпочитают заменять его словами, выбор которых зависит от того, к кому обращено высказывание. Например, отец в разговоре с ребёнком дома называет себя *отец* или *папа*, а с племянником — *дядя*. Тот же автор заключает, что в японском языке преобладает принцип, который в обобщённом виде можно сформулировать следующим образом: «Что-то естественным образом так получилось» в противоположность формуле: «Кто-то что-то намеренно сделал».

Подробный анализ этого вопроса с выходом в смежные проблемы представлен также в работе В. Б. Касевича «Буддизм. Картина мира. Язык». В. Б. Касевич интерпретирует склонность к нулевому дейксису и предпочтение этикетной дескрипции как «меньшее проявление персоналистских тенденций» [5: 223]. В работе различаются *я*-культуры и *мы*-культуры, языковым коррелятом последней предлагается считать «обезличенность» текста. «Обезличенность», в свою очередь, соотносится со снижением роли агенса. И наоборот: «Повышение роли агенса связано с развитием персоналистских тенденций» [5: 224].

Итак, можно сказать, что, с одной стороны, русский язык относится к числу языков, в которых наблюдается эллипсис первого актанта (подлежащего). Это отличает русский язык от германских языков. С другой стороны, эллипсис первого актанта в русском языке не настолько частое явление, как в целом ряде восточных языков (японский, китайский, тибетский).

Как же обстоит дело с эллипсисом других глагольных актантов в русском языке?

**3. Эллипсис приглагольных актантов в русском языке**. Для выяснения закономерностей, связанных с опущением (эллипсисом) первых трех актантов в русском языке, нами был проведен психолингвистический эксперимент.

**3.1. Описание эксперимента**. В качестве материала были отобраны высокочастотные глаголы русского языка. Сведения о частотности были взяты из упсальского «Частотного словаря современного русского языка» [11]. Всего было отобрано 90 высокочастотных глаголов трёх валентностных классов: по 30 глаголов одновалентных (типа *спать, упасть, существовать*), двухвалентных (типа *вести, видеть, забыть, иметь*) и трёхвалентных (типа *дать, добавить, помогать, рассказать*); эти глаголы были разбиты на 9 блоков.

Каждому испытуемому предъявлялся блок из 10 глаголов с просьбой составить с каждым глаголом по 5 простых коротких предложений. Письменная инструкция была следующей:

> Составьте по 5 простых коротких, не зависимых друг от друга предложений с каждым из приведённых ниже глаголов. При этом глагол должен быть употреблён в личной форме (типа: *сижу, сидит, сидите* и т. п.). Избегайте употребления глагола в начальной форме (типа *сидеть*). Например:

*Таблица 1.* **Эллипсис приглагольных актантов в высказываниях с трёхвалентным глаголом в вершине (в %)**

| Семантический класс глаголов | Эллипсис 1-го актанта | Эллипсис 2-го актанта | Эллипсис 3-го актанта |
|---|---|---|---|
| Глаголы речи типа *спросить, рассказать, предложить* | 2 | 7 | 60 |
| Глагол *помочь* | 3 | 19 | 60 |
| Глаголы типа *показать, представить* | 4 | 4 | 58 |
| Глаголы типа *снять, положить, добавить* | 2 | 3 | 33 |
| Глаголы давания/получения | 5 | 3 | 60 |

СМОТРЕТЬ

1. Петя ***смотрел*** на небо.
2. Дети ***смотрят*** мультфильм.
3. Отец ***будет смотреть*** дневник.
4. Мы ***смотрим*** вдаль.
5. Книгу вы ***смотрели***?

С каждым блоком из 10 глаголов работали в среднем 50 испытуемых[2]; таким образом, всего в эксперименте приняли участие 450 разных испытуемых. Максимальное число высказываний с каждым глаголом, которое мы могли получить от 50 испытуемых, теоретически равно 250. В реальности это число могло быть другим, т. к. иногда испытуемые генерировали высказывания не с предложенным глаголом, а с однотипным глаголом противоположного вида, или же придумывали меньшее число высказываний, чем того требовала инструкция.

Основная задача этого эксперимента заключалась в том, чтобы выявить, что (т. е. какие из обязательных валентностей русского глагола) и при каких условиях может опускаться в рамках *отдельного* (*изолированного*) *высказывания*. Иными словами, основная задача сводилась к тому, чтобы обнаружить некоторые правила эллипсиса приглагольных актантов в современном русском языке применительно к изолированному высказыванию.

При обработке экспериментального материала был разработан целый ряд процедур для отождествления глагольных значений, отграничения эллипсиса приглагольных актантов от смежных явлений и др. [4]. Так, эллиптическими считались только такие конструкции, которые имеют коррелятивную полную форму той же семантики. Иными словами, случаи типа неопределенно-личных предложений, императивных конструкций и пр. в расчет не принимались, т. к. такого рода высказывания, с нашей точки зрения, представляют собой реализации особых конструкций, для которых характерны свои семантические и/или стилистические оттенки.

**3.2. Результаты эксперимента**. Рассмотрим отдельно глаголы каждого валентностного класса. В табл. 1 содержатся усредненные данные по нескольким семантическим группам, представленным трехвалентными глаголами.

Как видим, во-первых, во всех семантических группах обнаруживается четкая закономерность, связанная с тем, что намного чаще других эллиптируется **третий** актант. Например, в высказываниях *Он рассказал интересную историю; Папа показывает ремень* отсутствует компонент, соответствующий семантической роли адресат (*кому*), а в высказываниях *Мы помогаем родителям*; *Она будет помогать своей маме* отсутствует компонент, соответствующий смыслу ‘чем’, ‘что делать’ (ср. высказывание с реализацией всех трех валентностей глагола *помогать*: *Родители помогают нам строить дом*).

Во-вторых, как свидетельствуют приведённые в табл. 1 данные, среди представленных трёхвалентных глаголов выделяется несколько групп — в зависимости от распределения частоты опущения первых двух актантов. Так, для высказываний с глаголами речи и глаголом *помо-*

*Таблица 2.* **Эллипсис приглагольных актантов в высказываниях с двухвалентным глаголом в вершине (в %)**

| Семантический класс глаголов | Эллипсис 1-го актанта | Эллипсис 2-го актанта |
|---|---|---|
| Глаголы ментальной деятельности типа *знать, понимать, думать* | 3 | 3 |
| Глаголы движения типа *прийти, пойти, выйти, являться* | 3 | 3 |
| Глаголы созидательной деятельности типа *сделать, найти, открыть* | 4 | 2 |
| Глаголы зрения типа *увидеть, смотреть* | 5 | 2 |

*гать* в вершине характерно относительно редкое опущение первого актанта (ср.: *Предложил свою конфету*; *Чем смогу, помогу*; *Помогли в подготовке*) при более частом опущении второго актанта (ср.: *Дети объясняют друг другу; Мы помогли, чем смогли*). Для трех других групп высказываний (с вершинными глаголами типа *показать* и типа *снять*, а также с глаголами давания/получения) характерно то, что опущение первых двух актантов составляет примерно одинаковое число случаев и в целом оно незначительно (напр.: *Ты добавишь мне, если не хватит?* или *Положишь на место?!*).

Перейдем к высказываниям с двухвалентным глаголом в вершине. В табл. 2 приводятся количественные данные об эллипсисе приглагольных актантов в такого рода высказываниях.

В целом можно отметить, что, по данным эксперимента, эллипсис первых двух актантов в высказываниях с двухвалентным глаголом в вершине, во-первых, незначителен, во-вторых, незначительна разница между показателями эллипсиса первого и показателями эллипсиса второго актанта.

Некоторое исключение из обнаруженной закономерности составляет группа глаголов зрения и группа глаголов созидательной деятельности, где наблюдается незначительное преобладание количественных данных эллипсиса первого актанта над соответствующими данными эллипсиса второго актанта (напр.: *Скоро увидим новый фильм*; *Сидим, смотрим журналы*).

Можно констатировать, что, в отличие от высказываний с трёхвалентным глаголом в вершине, где по значительному числу эллиптических опущений явно выделяется третий актант, в высказываниях с двухвалентным глаголом в вершине, по данным эксперимента, эллипсис первых двух актантов незначителен.

Что касается высказываний с одновалентным глаголом (типа *спать, лежать, существовать*) в вершине, то эллипсис единственного актанта в среднем не превышает 3 % случаев.

**3.3. Корпусное исследование.** Принимая во внимание тот факт, что в экспериментальной ситуации испытуемые работали с изолированным высказыванием (вне погружения его в текст и в коммуникативную ситуацию), мы решили проверить полученные данные, обратясь к связным текстам. Для этого были извлечены все контексты с указанными вершинными глаголами из Корпуса русского литературного языка (www.narusco.ru). Корпус представляет собой совокупность четырёх относительно самостоятельных подкорпусов: художественной литературы (30 % от общего объёма корпуса), публицистики (30 %), научно-популярной литературы (20 %), а также драмы как некоторого приближения к зафиксированной на письме разговорной речи (20 %). Все тексты относятся к периоду с 50-х годов XX века до нашего времени. На момент обращения объем корпуса составлял 1 млн словоупотреблений[3].

Каковы самые общие результаты проведённого сопоставления?

Оказалось, что тенденции в распределении частоты эллиптирования того или иного глагольного актанта, выявленные на материале корпуса русских текстов, совпадают с тенденциями, которые были обнаружены в экспериментальном материале, а число случаев эллипсиса, обнаруженных на материале корпуса, как правило, *выше* соответствующего числа случаев, полученных в ходе эксперимента. В качестве при-

*Таблица 3.* **Эллипсис приглагольных актантов (на материале корпуса и на материале психолингвистического эксперимента, в %)**

Одновалентные глаголы

| **В корпусе** | | **В эксперименте** | |
|---|---|---|---|
| **Глаголы** | **Без 1 актанта** | **Глаголы** | **Без 1 актанта** |
| встать | 16 | встать | 0 |
| вырасти | 10 | вырасти | 2 |
| молчать | 13 | молчать | 1 |

Двухвалентные глаголы

| **В корпусе** | | | **В эксперименте** | | |
|---|---|---|---|---|---|
| **Глаголы** | **Без 1 актанта** | **Без 2 актанта** | **Глаголы** | **Без 1 актанта** | **Без 2 актанта** |
| прийти | 20 | 27 | прийти | 0 | 5 |
| любить | 15 | 6 | любить | 3 | 2 |
| иметь | 11 | 1 | иметь | 7 | 0 |
| решить | 13 | 0 | решить | 3 | 1 |

Трёхвалентные глаголы

| **В корпусе** | | | | **В эксперименте** | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| **Глаголы** | **Без 1 актанта** | **Без 2 актанта** | **Без 3 актанта** | **Глаголы** | **Без 1 актанта** | **Без 2 актанта** | **Без 3 актанта** |
| дать | 5 | 5 | 51 | дать | 2 | 1 | 28 |
| объяснить | 7 | 7 | 39 | объяснить | 2 | 14 | 45 |
| рассказать | 11 | 14 | 29 | рассказать | 3 | 7 | 48 |
| добавить | 17 | 0 | 44 | добавить | 2 | 2 | 40 |

мера приведём данные по некоторым глаголам (табл. 3).

Кроме того, корпусные данные демонстрируют отчётливую тенденцию, связанную с тем, что в конструкциях с переходным глаголом в вершине первый актант, как правило, опускается чаще, чем второй (примеры из корпуса: *Обстригусь налысо, макияж сменю, паспорт переправлю, возраст себе на полтора года меньше* ***сделаю!*** (Н. Коляда. «Театральный роман-с»); *Глаза* ***открыл*** (А. Образцов. «Вампир»); *Выковыряв таблетку,* ***положил*** *на доверчиво подставленную ладонь* (Р. Киреев. «Играем в снежинки среди ночи») и т. п.), в конструкциях же с двухвалентным непереходным глаголом в вершине чаще, чем первый, опускается второй актант (*Но он* ***не пошёл*** (В. Быков. «Облава»); *И полагаю, что вряд ли она* ***появится*** (И. Лисочкин. «Весь мир хочет летать еще быстрее»); ***Остались*** *лишь сваи* (В. Песков. «Зелёные острова Франции») и тому подобные примеры).

**3.4. Обсуждение**. Если обратиться к гипотезе, согласно которой в высказываниях с многовалентным глаголом в вершине степень опущения того или иного актанта может демонстрировать «силу» связи данного актанта с глаголом, то, по нашим данным, особого рассмотрения требуют конструкции с переходным глаголом в вершине. Дело в том, что во всех остальных случаях действительно более или менее регулярно соблюдается закономерность: чем ниже ранг актанта, тем чаще он опускается. Так, третий актант

опускается чаще, чем первые два; второй актант опускается чаще, чем первый. Иная картина относительно первых двух валентностей наблюдается в высказываниях с переходным глаголом в вершине: здесь *первый* актант опускается чаще, чем второй. Результаты исследования показывают, что эллипсис первых двух актантов встречается чаще в связных текстах, чем в изолированном высказывании, причём именно на материале связных текстов эллипсис первого актанта составляет бóльшую величину, чем эллипсис второго актанта. Однако такое распределение, как уже отмечалось, свойственно только высказываниям с переходным глаголом в вершине.

Возвращаясь к сопоставительному межъязыковому анализу, интересно отметить, что эллипсис второго актанта, по данным В. Б. Касевича и Т. Н. Никитиной, и в древнекитайском, и в современном китайском языке наблюдается значительно реже эллипсиса первого актанта, он составляет всего 10–15 %.

По-видимому, редкость опущения второго актанта носит более универсальный характер, чем опущение первого актанта. Так, например, Д. Дж. Эллертон, анализируя механизм реализации валентных связей глагола в рамках конструкции «подлежащее + переходный глагол + прямое дополнение» в английском языке, приходит к выводу, что подлежащее не следует включать в сферу внутрисинтаксической активности переходного глагола, поскольку: 1) подлежащее не подвергается опущению; 2) подлежащее может отделяться от глагола, в то время *как глагол и прямое дополнение неразрывны* [12] (курсив мой. — *Е. Г.*).

Эллипсис приглагольных актантов, соответствующих обязательным глагольным валентностям, обусловлен, вероятно, **лексико-грамматическим контекстом**. В таком случае действует не только грамматический фактор — требование со стороны глагола синтаксически заполнить позицию определённой управляемой формой, но и лексический фактор — семантика глагола на уровне лексического значения предусматривает тип возможных лексем, которые могут занять соответствующие позиции в предложении, ср. у С. Д. Кацнельсона: «Скрытые категории глагола определяют его валентность. Скрытые категории имён определяют их способность замещать „места“ при глаголе» [8: 88]. Возможно, именно поэтому разница в показателях эллипсиса оказалась не столь существенной при сравнении данных, полученных в рамках изолированного высказывания и в рамках связных текстов: контекст изолированного высказывания оказывается достаточным для того, чтобы возник эллипсис такого рода.

**Заключение**. Результаты проведённого на ограниченной выборке высокочастотных глаголов исследования показывают, что в русском языке степень эллиптирования каждого из трёх актантов в высказываниях с трёхвалентным глаголом в вершине следующая: чаще всего эллиптируется третий актант, при этом первый и второй актанты эллиптируются редко. В высказываниях с двухвалентным глаголом в вершине (исключая глаголы движения и некоторые другие непереходные глаголы) первый актант даёт высокий процент эллиптирования, и — заметно ниже — второй актант.

Поскольку именно двухвалентные глаголы составляют ядро любого языка, то можно заключить, что чаще всего в русском языке эллиптируется первый актант. В любом случае первый и третий актанты противопоставлены второму: второй актант даёт самый низкий процент эллипсиса, что может свидетельствовать о том факте, что связь глагола со вторым актантом (или — в других терминах — с прямым дополнением) самая тесная. Полученные данные подтверждают выдвинутую в разных теориях гипотезу о том, что при членении высказывания первая граница (условно между «группой подлежащего» и «группой сказуемого») обнаруживает самые слабые связи, тогда как «группа сказуемого» представляет собой более тесный комплекс.

Следует также отметить, что наличие организованного корпуса текстов значительно облегчает процесс сбора эмпирических данных, а также позволяет проверить полученные более традиционными способами результаты.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Подробный обзор общедоступных на сегодняшний день ресурсов см. в работе [10].

[2] В качестве испытуемых выступили студенты нефилологических специальностей ряда вузов Санкт-Петербурга и Череповца (Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Череповецкого государственного университета и др.).

[3] Корпус русского литературного языка создается в лаборатории моделирования речевой деятельности Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель лаборатории — д-р филол. наук, проф. В. Б. Касевич).

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Басс И. И.* Проблемы современного японского языкознания: Лингвистика текста. СПб., 2004.

2. *Венцов А. В., Грудева Е. В. и др.* Национальный корпус русского литературного языка: некоторые результаты, приложения и задачи / А. В. Венцов, Е. В. Грудева, В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. М., 2005. № 6. С. 35–40.

3. *Вербицкая Л. А., Казанский Н. Н. и др.* Некоторые проблемы создания национального корпуса русского языка / Л. А. Вербицкая, Н. Н. Казанский, В. Б. Касевич // Там же. М., 2003. № 6. С. 2–8.

4. *Грудева Е. В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. Череповец, 2007.

5. *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.

6. *Касевич В. Б.* Типология правил и эллипсис // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докладов. М., 1990. С. 66–67.

7. *Касевич В. Б., Никитина Т. Н.* Актантная структура глагольной конструкции в китайском языке и эллипсис // Китайское языкознание: IX Междунар. конф.: Материалы. М., 1998. С. 86–90.

8. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002.

9. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. 2005. № 2.

10. *Резникова Т. И., Копотев М. В.* Лингвистически аннотированные корпуса русского языка (обзор общедоступных ресурсов) // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 31–61.

11. Частотный словарь современного русского языка / Под ред. Л. Лённгрен. Uppsala, 1993.

12. *Allerton D. J.* Valency and the English verb. L. etc., 1982.

13. *Martin, Samuel E.* A Reference Grammar of Japanese New Haven; London, 1975.

[предлагаем вашему вниманию]

***Прохоров Ю. Е.* В поисках концепта. — М., 2008. – 176 с.**

Что же такое концепт?

Концепт — это «не передаваемый словами, но реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то радикально иного, чем он сам и окружающий его мир, потусторонне-духовного, непонятного и заведомо сущностно-непостижимого, хотя и бытийно-реального… Кто имел или имеет опыт нумиозного, тот… поймет, о чем идет речь, а кто этим опытом не располагает, тому и не объяснишь» (Верещагин, Костомаров). Но ни это, ни помещение концепта в «ментальное» исследователя не остановит:

В книге рассмотрено современное состояние исследования «концепта» в когнитивной лингвистике, философии и литературоведении. Предложена модель возникновения «концепта» в процессе осмысления мира человеком, выявлены его содержательные составляющие, определены взаимосвязи семантического, семиотического и концептуального пространств в обеспечении коммуникации представителей определенного лингвокультурологического сообщества, выделена роль «концепта» как важнейшего элемента хаосокосмологии общения. В книге представлена обширная библиография по данной проблеме.

Для студентов-филологов, аспирантов и преподавателей вузов.

В. Н. Завьялов

# ТО, КАК ЗВЕРЬ, ОНА ЗАВОЕТ, ТО ЗАПЛАЧЕТ, КАК ДИТЯ…

Статья посвящена служебной лексеме — союзу *то…то…*. В ней описываются уникальные категориальные свойства данного союза, благодаря которым он отличается от других средств синтаксической связи.

The article covers the matter of the Russian conjunction "то…то…". The author describes the unique categorical qualities of the conjunction due to which it is distinguished from other means of syntactic cohesion.

**Виктор Николаевич Завьялов**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Хабаровск)

Русский язык чрезвычайно богат служебными словами — это одна из его национальных особенностей. Служебные слова, как и знаменательные, являются неотъемлемой частью языковой системы и находятся в тесном взаимодействии с синтаксической и семантической структурой предложения, с его коммуникативно-прагматической организацией, нередко распространяя сферу своего действия и за его пределы, на уровень текста (см.: [1]). При этом даже малочастотные единицы являются каждая в своем роде уникальными и заслуживающими не меньшего внимания, чем прочие, ибо обслуживают определенный, закрепленный только за ними фрагмент языковой действительности.

Рассмотрим это на примере союза *то…то…*. С точки зрения вида организуемой им синтаксической связи, а также выражаемого синтаксического отношения он является, соответственно, сочинительным и разделительным. Его значение также представляется вполне очевидным: посредством *то…то…* обозначается «чередование предметов, признаков или действий, не совмещающихся в едином временном плане» [6: 169]. В конструкциях с этим союзом могут функционировать словоформы любых знаменательных частей речи, а в условиях субституции — служебные слова, сочетания слов и самостоятельные предложения. Например: ***То*** *гортанный крик араба,* ***То*** *бессмысленное «цо»,* — *Словно розу или жабу, Он берег свое лицо* (Мандельштам. Фаэтонщик); *С мостика то и дело раздавались окрики вахтенного офицера.* ***То*** *он командовал: «Вперед хорошенько смотреть!»,* ***то****: «На марсах-фалах стоять!»* (Станюкович. Матросик). Лексический состав сочиненных словоформ отражает различные сферы внеязыковой действительности,

которые в той или иной степени характеризуются изменчивостью и непостоянством.

Однако частные оттенки значения *то… то…* довольно разнообразны и обусловлены аспектуальными свойствами данного союза, связанными с функционально-семантическими категориями длительности, повторяемости и темпоральности (см.: [2; 9: 96–109; 3; 7: 27] и др.). Так, чередование предметов, их признаков и действий, о которых говорящий сообщает с помощью *то… то…*, может осуществляться как в узком временном интервале, то есть синхронно с моментом речи (1), так и в широком — безотносительно к нему (2): 1) *В комнате было* ***то*** *темно,* ***то*** *светло, как от пожара* (Грин. Белый шар); ***То*** *появляясь на гребнях волн,* ***то*** *исчезая между волнами, лодка шла к берегу* (Айтматов. Буранный полустанок); 2) *Его [Байкал] сравнивают* ***то*** *с Каспием,* ***то*** *с Танганьикой* (Распутин. Байкал, Байкал...); *Весна* ***то*** *умирала,* ***то*** *возрождалась* (Тендряков. Свидание с Нефертити).

Значение чередования может поддерживаться соответствующими лексическими средствами: — *Уж я лечи-ла, лечи-и -ла, — поет сестрица Аннушка, хлебая* ***попеременно то*** *щи,* ***то*** *лапшу, — сколько денег извела...* (Смирнов. Открытие мира); *Романов* ***то*** *исчезал,* ***то опять*** *возникал* (Шаламов. Колымские рассказы); *Было это еще в те времена, когда на валах виднелись пушки, а пушкари у них постоянно сменялись:* ***то*** *стояли с фитилями поляки, в своих пестрых кунтушах, а казаки и «голота» подымали кругом пыль, облегая город,* ***то***, ***наоборот***, *из пушек палили казаки, а польские отряды кидались на окопы* (В. Короленко. Без языка); ***Каждую ночь то*** *правление заседало,* ***то*** *просто так мужики рассаживались на полу вдоль всех четырех стен конторы* (Залыгин. На Иртыше). И т. д.

Кроме того, союзом *то…то…* может передаваться не только реальная повторяемость, но и его «иллюзия» [3: 89–123]: *Смяв бороду в кулаке, он [Золотухин] глядел на бесконечную ленту тракта,* ***то*** *ныряющую в складках местности,* ***то*** *снова, втрое поуже, убегавшую на запад* (Леонов. Русский лес); *Выступают* ***то*** *тут,* ***то*** *там палисадники с темно-красной листвой черемух и сирени, с поблекшими цветами мальв, нанизанных на высокий прямой стебель* (Залыгин. Соленая Падь).

В подобных случаях «ситуация описывается с точки зрения наблюдателя, который воспринимает эти компоненты не как одновременные, а именно как чередующиеся во времени, сменяющие друг друга» [5: 131–132].

С другой стороны, идея повторяемости, заключенная в значении *то…то…*, накладывает ограничение на употребление в конструкциях с этим союзом глагольных словоформ прошедшего времени совершенного вида (в отличие от других видо-временных словоформ), ибо их категориальные свойства направлены в первую очередь на представление единичных событий. В тех редких случаях, когда такие словоформы все же употребляются говорящим, они сопровождаются лексическими средствами с семантикой длительности, на фоне которой и осуществляется чередование: */Я не был на маяке, я только видел, как он горит./ Мало сказать видел —* ***вся молодость*** *прошла под вращение этого гигантского* ***то*** *рубина,* ***то*** *изумруда* (Олеша. Ни дня без строчки); *Еще спасибо — верный Прошка, Как только станешь на привал,* ***Глядишь***, ***то*** *плащ зашил немножко,* ***то*** *сапоги поврачевал* (Симонов. Суворов).

Структурные особенности данного союза тоже являются заслуживающими специального рассмотрения. Он относится к группе многоместных союзов, в число которых входят и разделительные союзы *то ли…то ли…, не то…не то…, ли…ли….* Для их устойчивого функционирования в речи необходимо не менее двух компонентов, однако конечное количество их синтаксически не регламентировано и определяется лишь коммуникативно-прагматическими установками говорящего. Но в реальном употреблении только союз *то…то…* расположен к максимально возможному количеству употреблений своих компонентов, причем как в отдельно взятом сочинительном ряде, так и во взаимодействии с другими рядами. Например: *Кругленький центр* ***то*** *маленький,* ***то*** *большой, лучи* ***то*** *узкие,* ***то*** *широкие, полукруглые,* ***то*** *их много,* ***то*** *пять или шесть,* ***то*** *они белые,* ***то*** *красные,* ***то*** *синие,* ***то*** *как само*

*солнце* (Солоухин. Травы). При этом компоненты союза вместе с вводимыми ими словоформами (чаще всего предикативными) и их синтаксическими группами могут парцеллироваться и располагаться дистантно относительно друг друга, что, впрочем, нисколько не сказывается на семантике отношений между ними: *Нрав у Бенедикта переменчивый, это уж он и сам знает. День на день не приходится.* ***То другой раз с утра такая бодрость вступит беспримерная****, каждая жилочка так и напружится: ыых!!! Полсвета, думаешь, сворочу. Тогда руками работать охота. Вот под такое дело и ищешь себе занятие: рубить али тесать, али что по дому ладить, топор али жбан соорудить, может, ведро выдолбить. Раз так вот дюжину тесовин для крыши обстругал. Право! Вот не дать соврать, дюжину! Ну не дюжину, так три штуки. Все равно много. И петь охота. Громко.* ***То скука плаксивая нападет****. Это больше к вечеру. Особо по осени, а уж зимой-то едва ли не каждый день. Но и летом бывает* (Толстая. Кысь).

Компоненты других многоместных разделительных союзов повторяются обычно не более трех-четырех раз, а сочиненные ими словоформы и их синтаксические группы хотя и могут парцеллироваться, но располагаются, как правило, контактно. Ср.: *В эти дни в Ленинграде, едешь* ***ли*** *в троллейбусе, проносишься* ***ли*** *в такси, ходишь* ***ли*** *пешком по длинным и прямым улицам, всюду бросаются в глаза пять тяжелых, ярко-красных пожарных полос, этаких горизонтальных шпал* (Солоухин. Продолжение времени); *Ему давно [Фарберу] уже хотелось обо всем этом поговорить, но* ***то ли*** *не было собеседника,* ***то ли*** *случая подходящего,* ***то ли*** *времени,* ***то ли*** *не знаю чего* (Некрасов. В окопах Сталинграда); *Аэлита отвернулась. Задрожал острый колпачок на ее голове.* ***Не то*** *она смеялась, — нет.* ***Не то*** *заплакала, — нет* (А. Толстой. Аэлита).

Такое отличие обусловлено семантико-синтаксическими особенностями рассматриваемых союзов. Как отмечает Е. Ф. Троицкий, союз *то… то…* «сигнализирует о реальности связи всех связанных им компонентов с общим членом» [8: 73]. В свою очередь, союзы *то ли…то ли…, не то… не то…, ли…ли…* и подобные средства синтаксической связи ориентированы на представление ирреальных альтернатив, которых в окружающей человека действительности значительно меньше, чем реальных. При этом последние могут иметь неограниченное множество толкований, в то время как первые — нет, чем, по-видимому, и обусловлена возможность дистантного расположения сочиненных *то…то…* словоформ и их синтаксических групп в противовес контактному.

Другой яркой структурной особенностью союза *то…то…* является варьирование замыкающего компонента, что также выделяет его среди аналогичных многоместных союзов, у которых такое явление хоть и встречается, но на порядок реже и носит скорее случайный характер, нежели системный. Наиболее распространено варьирование *то // а то (и)*: *Он [комендант] всё время произносил что-нибудь вслух —* ***то*** *пустые междометия,* ***а то и*** *фамилии, которых по инструкции он жесточайше не имел права произносить* (Солженицын. Раковый корпус).

Некоторые исследователи относят соединение *то…а то (и)* к самостоятельным средствам связи, однако мы полагаем, что перед нами лексико-синтаксический вариант союза *то…то…*, так как исходя из принципов линейного расположения элементов речи «элементы, расположенные правее, входят в сферу действия элементов, лежащих левее, а не наоборот» [1: 28]. В пользу этого говорит, в частности, возможность подстановки вместо *а то (и)* основного союзного компонента *то* без разрушения имеющегося в наличии сочинительного отношения. Ср.: *Он [комендант] всё время произносил что-нибудь вслух —* ***то*** *пустые междометия,* ***то*** *фамилии, которых по инструкции он жесточайше не имел права произносить*.

Помимо *а то (и)* в качестве замыкающего компонента может быть его функциональный аналог *а + конкретизатор*, где в роли конкретизатора выступают наречные словоформы с временным значением, эксплицирующие темпоральную семантику *то…то…*: ***То*** *Паша часто писал,* ***а тут*** *ни ответа ни привета* (Москвина. Мусорная картина для алмазной сутры); ***То*** *ее [Олены] не видно и не слышно было, словно в мешке сидела,* ***а сейчас*** *перед ней и Галя — робкая озор-*

*ница* (Гладков. Вольница); — ***То*** *говорил «тихо надо», какой-то обход чертей, сказывал, будет,* ***а потом*** *сам разорался* (Задорнов. Амур-батюшка). И т. д.

Временное значение может присутствовать и в глубинной структуре пропозиций, вводимых союзным элементом *а*: — *…**То** она плакала,* ***а от этих слов*** *(= тут / сейчас / теперь) я заплакал* (Симонов. Солдатами не рождаются).

При необходимости подчеркнуть неожиданность альтернативы иногда используется компонент *и + конкретизатор*: *[Публий:] Беда! Она, конечно, нас дурачит:* ***То*** *ножку вдруг поцеловать Протянет* ***и тотчас*** *опять, Как только бросимся мы, спрячет* (Майков. Два мира); *Очень неожиданно это было,* ***то*** *была тишина —* ***и вдруг****, как обвал, как гром и молния, ударило по заставе* (Карпов. Маршал Жуков).

Рассмотренному лексико-синтаксическому варьированию способствует сопоставительный оттенок значения союза *то…то…*, обусловленный его внутренней формой, восходящей к указательной местоименной словоформе «то». Вместе с тем следует отличать следующее употребление, в котором ее исходная функция отчасти сохраняется: — *Ну, друг, ты сравнил тоже! — снисходительно улыбнулся мужчина. —* ***То*** *мы с тобой,* ***а то*** *они!* (Чубков. Аквариум). Здесь наличествует отдельный разговорный двухместный союз *то…а то*, в котором «манифестированы оба смысловых отношения: и разделительные (*то…, то*), и сопоставительные (*а)*» [10: 132]. Если сравнивать его с соответствующим лексико-синтаксическим вариантом рассматриваемого в статье союза, то он отличается тем, что в нем невозможны факультативный элемент *и,* а также мена замыкающего компонента *а то* компонентом *то* без разрушения исходной семантико-синтаксической структуры высказывания. Ср.: ******То мы с тобой,* ***то*** *они.*

В качестве функциональных эквивалентов замыкающего компонента союза *то…то…* могут выступать, будучи основными разделительными средствами связи, и союзные лексемы «или», «либо»: ***То*** *понаедут подвыпившие русские, наследят, накурят, побьют рюмки, насыплют пеплу в цветочные горшки,* ***или*** *— хочешь не хочешь — наряжайся, скачи на ассамблею — отбивать каблуки* (А. Толстой. Петр I); *Семен прижимает, конечно, штрафует, невзирая на лица и ранги, однако сам живет и другим, как говорится, дает —* ***то*** *у него лодочный мотор забарахлит,* ***то*** *в собственной груди мотор гайки посрывает,* ***либо*** *раненая башка заболит* (Астафьев. Царь-рыба).

Не менее интересными являются прагматические свойства союза *то…то…*. Он употребляется говорящим исключительно в речевых актах, которые содержат негативную оценку передаваемых событий, тогда как положительная невозможна, как говорится, по определению: Ср.: ******Сегодня день такой удачный:* ***то*** *сын приехал,* ***то*** *зарплату выдали.* Но: *Одни неприятности:* ***то*** *сын не приехал,* ***то*** *зарплату задержали* (Разг.). В понятие «негативная оценка» мы вкладываем максимально широкий смысл, подразумевая под ним все, что может быть подвергнуто осуждению, неприятию, сомнению с точки зрения нравственности, целесообразности, истинности и пр. Данная особенность *то…то…*, обусловленная, по-видимому, все той же сопоставительной семантикой его значения, была предметом специального анализа в [2; 3]. Особенно ярко и наглядно она проявляется в диалоге, ибо, как известно, в нем максимально эксплицируются субъективные смыслы того или иного высказывания: — *Собор за собором! — жаловался Гауденций какому-то вельможе. —* ***То*** *в Сирии,* ***то*** *в Сардине,* ***то*** *в Антиохии,* ***то*** *в Константинополе. Спорят и не могут согласиться об Единосущии* (Мережковский. Гибель богов); — *Вечно чего-то плетет.* ***То*** *банки у нее пропали,* ***то*** *навоз. Брошу и буду спокойно жить* (Екимов. Память лета); — *Вот ты всегда говоришь: скоро.* ***То*** *скоро,* ***то*** *послезавтра; ты, может быть, думаешь, что это одно и то же?* (Стругацкие. Улитка на склоне).

Иногда говорящий пытается смягчить последствия какого-либо негативного события, однако в семантике речевого акта все равно присутствует оттенок растерянности или остаточного эмоционального напряжения: — *Какие вы все добрые... — виновато заговорила Макаровна. — А я лежу, лежу — всех связала. Кажинный день кто-*

*нибудь проведает.* ***То*** *Анфиса-сватья.* ***То*** *Лизонька Пряслиных* (Абрамов. Братья и сестры); ***То*** *я на конференциях его вижу,* ***то*** *он просто в Москву приезжает,* ***то*** *я опять на спецкурсы к ним езжу. В общем, полный контакт* (пример из [4: 249]).

В последнем случае оценка происходящего говорящим кажется вполне положительной, однако его действия вынуждены некими объективными обстоятельствами, то есть являются компромиссными.

В заключение отметим стилистические свойства союза *то…то…*. Его основная функция — описание. Употребляется преимущественно в языке художественной литературы, а также в публицистическом и разговорном стилях речи в качестве соответствующего образного средства. В официально-деловом и научном стилях речи факты его употребления нами не зафиксированы.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

2. *Грекова О. К.* К вопросу о конституентах единой аспектуальной характеристики сложного предложении в современном русском языке // Сложное предложение. Калинин, 1979. С. 10–19.

3. *Дьячкова Н. А.* Полипредикативные разделительные конструкции с союзом «ТО–ТО» в современном русском языке и их функционирование: Дис. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1989.

4. *Земская Е. А. и др.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. М., 1981.

5. *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989.

6. Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.

7. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.

8. *Троицкий Е. Ф.* Двойная функция союза «ТО…ТО» // Русский язык в школе. 1988. № 1. С. 73–76.

9. *Хегай В. М.* Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Дис. … канд. филол. наук. М., 1981.

10. *Шувалова С. А.* Использование результатов классификации сложного предложения для построения фрагмента идеографической грамматики // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 125–134.

## 43-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Германия, 27 сентября — 10 октября 2008 года)

Этот семинар ежегодно собирает любителей русского языка, студентов, преподавателей, переводчиков из Германии и других европейских стран. Он не утрачивает популярности: в этом году в семинаре участвовало 70 слушателей самых разных профессий и возрастов, разного образования, начиная от школьников, студентов, специалистов-филологов и кончая домохозяйками и пенсионерами.

Обязанный своей известностью почётному доктору СПбГУ Иоганнесу Баару, в этом году семинар проводился его ученицей Кристиной Мильш, успешно справившейся с весьма нелёгкими обязанностями руководителя и расширившей границы его деятельности: на его базе проводился подготовительный семинар к сертификационному тестированию по русскому языку как иностранному, который вели доценты СПбГУ О. А. Лазарева и Н. Л. Федотова.

Методическое руководство семинаром вот уже более четверти века осуществляет факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, хотя в состав преподавателей входят профессора и доценты и из других вузов страны.

Основной формой занятий остаётся разговорная практика, но она дополняется семинарами по переводу, страноведению, русской литературе. Слушатели заранее предлагают темы специальных семинаров, которые проходят во второй половине дня, и активно их посещают. Это проблемы русской грамматики, современной литературы, культурологи.

По вечерам читаются лекции более общего характера. Так, интерес вызвали такие темы, как «Русский язык сегодня» (доц. Н. Н. Ромашов), «Немецкие архитекторы в Петербурге» (доц. Л. Н. Григорьева), «Русская языковая картина мира» (доц. Л. В. Миллер), «Крым между русским и украинским языками» (ст. преп. Н. И. Николенко), «Анекдот как культурный феномен» (доц. Н. Н. Ромашов). Проводятся киновечера, в этом году тема «Русская литература в кино» объединила показ на тему «Две экранизации романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и роман Л. Н. Толстого «Война и мир», серия «Наташа Ростова». С неизменным успехом проходят на семинаре литературные вечера, в которых принимают участие немецкие слушатели, читая стихи на русском языке, и русские студенты, стажирующиеся здесь же — на немецком языке.

Следует отметить радушный приём и поддержку местных властей, приветствующих слушателей в день открытия семинара.

Следующий 44-й Международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде состоится с 20 сентября по 3 октября 2009 года. Информация о семинаре размещена на сайте: www.Russisches-sprachseminar.de

*Б. Н. Коваленко*

В. К. Лебедев

# ОТЛОЖИТЬ НЕЛЬЗЯ ДОГОВОРИТЬСЯ

Статья посвящена кодификации орфографической нормы русского языка. На одном типичном примере автор раскрывает суть проблемы и высказывает предложения по ее решению.

The article covers the matter of the Russian spelling standard codification. The author discloses the problem by means of one typical example and proposes its solutions.

**Владимир Кузьмич Лебедев**

Кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

За последние двадцать лет опубликовано огромное количество словарей и другой справочной литературы по русскому языку. В их числе авторитетные издания научно-исследовательских институтов РАН, МГУ, СПбГУ и др. Однако так случилось, что нет ни одного орфографического словаря, который с чистой совестью можно было бы назвать нормативным и рекомендовать издателям, учителям школ, да и всем остальным людям, заинтересованным в соблюдении языковых норм. В 2000 году Н. А. Бенедиктов и А. П. Бердашкевич писали в Аналитическом вестнике «О правовых основах государственной языковой политики»: «В Российской Федерации нет эквивалентных языковых стандартов русского языка ‹…›. К тому же не консолидирована позиция русских ученых-языковедов»[1]. С тех пор мало что изменилось. Более того, споры профессионалов время от времени выплескиваются на страницы периодической печати, порой запутывая и без того сложную ситуацию. Приведем один, но весьма показательный пример.

В январе 2007 года Лариса Каллиома опубликовала в газете «Известия» статью «Розыскной против рАзыскного»[2]. Поводом для появления этой статьи явилось обращение ФСБ в Совет Федерации с просьбой изменить букву О на А в названии закона «Об оперативно-розыскной деятельности». «Известиям» больше нравится написание с буквой О. Они ссылаются на 25-е издание словаря С. И. Ожегова[3] и Большой орфографический словарь[4] и сочувственно цитируют проф. Л. И. Скворцова, утверждающего: «Есть официально-терминологическое выражение „вести розыск“, от существительного „розыск“ и образовалось прилагательное „розыскной“. И есть глагол „разыскивать“, от которого, вопреки правилам, тоже образовали прилагательное, но уже „разыскной“». Думающие по-иному Л. И. Скворцовым зачисляются в непрофессионалы. Таким образом в разряд непрофессионалов попали многочисленные ученые, которые пришли к выводу, что следует отказаться от исключения «розыскной» (кстати, не входившего в Правила русской орфографии и пунктуации 1956 г.) и писать в этом слове А, как и во всех словах с приставками раз- (рас-) в безударном положении. Л. И. Скворцов и «Известия» «забыли» упомянуть, что в Словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова это слово давалось в двух вариантах, что пози-

ция «непрофессионалов» (начиная с 1991 года) зафиксирована в большом количестве орфографических словарей русского языка[5] и поддержана многочисленными издательствами. Между тем именно об этом говорил зам. директора ФСБ Ю. Горбунов на совещании по вопросу о законотворческой деятельности в Совете Федерации РФ: «Сейчас у нас закон об „Оперативно-розыскной деятельности“, а во всех других нормативных актах уже пишется „оперативно-разыскной“ через „а“. В этом состоянии мы уже пребываем несколько лет. <…> Дело доходит до смешного. Редакторы заставляют писать слово „разыскной“ через „а“, а рядом название закона пишется через „о“»[6]. Осуждая обращение ФСБ в Совет Федерации, «Известия» пишут: «Никогда еще в стенах Совета **ф**едерации (строчная буква в газете. — *В. Л.*) не принимались законы орфографии. Все-таки правила написания языка — удел ученых». Последнее бесспорно. Однако в рассматриваемом случае позиция ФСБ предпочтительнее точки зрения газеты, ибо когда идет речь идет о формулировках законов, названиях и терминах в международных соглашениях, то после консультаций со специалистами окончательное решение должен принимать законодатель. Примеры такого сотрудничества немногочисленны, но все-таки они есть. Так, в 1995 году правительство Германии обратилось в Министерство иностранных дел России с просьбой «не склонять по падежам слово „Германия“ в полном наименовании государства „Федеративная Республика Германия“ в официально-деловых документах на русском языке». 19 декабря 1995 года после получения положительного экспертного заключения Института русского языка РАН договоренность была достигнута[7]. Нам может нравиться или не нравиться такое решение. Напомним, что согласно действующим нормам русского языка названия республик, имеющие форму женского рода и оканчивающиеся на –ия, согласуются со словом *республика* и следствием договоренности стало появление нового исключения (с Республикой Болгарией, с Федеративной Республикой Бразилией, с Федеративной Республикой Нигерией, **но** с Федеративной Республикой Германия). Однако решение принято с соблюдением необходимых процедур согласования, отражено в ряде справочных материалов, в том числе в «Кратком справочнике по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания РФ»[8], и должно действовать вплоть до его отмены на правительственном уровне. Обязательность соблюдения согласованной нормы отнюдь не отменяет возможности продолжения дискуссии и поисков оптимального решения.

В 2007 году тиражом 5 тыс. экземпляров опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина»[9]. Книга одобрена Орфографической комиссией РАН. Означает ли это, что «Правилам …» во всем можно доверять? К сожалению, нет. Во-первых, хотя справочник дополняет и частично уточняет Правила 1956 года, однако, разумеется, он не охватывает всего многообразия ситуаций, и от слова *полный* лучше отказаться. Во-вторых (и это важнее), некоторые рекомендации (особенно в разделах правописание сложных прилагательных, прописные и строчные буквы, графические сокращения) вызывают сомнения. В-третьих, в отличие от правил 1956 года, утвержденных Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, Правила, содержащиеся в Академическом справочнике 2007 года, никем не утверждены. В результате получается, что одни ученые пропагандируют новые «Правила…», другие смотрят на них скептически, в одних издательствах и учебных заведениях они являются настольной книгой редакторов, корректоров, преподавателей и учителей, в других — их не признают и действуют по своему разумению. Приведем несколько примеров: «Российская газета» и «Комсомольская правда» предпочитают слитное написание слова «народнохозяйственный», а «Известия» — через дефис, в «Санкт-Петербургских ведомостях» в наименованиях Государственная Дума и Совет Федерации второе слово начинается с большой буквы, в «Известиях» — с маленькой, одни издательства продолжают следовать рекомендации ВАК и Госстандарта 2003 и слово «диссертация» сокращают как «дис.», другие исходят из разъяс-

нений «Правил...», согласно которым в графических сокращениях двойные согласные корня перед точкой сохраняются.

Пока настоящие ученые не могут прийти к единому мнению, издание словарей и справочников стало коммерческими проектами, они пекутся как блины, во многих из них бесчисленное количество ошибок и опечаток. И этому необходимо противостоять. Откладывать больше нельзя. Пора договариваться и принимать решение. Это трудно, но ведь смогли же найти выход из не менее сложной ситуации в 1956 году.

Наши предложения сводятся к следующему.

1. Проект, предложенный Орфографической комиссией, неоднократно обсуждался специалистами. В изданном в 2007 году Академическом справочнике основные замечания учтены. Нужно еще раз вынести книгу на широкое обсуждение (в том числе и на страницах периодической печати, чтобы в дискуссиях приняли участие не только специалисты. При этом должно быть ясно, что это полемика, а не выяснение отношений), затем (примерно через полгода) подвести итоги обсуждения на заседании Межведомственной комиссии по русскому языку. Если на заседании комиссии возникнут споры по поводу написания отдельных слов или формулировок правил, разрешить оба варианта написания или сохранить формулировку, содержащуюся в Правилах 1956 года. После решения Межведомственной комиссии и утверждения его Министерством образования и науки Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» Правила станут официальным документом, и уже на основании этого документа можно будет уточнить словари.

2. Информацию о введении новых Правил и сроке, когда они станут обязательными, необходимо поместить как в специальных изданиях, так и в средствах массовой информации. (О нынешних нововведениях часто не знают даже специалисты.)

3. При проверке экзаменационных и контрольных работ в средних и высших учебных заведениях использовать только те словари и справочники, которые имеют гриф «Рекомендовано», присвоенный Министерством образования и науки РФ. Запрещать издание справочной (как и любой другой) литературы, не противоречащей российскому законодательству, нельзя, да это и не нужно, т. к. после объявления предложенного решения коммерческий интерес спадет, а профессионалы будут иметь возможность продолжать работу.

4. В тех случаях, когда речь идет об изменениях в написании слов, входящих в формулировки законов или названия высших государственных органов, зафиксированных в Конституции РФ, окончательное решение должен принимать законодатель.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Цит. по: Мир русского слова. 2002, № 1. С. 15–16.

[2] «Известия» от 31.01.2007.

[3] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 25-е изд. М.,2006.

[4] Большой орфографический словарь русского языка (БОС) / Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. М., 2006.

[5] Орфографический словарь русского языка / Редколлегия: В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Ю. Н. Караулов, С. М. Кузьмина. 29-е изд., испр. и доп. М., 1991; *Тихонов А. Н.* Морфемно-орфографический словарь русского языка. М., 2002; Орфографический словарь русского языка / Сост. Н. Ф. Татьянченко. М., 2005; Новый орфографический словарь-справочник русского языка / Ред.-сост. В. В. Бурцева. М., 2005; Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М., 2005; *Соловьев Н. В.* Орфографический словарь. Комментарий. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005 и др.

[6] ФСБ хочет заниматься рАзыскной, а не рОзыскной деятельностью. — http://www.klerk.ru/more/?66903

[7] *Сайкова Н. В.* Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании// Юрислингвистика 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/6.ru.shtml

[8] Краткий справочник по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания РФ. М.,2001. С. 115.

[9] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2007.

Б. М. Атаев

# РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

**Борис Махачевич Атаев**

Доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом источниковедения и научной информации Института ЯЛИ ДНЦ РАН

В эпоху всеобщей глобализации становится весьма насущным безотлагательное решение крупной научной и гуманитарной проблемы — комплексный анализ современной языковой жизни на постсоветском полиэтническом пространстве и прогнозирование развития событий в этой области. Необходимость исследования языковых процессов в меняющейся России обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Нерешенной до сих пор остается проблема «рационального распределения» общественных функций между русским языком и языками народов РФ. Серьезную угрозу представляет, с одной стороны, реальная возможность исчезновения языков и культур малочисленных народов, с другой — уменьшение числа владеющих русским языком в национальных образованиях.

Эта проблема особо остро ощущается в Южном федеральном округе, и в частности в Дагестане, т. к. с этнолингвистической точки зрения эта республика представляет собой нетипичный для других регионов России полиэтнический феномен. Языковое многообразие, среда и малая территория, на которой представлено большое количество близкородственных и не родственных языков, характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе. Здесь, на территории всего в 50,3 тыс. кв. км и с населением чуть более 2,5 млн человек,

Работа выполняется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

пока еще мирно уживаются представители более чем 30 народностей со своими языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям.

И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в Республике Дагестан, будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов — носителей этих языков и культур.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит еще и в том, что здесь, как в большинстве национальных образований РФ, нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственного языка, согласно статье 10 Конституции РД, обладают «русский язык и языки народов Дагестана».

Встает вопрос: считать государственными языками Дагестана дагестанские языки, представленные в другом государстве, например в Азербайджане (будухский, крызский, удинский, хиналугский)? Является ли (согласно Конституции РД) государственным языком Дагестана, например, одноаульный гинухский язык? Или языки, по которым нет единого мнения в их соотнесенности к языку или диалекту (например, кубачинский, кайтагский)?

Эти вопросы лингвистика, а вслед за ней и Конституция РД пока оставляет без однозначного ответа. Специалист может подтвердить, что в качестве государственного языка в полинациональной стране не может функционировать, например, бесписьменный язык малочисленного этноса. Никак не может быть государственным язык, насчитывающий всего 57 человек его носителей (например, багулальский, как это указано в материалах переписи населения РФ 2002 г.).

Кроме того, в силу некоторых причин политического характера Конституция РД не определилась также и с понятиями «дагестанский народ» и «народы Дагестана», «языки Дагестана» и «дагестанские языки». Все эти вопросы ждут своего ответа, и, возможно, мы их вскоре получим. Однако специалистам нельзя сидеть, сложа руки, зная, что без их участия могут быть приняты непродуманные решения. Языковеды должны сказать здесь свое веское, профессиональное слово.

Лингвисты и этнографы, опираясь на строго научные методы, могут объяснить, какая разница между понятиями «дагестанские языки» и «языки Дагестана». Здесь разница заключается только в одном: в понятие «дагестанские языки» входят генетические родственные (т.е. имеющие общее происхождение) языки Дагестана, которые могут в настоящее время быть расположены и за пределами республики (например, будухский, крызский, хиналугский и удинский, расположенные в соседнем Азербайджане), а в понятие «языки Дагестана» включаются языки, расположенные на территории Дагестана, но не являющиеся родственными по происхождению «дагестанским языкам» (например, кумыкский, ногайский, азербайджанский, русский…).

На сегодняшний день, накануне принятия «Закона о языках народов Дагестана», перед специалистами стоит всего одна задача: выяснить какой язык (или языки) в Республике Дагестан является государственным и, исходя из этого, предложить конкретные пути для решения языковой проблемы. Все остальные вопросы прямо вытекают из этого решения, не носят принципиального характера (т. е. общие фразы, типа «сохранить, возродить, развивать») и само собой разумеются.

Сегодня никто не сможет отрицать, что только один язык — русский — успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. От фактов никуда не уйти, они, как известно, вещь упрямая. Так уж сложилась ситуация в Дагестане, что надо быть реалистами и, отбросив амбиции, трезво смотреть на факты.

Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию — быть государственным языком. Ни на одном из языков Дагестана в республике не говорит хотя бы треть населения. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет около 90% населения), не является языком, объединяющим все дагестанское общество.

А ведь принципиальной целью языковой политики является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции. Другими словами, языковая политика состоит в воздействии на языковую ситуацию, подталкивая ее развитие в неком предпочтительном направлении, где вектор реальных изменений приближает ситуацию к некой идеальной картинке национального будущего. И этому критерию в Дагестане отвечает только один язык — русский. Он стал как бы «республикообразующим» языком.

Лингвисты Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН разработали и внесли на рассмотрение в Народное Собрание Республики Дагестан свои предложения по проекту «Закона о языках народов Дагестана» и твердо будут отстаивать научные профессиональные позиции, не принимая во внимание какие-либо идеологические и политические мотивы.

И, чтобы исправить такое положение, предлагаем в «Законе о языках народов Дагестана» юридически закрепить фактическое положение русского языка в Дагестане в качестве государственного языка. (Впрочем, как государственный язык России, русский язык является таковым для всех субъектов РФ.) Думается, что такое решение было бы и политически грамотным и научно обоснованным. А все четырнадцать письменных языков Дагестана, как нам кажется, следует признать «официальными языками Дагестана», с соответствующими полномочиями. При этом законодательно объявить их национальным достоянием, важнейшим элементом культуры, национального и гражданского самосознания дагестанцев, что, впрочем, и сказано в Конституции РД.

По нашему мнению, поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация, для создания реальных условий для самобытного развития многочисленных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский «Закон», а «Закон о языках РД», который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана.

В таком «Законе» должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. Но даже в этом, сугубо узкопрофессиональном вопросе до сих пор не консолидирована позиция ученых-языковедов.

В этом «Законе» должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «официальный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т. д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Но прежде всего необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с широчайшим привлечением всех заинтересованных специалистов и провести солидную конференцию для научного решения всех возникающих вопросов на эту тему.

Видимо, не случайно Закон «О языках народов Российской Федерации» содержит упоминание о проведении «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

# ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН «РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА»

Исходя из «Декларации о языках народов России», Закона РФ «О языках народов РФ», Постановления ВС РФ «О порядке введения в действие Закона РФ „О языках народов РФ“» и «Конституции Республики Дагестан», предлагается для обсуждения проект государственной программы «РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА», подготовленный и предлагаемый д. ф. н. проф. Б. М. Атаевым.

## I. Функционирование языков народов Дагестана

1. Обеспечить конституционное право языков народов Дагестана на их функционирование как государственных во всех учреждениях, предприятиях и организациях на территории Республики Дагестан.

2. Создать при правительстве Республики Дагестан постоянную Государственную комиссию по языкам народов Дагестана с соответствующими полномочиями — осуществлять контроль над их функционированием.

3. Во всех учреждениях и предприятиях, расположенных в местах компактного проживания носителей языков народов Дагестана, создать благоприятные условия (финансовое и учебно-методическое обеспечение) для изучения родных языков.

4. Разработать образцы деловой документации на родном, родном и русском языках.

## II. Научное изучение языков народов Дагестана

1. Создание и издание академических курсов языков народов Дагестана.

2. Создание и издание энциклопедии «Языки народов Дагестана».

3. Создание и издание толковых, этимологических, орфографических, фразеологических, исторических, морфемных словарей, а также словарей синонимов, омонимов, антонимов; переводных, терминологических, ономастических, частотных, обратных словарей языков народов Дагестана.

4. Составление диалектологических словарей и подготовка изданий диалектных текстов.

5. Научное изучение речи носителей языков народов Дагестана, проживающих за пределами республики; организация соответствующих экспедиций.

6. Создание компьютерного фонда языков народов Дагестана.

7. Подготовка и издание памятников письменности на языках народов Дагестана.

8. Подготовка и издание академических изданий сочинений классиков дагестанской литературы; издание переводов классиков мировой литературы на языках народов Дагестана.

9. Научное изучение ономастики языков народов Дагестана; разработка научных принципов и практических рекомендаций для наименований и переименований географических объектов.

10. Подготовка и издание лингвистического атласа языков народов Дагестана.

11. Создание научно-популярной литературы (самоучителей, разговорников, занимательных грамматик) о языках народов Дагестана для широких масс читателей.

12. Организация регулярных симпозиумов и сессий дагестановедов с целью координации научной работы, дискуссии и обмена информацией.

13. Создание кафедр национальных языков на филологических факультетах вузов республики.

14. Укрепление и расширение научно-учебной и материально-технической базы на филологических факультетах вузов республики, Института ЯЛИ ДНЦ РАН, ДНИИ педагогики, ДИПКПК и педагогических колледжей республики с целью углубления изучения и фундаментального исследования языков народов Дагестана.

### III. Преподавание языков народов Дагестана

1. Составление программ по развитию родной речи для различных возрастных групп детей в дошкольных учреждениях; подготовка соответствующей литературы и наглядных пособий. Подготовка и издание пособий по ускоренному обучению родной речи.

2. Разработка обновленных учебных программ, планов, научных методик, пособий, учебников и хрестоматий по родным языкам и литературам для школ, ДГУ, ДГПУ и средних специальных учебных заведений, готовящих кадры учителей родных языков и дошкольных работников.

3. Разработка планов поэтапного обучения родным языкам в I–XI классах средних школ (правописание и речь, фонетика, основы грамматики, основные вопросы стилистики и лексикологии).

4. Создание кабинетов родных языков и литератур во всех школах и их обеспечение научной и педагогической литературой.

5. Организация изучения родных языков и литератур во всех городских школах, вузах и профессионально-технических учебных заведениях республики.

6. В районных центрах и других крупных населенных пунктах открытие соответствующих филиалов ДГУ, ДГПУ или педагогических колледжей.

7. Проведение регулярных научно-методических конференций и сессий по вопросам преподавания родных языков и литератур.

8. Оказание систематической действенной помощи центрам, кружкам и группам, изучающим родной язык за пределами республики (снабжение соответствующей литературой, проведение выездных учебно-методических сессий и т. д.); максимальное комплектование их библиотек литературой по вопросам родного языка и литературы.

9. Подготовка и издание учебников родного языка и литературы для дагестанцев, проживающих за рубежом (с учетом языка страны проживания).

### IV. Пресса, радиовещание и телевидение

1. Систематическое освещение в республиканской и районной прессе вопросов родного языка, литературы и культуры.

2. Введение в республиканской прессе специальной рубрики для освещения материалов по истории родных языков и их функционирования в современных условиях.

3. Создание редакции национального вещания на республиканском телевидении.

4. Введение радио- и телепередач под рубрикой «Родной язык».

5. Создание и увеличение каналов и объема радио- и телевещания на языках народов Дагестана; увеличение их мощности в целях обеспечения приема их передач всеми населенными пунктами.

6. Создание и расширение теле- и радиопередач для детей на родном языке; создание учебных фильмов для высших, средних и средних специальных учебных заведений.

7. Освоить выпуск аудио- и видеокассет на языках народов Дагестана.

### V. Организационные мероприятия

1. Создание Республиканского Фонда развития родных языков.

2. Создание Центра координации фундаментальных исследований по дагестанской филологии.

3. Учреждение именных премий выдающихся дагестанцев за заслуги в области дагестановедения и именных стипендий для студентов и учащихся.

4. Создание координационного Совета по реализации настоящей программы.

Т. А. Буданова, Е. И. Зиновьева

# УШЛЫЙ
## В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

**Тамара Анатольевна Буданова**
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания факультета филологии и искусств (Санкт-Петербургский государственный университет)

**Елена Иннокентьевна Зиновьева**
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания факультета филологии и искусств (Санкт-Петербургский государственный университет)

Статья посвящена анализу национально-культурных особенностей семантики и функционирования прилагательного *ушлый* в современном русском языке и его представлению в языковом сознании носителей русского языка. В качестве сопоставительного фона к анализу привлекаются данные некоторых европейских (в том числе славянских) и восточных языков.

The article deals with the semantics and the functioning of the Russian adjective *ушлый*, its national and cultural characteristics and some ways of its representation in the language consciousness of Russian native speakers. Some European (Slavonic included) and Oriental languages serve as a comparative background for the analysis.

В последние десятилетия проблема взаимосвязи между языком и национальным характером стала одной из самых обсуждаемых в лингвистике и прежде всего в русистике. Признание того факта, что специфика концептуализации внешнего мира тем или иным языком обусловлена не только особенностями природных условий территории проживания нации или традиционной культуры, но и своеобразием национального характера его носителей, стимулирует появление работ, авторы которых стремятся найти в фактах языка подтверждение существования черт, приписываемых тому или иному национальному характеру. В поисках объективных данных, которые позволили бы, во-первых, сделать обоснованные заключения о чертах русского национального характера, а во-вторых, подтвердить или опровергнуть уже сложившиеся мнения о том, какие свойства характера типичны для русских[1], представляется вполне закономерным обращение прежде всего к анализу русской лексики.

Настоящая статья открывает серию статей, посвященных лингвокультурологическому анализу прилагательных, описывающих характер и поведение человека. Авторы ставят своей задачей определение места этих прилагательных в русском языковом сознании, выявление их семантики, оценочности и особенностей употребления в современном русском языке. Материалом для анализа служат данные анкетирования носителей русского и частично других языков, а также иллюстративный материал сайта ruscorpora.ru «Национальный корпус русского языка».

Серия публикаций открывается лингвокультурологическим портретом весьма частотного в современной речи прилагательного *ушлый*.

Прилагательное *ушлый* толковые словари современного русского языка фиксируют в значении ‘пронырливый, хитрый, ловкий’ с пометой «прост.» [МАС, IV: 545]: «А мужик, видать, *ушлый*, прошедший огонь и воду, да и браконьер заматерелый» (Нагибин, Зеленая птица с красной головой); ‘то же, что *дошлый*’, прост. [Ожегов: 753; Шведова: 1043], *дошлый* (с пометой «разг.», в свою очередь, это ‘способный дойти до всего, смышленый, ловкий’ [Ожегов: 159; Шведова: 214]. Словарь В. И. Даля приводит следующую информацию относительно употребления прилагательного *ушлый* в говорах: «*Ушлый* говорится иногда вместо *дошлый*, почему *ушлее* иногда значит лучше, превосходнее, красивее, пригожее. *Ушлый наукою, передовой*» [Даль, IV: 527]. К. С. Горбачевич включает интересующее нас прилагательное в следующий синонимический ряд: *опытный — искушенный — многоопытный — наторелый — матерый — хваткий — прожженный — дошлый — ушлый* с общим значением ‘обладающий опытом, навыками, практическими знаниями в какой-либо области’ [Горбачевич: 255–256]. Оба синонима — *дошлый* и *ушлый* К. С. Горбачевич квалифицирует как просторечные со значением ‘весьма опытный, знающий, бывалый’, отмечая, что *ушлый* обычно употребляется неодобрительно.

Ср. сдваивание этих синонимов в материалах нашей картотеки: «Я рассчитывал, что не заметят, но *ушлые-дошлые* братья-писатели заметили, но это делалось специально (Заседание семинара Б. Стругацкого // 1991.02.18).

Этимологически *ушлый* — это причастие от глагола *уйти*. Ср. у В. И. Даля: «*Ушлый*, ушедший, бежавший. *Ушлый зверь, заяц*, ушедший из острова, потерянный. *Собаки по ушлому гоняют*, попусту. *Ушлец, ушлица*, беглый, бежавший, бродяга. *Опустя пору учиться, что по ушлому гнать*» [Даль, IV: 527]. *Ушлый* — сбежавший от своего хозяина холоп, работник. Вероятно, для такого поступка нужны были определенные черты характера — ловкость, жизненный опыт, смекалка, отсюда и перенос значения на формирующееся прилагательное. Всеми этими чертами, несомненно, обладает такой фольклорный персонаж, как Колобок, который «и от бабушки ушел, и от дедушки ушел…».

Носители русского языка старшего и среднего поколения, среди которых был проведен опрос, однозначно характеризуют прилагательное *ушлый* как слово, имеющее отрицательную оценку. Большинство молодых людей в возрасте от 19 до 23 лет тоже считают это прилагательное неодобрительным[2]. Так, например, на вопрос анкеты «Какого человека, на Ваш взгляд, можно назвать ушлым?» были получены следующие ответы студентов: *нечистого на руку, хитрого, нечестного; с виду суетливого, но способного добиться своей не всегда честной цели; «бывалого» (в плохом смысле) человека; ловкого, умеющего приспособиться к любой ситуации (который выкрутится из любой проблемной ситуации); нахрапистого, боевого, не всегда корректного, между тем любыми средствами достигающего цели; так можно назвать человека, бесцеремонно шокирующего очередь, встающего перед всеми; ловкого, готового пойти на любые ухищрения для достижения не всегда благородных целей* и под. Но встретились и ответы без явно выраженной отрицательной коннотации, например: «*Ушлый — это человек, который доходит до всего собственным умом; сообразительный человек*». Предложенные информантам анкеты включали также просьбу закончить фразы:

1. Он ушлый, потому что…

Варианты ответов: *всегда везде пролезет; ловко и быстро решает свои дела, умеет приспособиться к ситуации и выгодно повернуть все в свою пользу; всегда думает только о своей собственной выгоде; ловко продает никому не нужные вещи; сумел втереться к ним в доверие и обчистить их до нитки* и др.

Явно положительной коннотацией в этом ряду выделяется следующий ответ: *Он ушлый, потому что очень смекалистый и ловкий человек.*

2. Он не хитрый, а именно ушлый, т. к. …

Варианты ответов: *старается только для своей пользы; быстро, ловко хватается за дело; умеет сориентироваться быстрее всех; берет*

*нахрапистостью, а хитрость предполагает, все-таки, некоторую мыслительную деятельность; он не просто лукавит, а откровенно обманывает; достаточно смышлен, чтобы выгодно совершить сделку; берет своей напористостью* и др.

Из отличающихся положительной коннотацией ответов: *Он не хитрый, а именно ушлый, т. к. просто очень умный, сообразительный человек, и в том, что он делает, нет никакой подковырки.*

3. Он опытный, можно даже сказать ушлый, потому что …

Варианты ответов: *бывал во многих переделках, где не каждый справится; хорошо ориентируется в том, что ему нужно; способен быстро и ловко решать свои проблемы; ничем не гнушается; всегда найдет обходные пути, чтобы добиться своего; ни разу не был арестован за нелегальный вывоз гаванских сигар; попробовал многое, повидал много, а ничему хорошему не научился* и др.

Ответ с положительной коннотацией: *Он опытный, можно даже сказать ушлый, потому что он может сообразить, что нужно делать, даже если и не знает.*

Любопытно, что в других языках трудно подобрать точный эквивалент русскому прилагательному. В двуязычных русско-украинских и русско-белорусских словарях [РУС, III; НРУСД; РБСОЛ; РБС] *ушлый* отсутствует. В то же время в этих словарях представлен перевод прилагательных *хитрый* и *ловкий*: *хитрий* и *спритний* в украинском [РУС, III: 756; НРУСД: 189, 592] и *хітры* и *спрытний* в белорусском [РБСОЛ: 381; РБС: 683]. Толковый словарь белорусского литературного языка фиксирует *хітры* и *спрытний*, соответственно, в значениях «*выкрутливы*» с пометой «разм.» [ТСБЛМ: 722] и «*1. лоукі, умелы, паваротливы у рабоце; 2. які знаходзіць выхад з выбога становишча, прадпрымальны*» [ТСБЛМ: 126]. В «Словнике украінський синонимів» О. С. Вусика *хитрий* помещен в синонимический ряд «*двуликий — плутяга — пронира — пронирливый — пролазливый — словоблуд, хитрозадый (груб.) — шельма* и т. д.» [Вусик: 363]. Очевидно, что при наличии синонимов русского прилагательного точный эквивалент все же отсутствует.

Что касается других славянских языков[3], русское прилагательное *ушлый*, в зависимости от контекста, можно перевести на сербский язык словами *вешт, спретан, препреден*. *Вешт* — опытный, искусный, умелый, ловкий человек вообще, а также охотник, спортсмен, предприниматель. Слово оценочно нейтрально. *Спретан* — ловкий, умелый, например, мастер, хозяйка, биатлонист. Слово дает нейтральную и положительно оценочную характеристику. *Препреден* — по значению наиболее близко к *ушлый* (букв. перепряденный, выпряденный). Перенос. ‘Хитрый, ловкий, проворный, изворотливый’. Отрицательная оценка человека.

На чешский язык *ушлый* переводится описательно — *něco, co odjelo, vzdálilo se*. Словарь фиксирует следующие значения: ušlý, прил. 1. Такой, который «ушёлся» (se ušel), уставший от ходьбы, уходившийся. 2. Такой, который ушёл (ušel в 17-м значении слова ujíìt), исчезнувший, пропавший. [SSJC, IV: 1040]. Прилагательное употребляется по отношению какому-либо транспортному средству (*vlak, tramvaj, které ujely*), прибыли от чего-либо (*ušlý zisk*) или уехавшему человеку (*uslyj celovek*).

Во французском языке переводческим аналогом может служить *débrouillard* (прилагательное и существительное), которое на русский язык переводится как *дошлый, изворотливый, ловкач, разбитной, расторопный, смекалистый, сообразительный, хлюст, шустрый*. Слово используется в разговорной речи, употребляется в ситуациях, когда речь идет о находчивом, инициативном, умном человеке, умеющем находить выход из сложных или щекотливых положений. Один из респондентов — носителей французского языка отметил, что обозначенное прилагательным свойство признается одним из прирожденных качеств французов. Оценка черты характера, обозначенной этим словом, безусловно, положительна во французском языке.

В немецком языке литературный эквивалент русского прилагательного отсутствует, только в Баварии употребляется очень грубое, обсценное прилагательное — *hinterfotzig*, естественно, дающее отрицательную оценку данной черты характера.

В китайском языке наличествуют два переводческих аналога русского прилагательного, одно в буквальном переводе означает «способный, умелый, дельный», а второе — «ловкий, смекалистый, сметливый». Оба аналога положительно оценочны, обычно используются для похвалы человека, употребляются и в книжном языке, и в разговорной речи. В турецком же языке, очевидно, прилагательное *ушлый* отсутствует, в русско-турецком словаре можно обнаружить лишь описательный перевод его синонима *дошлый* — «способный, смышленый, человек, который умеет выкручиваться» [Мустафаев]. В зависимости от ситуации говорящий может выражать нейтральную или отрицательную оценку человека.

Таким образом, данные родственных славянских языков свидетельствуют о том, что, несмотря на общность в ряде случаев этимологии (чешский язык), наличие образности, мотивирующей значение (сербский), близости значения некоторых синонимических прилагательных в близко родственных языках (украинский, белорусский), точного эквивалента русскому прилагательному *ушлый* в них не существует. В языках других групп или отсутствует однословный аналог русского прилагательного (турецкий язык), или отличается прагматический компонент значения (французский, китайский языки), или аналог, отличаясь другой образностью, относится к другому стилю речи (немецкий).

Наблюдения за употреблением прилагательного *ушлый* в текстах современной периодики и художественной литературы позволяют обнаружить развитие сем.

В лексическом значении слова актуализируются семы ‘обладающий житейским опытом’: «Но мы — ребята *ушлые*: дали проводнику бутылку водки, чтобы он открыл купе для инвалидов» (Ш. Тарпищев. Самый долгий матч, 1999) — в этом случае прилагательное оценочно нейтрально и используется как самохарактеристика; ‘обладающий смекалкой’: «Московский государственный остался коркой, и даже не коркой, потому что высшее не было законченным, а Ломоносовым во дворе, автоматом, использующимся *ушлыми* студентами бесплатно» (К. Сурикова. Аутсайдерский романчик, 2003); ‘хитрый, склонный к обману, старающийся получить выгоду’: «Один *ушлый* советский разведчик в Нью-Йорке купил этот устав, а потом устроил целое представление с розыгрышом тех трудностей и опасностей, которые ему будто бы пришлось преодолеть, чтобы овладеть этим важным „секретом“ Америки» (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича, 1997); «Примечание автора: попытки схитрить и выгадать по мелочевке — например, в спешке сдать машину незаправленной, набрать на арендованной машине штрафов или попытаться подкрутить одометр (я говорю о реальных случаях) — может быть, и сойдут с рук *ушлому* клиенту» (А. Криволапов. Автомобиль напрокат. Галопом по Европам // «Автопилот», 2002.05.15); «Без *ушлого* посредника обычному индусу трудно сообразить, как сдать государственному учреждению ветхую банкноту» (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию, 2003); ‘пронырливый, ловкий, умеющий использовать ситуацию в свою пользу’: «Я печалился по тому поводу, что прокатились на этой волне за океан самые *ушлые* и шумные, убедив на время наивных американцев в том, что они и есть соль русского современного искусства» (А. Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза, 2000–2001); «Именно они создали основу сегодняшнего благосостояния Березовских и Ко, тех, кого называют звучным словом „олигархи“, а на самом деле — это просто *ушлые* ребята, воспользовавшиеся моментом» (А. Собчак. Дюжина ножей в спину, 1999).

Эта черта характера может приписываться как русским, так и представителям других национальностей, при этом актуализируются разные семы, например ‘житейски опытный’: «Долго ли *ушлому русскому человеку* обмануть наивного западника?» (Ч. Ганиев, С. Шерстенников. Стыдно, когда видно // «Автопилот», 2002.02.15); ‘ловкий, прагматичный’: «Любой другой европейский или азиатский народ, не говоря уже об *ушлых американцах*, имея в своем наследии подобного гиганта творческого духа, каким был крестьянский сын А. М. Опекушин, почитал бы его среди свои национальных „звезд“ первейшей величины, устраивал бы выставки и конференции в честь его памяти,

издавал альбомы» (Е. Болотин. «Какой-то крестьянин Опекушин» //Наш современник, 2004); «Но *ушлые американцы* подсуетились и вспрыгнули на уходящий поезд на ходу» (О. Гриневский. Восток — дело тонкое, 1998); ‘опытный, хитрый, склонный к обману, чтобы не упустить свою выгоду’: «Попробуйте выдернуть нитку, и вообще, у меня в бюро лежит хороший, новый аршин; вот ты бы взял, Андрей Иванович, а то ведь *англичане* и *немцы*, они *ушлые*: обмеряют тебя» (К. Букша. Эрнст и Анна, 2002); «А *ушлые итальянские мошенники* даже открыли под Салерно подпольный цех, печатавший фальшивые билеты, обнаруженный карабинерами лишь незадолго до гонки» (В. Маккавеев. Гран При Сан-Марино: обыкновенное чудо // «Формула», 2001).

*Ушлый* чаще служит характеристикой представителей таких профессий, как *корреспондент, газетчик, телевизионщик, продюсер,* — т. е. главным образом работники средств массовой информации и шоу-бизнеса, а также *хозяйственник, снабженец, водила, продавец, чиновник, бухгалтер, юрист, проводник,* например: «А такое событие, как расстрел кафе в Замоскворечье, не могло не заинтересовать *ушлых корреспондентов* „Комсомольца“» (П. Галицкий. Опасная коллекция, 2000); «*Ушлые газетчики* наверняка понимали смысл опасений коммунистов: пока не отрубят голову Власти Советов — распродать страну будет невозможно» (Г. Зюганов. Противостояние // «Наш современник», 2003); «И смышленые сослуживцы не торопятся первыми поздороваться, *и ушлые, держащие нос по ветру хозяйственники*, в предвидении близкого твоего падения, вовремя не меняют перегоревший кофейник, приносят сервиз не того качества, задерживают машину на профилактике» (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004); «Мне-то казалось, что такой *ушлый*, шустрый парень, отработавший несколько лет *снабженцем*, сумеет устроить себе какой-никакой бизнес, а вот не смог» (Не умирайте, мужики, не умирайте! // «Сельская новь», 2003); «Некоторые из новых районов даже *ушлые чиновники* не смогли показать мне на карте» (В. Воронов. Восстановительный откат // «Еженедельный журнал», 2003.06.23); «Усилиями жильцов пробовали перекрыть эту дорогу тремя бетонными блоками, да не тут-то было: *ушлые водилы* лихо объезжают их, превращая газонные лужайки и кустарники в голый пустырь, отутюженный покрышками автомашин» (Ю. Козлов, И. Немучинский. Глаз народа // «Встреча» (Дубна), 2003.06.25); «*Ушлые продавцы* „топляк“ маскируют, а покупатели изучают: нет ли в салоне запаха гнили, под ковриками — воды, а на стеклах фар — „тумана“, то есть конденсата» (Ч. Ганиев, С. Шерстенников. Наше право // «Автопилот», 2002.09.15); «*Ушлый проводник* сажал на одно место семьями, и чуть не все были тут безбилетники, а потому, зная свою власть, во всю глотку крыл командирским матом» (О. Павлов. Дело Матюшина, 1996).

Прилагательное может выступать в форме сравнительной и превосходной степени: «Потом она рассказала о случившемся с ней подруге, девочке *более ушлой,* но и та не поняла: „Ничего особенного: ты хорошенькая, глазки черненькие — вот он и полез к тебе“» (В. Беломлинская. «…Где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень?» // «Звезда», 2003); «Она *гораздо ушлее*, чем кажется» (П. Акимов. Плата за страх, 2000); «Рэкетиров привели в опорный пункт милиции, рассортировали, переписали паспортные данные, а на семерых, *наиболее ушлых*, оформили протоколы изъятия» (А. Савельев. Аркан для букмекера, 2000); «Наркоторговцы становятся все *более ушлыми* и изворотливыми» (А. Ростовский. Русский синдикат, 2000); «Как на грех, дежурил в тот день красавчик Демьяненко, рослый румяный хохотун, *самый ушлый* из всей эльгенской вохры» (Е. Гинзбург. Крутой маршрут, 1990).

Степень проявления качества подчеркивается сочетанием с наречием *весьма*: «– Андрей Ильич, все деньги ушли, — сказал ему Игорь, двадцатипятилетний программист, один из самых перспективных работников „Города“ и в то же время *весьма ушлый* парень, обладающий талантом договариваться с мелкими чиновниками и мелкими начальниками» (А. Белозеров. Чайка, 2001). С точки зрения говорящего, степень «ушлости» может превышать некую допустимую норму, что выражается наречием *слишком*: «*Слишком ушлый* он, слишком расчетливый» (В. Громов. Компромат для олигарха, 2000).

Прилагательное чаще выступает как неодобрительное, о чем свидетельствуют семантика и оценочность сочетающихся с ним прилагательных и существительных: «Пока Комаров следил за Зиной, он успел составить о ней четкое представление: баба молодая, но *ушлая* и *наглая*» (П. Акимов. Плата за страх, 2000); «– Теперь, как всегда, появится какой-нибудь *ушлый шантажист, папарацци гребаный*, не вовремя засевший с фотоаппаратом» (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта, 2000–2004); «Но любовник, видимо, был *ушлый прохвост*» (И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001); «Так поступают *ушлые наркодельцы*: сначала бесплатно раздают ядовитую „дурь“ подросткам, а потом, посадив их на иглу, оправдывают свою деятельность общественной необходимостью — рынок требует, на наш товар постоянный спрос!» (А. Макаров. Ортодокс поневоле, 2001); «Выглядит так: *ушлый делец* хочет заработать дважды, и сам же заявляет автомобиль в угон» (С. Егоров. Тематические страницы: Серенький козлик отпущения // «Автопилот», 2002.09.15).

Показательно также, что *ушлый* не сочетается с существительными *девушка, женщина, мужчина*, а в составе адъективных сочетаний с этим прилагательным выступают *девица, мужик, баба, бабенка*: «– Шестнадцать скоро исполнится, — ответила *ушлая девица*» (Д. Донцова, Доллары царя Гороха, 2004); «*Ушлая* была *бабенка* Софья в молодые годы» (Р. Полищук. Чужие праздники // «Вестник США», 2003.10.01); «Кривцов был *ушлый мужик*» (А. Савельев. Аркан для букмекера, 2000); «Цокая каблучками, появилась Надька, главбух… в бумажных делах *баба ушлая*» (С. Таранов, Мстители, 1999).

*Ушлый* может иметь в конкретной ситуации употребления положительную оценку. При этом на первый план выходят семы ‘опытный; упорный в достижении своей цели’: «*Ушлый* малый, любое преступление раскроет» (Ю. Азаров. Подозреваемый, 2002); «Генерал ничего не понял, но согласно кивнул: «Толстолобик мужик *ушлый*, *нашего не упустит*» (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем, 2002). К ушлым людям обращаются за помощью именно в силу их житейской опытности: «Для начала я к тебе прикреплю Прокофьева, нового, но *ушлого* солдатика, он тебя и умоет, и накормит (В. Астафьев. Жестокие романсы // «Знамя», 2001); «Покумекай с ребятами, с Алексеем посоветуйся, он парень *ушлый*» (П. Галицкий. Опасная коллекция, 2000).

Таким образом, *ушлый* в русском языковом сознании — это имеющий житейский опыт, ловкий, смекалистый, хитрый, способный на обман, не упускающий возможность извлечь выгоду для себя человек. Оценка этой черты характера носителями русского языка амбивалентна: в том случае, если акцент делается на наличии житейского опыта, смекалке, то оценка нейтральна или даже положительна (к человеку, наделенному такой чертой, прибегают за помощью, спрашивают совета), если же на первый план выходят другие семы этого существительного, то оценка отрицательна. Носители русского языка чаще наделяют этим свойством представителей таких профессий, как журналист, юрист, бухгалтер, хозяйственник и некоторых других. Прилагательное не имеет точных эквивалентов во многих иностранных языках, что указывает не на то, что носители этих языков не отличаются данным свойством, а на то, что соответствующий язык не счел необходимым специально номинировать эту черту характера человека. Там же, где аналоги имеются, они отличаются от русского прилагательного оценочностью — чаще это положительная оценка. Сам факт существования и частотности прилагательного *ушлый* в современном русском языке свидетельствует о его актуальности для русской ментальности, а оценка (в подавляющем большинстве случаев все же отрицательная) о неприятии данной черты характера русскими.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] В работах как западных лингвистов, так и отечественных обычно отмечаются такие черты русского национального характера, как эмоциональность, тенденция к крайностям, склонность к «морализаторству» и фатализму, ощущение непредсказумости жизни и невозможности ее контролировать [2; 1: 481].

[2] В опросе принимали участие студенты филологического факультета СПбГУ.

[3] Авторы выражают свою искреннюю признательность зарубежным коллегам филологам-русистам из Сербии,

Чехии, Франции, Германии, Китая, а также учащимся отделения магистратуры кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ из Турции и Франции за участие в опросе. Предоставленная ими информация имела большое значение для нашего исследования.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура, Познание. М., 1996.

**СЛОВАРИ**

Вусик — *Вусик О. С.* Словник українських синонимів, Дніпропетровськ, 2000.
Горбачевич — *Горбачевич К. С.* Русский синонимический словарь. СПб., 1996.
Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1988–1991.
МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985–1988.
НРУСД — Новий російсько-український словник-довідник, Киев, 1996.
Ожегов — Словарь русского языка. М., 1981.
РБС — Русско-белорусский словарь: В 3 т. Минск, 2005.
РБСОЛ — Русско-белорусский словарь общеупотребительной лексики, Минск, 1999.
РУС — Русско-украинский словарь: В 3 т. Киев, 1979–1981.
ТСБЛМ — Тлумачальны слоунік беларускай літаратурнай мовы, Минск, 2002.
Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
Мустафаев — *Мустафаев Э., Щербинин В. Г.* BÜYÜK RUSÇA-TÜRKÇE SÖZLÜK., M., 1977, Istanbul,1994.
SSJC — Slovnik spisovného jazyka ćeského. V. I–IV, 4. Praha, 1966.

## НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦИИ

(Франция, 12–15 ноября 2008 года)

С 12 по 15 ноября 2008 года Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006–2010 гг.) на базе Российского культурного центра в Париже была проведена Неделя русского языка и российского образования во Франции. В состав российской делегации вошли ведущие филологи-русисты, специалисты по русскому языку и русской культуре, специалисты по методике преподавания русского языка и русского языка как иностранного, русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. С французской стороны в мероприятиях Недели приняли участие преподаватели-русисты, студенты, соотечественники.

Во время торжественного открытия Недели выступили директор Российского центра науки и культуры в Париже И. А. Шпынов, директор Центра славянских исследований в Париже Пьер Гонно, заместитель Генерального секретаря МАПРЯЛ Е. Е. Юрков, Президент института славянских исследований в Париже Стефан Вьеллар, директор Курсов русского языка Российского центра науки и культуры в Париже О. В. Секлетова.

12 ноября мероприятия Недели проходили в Центре славянских в Париже. В рамках Недели была проведена Международная научно-практическая конференция «Русский язык вчера и сегодня: проблемы изучения и функционирования», в работе которой приняли участие члены делегации МАПРЯЛ, профессорско-преподавательский состав кафедр и институтов русского языка Франции. В ходе работы конференции состоялся обмен мнениями и опытом по широкому спектру практических вопросов преподавания русского языка как иностранного. Были отмечены позитивные тенденции в области распространения преподавания русского языка во Франции.

13 ноября программа Недели была продолжена в Российском центре науки и культуры в Париже, где был проведен методический семинар, лекция, мастер-классы, круглый стол «Диалог культур при изучении русского языка» с участием российских и французских филологов.

14–15 ноября мероприятия Недели русского языка во Франции были проведены в университете Франш-Конте г. Безансона. В университете были проведены мастер-классы, методический семинар, лекция, круглый стол, посвященные актуальным вопросам преподавания, изучения и развития русского языка и литературы, а также была организована выставка новинок учебной литературы.

Н. Н. Гончарова

# РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В МИКРОТОПОНИМИИ

В статье «Репрезентация профессионального фрагмента языковой картины мира в микротопонимии» рассматривается проявление профессиональных языковых картин мира в системах микротопонимов на примере г. Тулы. Выделяются и описываются системы микротопонимов, связанных с оружейным, металлургическим, горнодобывающим и др. производствами, рассказывается о причинах и истории возникновения топонимических единиц, об их происхождении.

The development in the systems of toponimic in Tula region as an example in the article "Representation of professional points in the world linguistic picture in microtoponimics" is discussed. Microtoponimic systems are described and underlined in connection with the arms, metallurgical and mine industries; arising of the toponimic units as well as their origin.

**Наталия Николаевна Гончарова**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тульского государственного университета

Профессиональные языковые картины мира представляют собой широкий фрагмент русской языковой картины мира, поскольку труд (в том числе профессиональный) занимает значительную часть и времени, и сознания большинства носителей русского языка. Профессиональные языковые картины мира репрезентируются в терминологической и профессиональной лексике, во фразеологии, в паремических единицах, в фольклоре, связанном с профессиональной деятельностью, а также в топонимических единицах — микротопонимах — индивидуализированных названиях географических объектов. В микротопонимах зафиксированы трудовая деятельность населения, род его занятий, ремесла, технологические процессы и технические термины, продукция и предметы, сопутствующие производству. Микротопонимы, обусловленные профессиональными реалиями, с одной стороны, показывают род деятельности жителей данной местности, его особенности и историю становления. С другой же стороны, в силу их длительной закрепленности в языке региона и частотности использования в речи способны оказывать влияние на языковое сознание жителей данной территории, формируя их образ мыслей, образ жизни, отношение к различным профессиям, производству и к труду в целом.

Интересной в этом отношении представляется микротопонимия Тулы, считающейся родиной русской металлургии, кузницей оружия, издавна славившейся самоварами, пряниками и гармонями.

Названия тульских улиц звучат в гимне города Тулы — песне А. Новикова на стихи В. Гурьяна «Тульская оборонная»:

Тула веками оружье ковала,
Стала похожа сама на ружье.
Слышится звон боевого металла
В древних названиях улиц ее.

Улица Курковая, улица Штыковая,
И Пороховая, и Патронная,
Дульная, Ствольная, Арсенальная…
Улица любая — Оборонная.

Среди тульских микротопонимов выявлено более 60 единиц наименований, связанных с профессиями туляков и производством [3: 31]. Причем существуют не просто отдельные топонимические единицы, но целые топонимические системы, связанные с определенным видом деятельности. Цеховые (т. е. по роду занятий мастеров) названия улиц, характерные для средневекового города, легли в основу современных топонимических систем.

Первые тульские поселения связаны с основным профессиональным занятием населения — обработкой металла, ведь русская металлургия родилась на тульской земле, богатой железной рудой. К концу XVI века на правом берегу реки Упы по указу царя Федора поселились особой слободою 30 кузнецов. Наряду с обычной кузнецкой работой они выполняли «государево оружейное дело», получая на него казенные заказы. Так появилась первая в стране ***Кузнецкая слобода.***

К началу XVII столетия в Туле были известны цеховые названия, связанные с оружейным делом. Эти топонимы через века дошли до нашего времени и составили особую «оружейную» топонимическую систему: улицы ***Дульная, Ствольная, Пороховая, Штыковая, Заварная, Курковая, Замочная, Ложевая, Арсенальная, Демидовская Плотина, Пробная*** и др. Ныне утрачены интересные топонимы, в основе которых лежат технические термины оружейного производства: ***Оружейная Проба*** (место полигона Оружейного завода), улица ***Дробная***, ***Пробойный и Прицельный*** переулки.

Названия тульских улиц содержат подробную информацию об оружейном производстве. Говорят, что, гуляя по улицам бывших Зареченской и Чулковской слобод, где селились оружейники, можно из названий улиц полностью «собрать ружье». Приведем примеры.

***Улица Ствольная.*** Появление улицы Ствольной в Кузнецкой слободе связано с ковкой ствольных досок от руки в домах оружейников, то есть надомным производством заготовок для будущих ружейных стволов. *Ствол* — «2. Часть огнестрельного оружия (орудия), в виде трубы, через которую проходит, получая определенное направление полета, пуля или снаряд» [4: 1002]. Общеславянское, современная форма из stъbolъ, суффиксального производного от того же корня, что и стебель [10: 302].

***Улица Дульная.*** Возникновение этой улицы связывают с поселением в конце XVI века дульщиков — мастеров по изготовлению дул. Они не делали, а обрабатывали, шлифовали дула стволов, которые поступали к ним от ствольщиков. *Дуло* — «выходное отверстие канала ствола огнестрельного оружия» [4: 231]. Исконно русское, суффиксальное производное от *дуть*, буквально — «полый ствол» (в который дуют) [10: 79].

***Улица Заварная.*** Возникла в 1595 году, когда поселились заварщики — ремесленники-оружейники, которые в своих мастерских делали очень сложную работу: заваривали швы на трубках будущих стволов, получаемых от ствольников. *Заварка* — сварка, в оружейном производстве — соединение краев согнутой в трубку железной полосы, суффиксальное образование от *заварить* — «спец. залить пустоты в металлическом литье» [4: 253]. *Варить* — общеславянское, представляет собой каузатив к вьрети (е из «ять») «бить ключом, кипеть» [10: 33].

***Замочная улица.*** В XVII веке (возможно, даже в 1595 году) здесь поселились мастера по изготовлению ружейных замков. *Замок* — «2. Затвор огнестрельного оружия» [4: 271], приспособление для производства выстрела в ружье, ударный механизм. Замок — исконно русское, производное от *замкнуть*. Первоначально — «засов, задвижка», затем — особое замковое устройство, замок» [10: 93].

***Ложевая улица.*** Цеховое название, обозначавшее место, где жили оружейники-»деревянщики», специалисты по изготовлению ложа. *Ложа* — «деревянная часть ружья, к которой прикреплен ствол» [4: 419]. Ложа связывает все детали оружия и способствует удобству прицеливания. Словарь В. И. Даля содержит также производные слова: *ложевой* — «относящийся к ложе (ружейной)»; *ложник* (с ударением на первом слоге) — «работающий ружейные ложи» [1: 510].

***Пробная улица***, где до сих пор сохранились частные домики тульских оружейников, сложилась к концу XVII века и получила название по городскому местечку ***Оружейная Проба***, известному в XVIII–XIX вв. месту полигона Оружейного завода. Оригинальное

исконно тульское название ***Оружейная Проба*** и местечко, к сожалению, исчезли под нынешним Ряжским вокзалом. Однако до сих пор сохранилась ***Пробная галерея*** — место испытания нового оружия [2: 164].

***Улица Пороховая.*** Цеховое название места, где жили и работали пороховщики — специалисты по изготовлению пороха. В словаре В. И. Даля читаем: «*Порох (прах), порошок* или *порохно* — всякое сыпучее вещество, пыль, бус, а более зернистое, в виде песка. Земля тутнет, реки мутно текут, пороси поля покрывают (Слово о полку Игореве)… *Порох, стрельный порох* — зернистый состав из угля, селитры и серы для стрельбы. Лучший и мельчайший порох винтовочный, затем мушкетный, ружейный, а крупнейший пушечный» [1: 654]. То есть общеславянское слово *порох* употреблялось в нескольких значениях, первичным же является значение, тождественное слову *порошок*.

Интересно, что название улицы Пороховая произносилось туляками-порохощиками с ударением на первом слоге в отличие от прилагательного пороховой, которое произносится с ударением на последнем слоге. Видимо, таким образом жители хотели противопоставить обыкновенному порошку, или праху, «стрельный порох», подчеркнув своеобразие, опасность и особую значимость их ремесла.

В современном русском языке исконное значение слова *порох* вытеснено производным терминологическим «взрывчатое вещество для изготовления зарядов огнестрельного оружия» [4: 729]. Процесс замещения значения начался с XVII века под влиянием однокорневого польского proch, употребляемого в новом значении. Примечательно, что до этого времени порох на Руси называли зельем. Так, словарь В. И. Даля содержит толкование слова *зелье* с пометой «стар. огнестрельный порох», а также существительные *зелейник* — «стар. казенник, казенная часть орудия, куда кладется заряд»; *зелейщик* — «стар. пороховой мастер» [1: 365].

С начала XVIII века появляются оружейные микротопонимы, образованные на основе заимствованных слов.

***Улица Арсенальная.*** В 1718 году на обширной площади в центре Кузнецкой слободы был построен каменный оружейный двор с двенадцатью кузницами, девяносто шестью горнами, двенадцатью мастерскими и складским помещением. Оружейный двор назвали арсеналом, а прилегающую улицу и площадь — Арсенальной. *Арсенал* — «здание, где хранится оружие всякого рода, военные доспехи и припасы; бывают тут и мастерские; оружейная» [1: 38]. Само понятие *арсенал* как склад оружия попало в Россию в Петровскую эпоху из французского языка (arsenal).

***Улица Курковая.*** Курок — «часть ударного механизма в ручном огнестрельном оружии» [4: 401]. Слово пришло из польского языка в начале XVIII века. Название улицы связано с одной из специальностей оружейников, селившихся в Оружейной слободе.

***Улица Штыковая.*** На этой улице цеховые мастера-кузнецы отковывали штыки для винтовок. Название появилось не ранее начала XVIII века, поскольку немецкое слово *штык* вошло в обиход в Петровскую эпоху со значением «острое, колющее оружие».

***Патронная улица*** названа в 1907 году по решению городской думы. Она находится рядом с первым в России частным патронным заводом, основанным в 1880 году и специализировавшимся на выпуске патронов для винтовок, ружей, револьверов, с 1902 года — и пушечных гильз. Там же располагался и Патронный городок — городок рабочих патронного завода, ныне завода «Штамп» и поселок им. Кирова.

В честь тульских оружейников в 1922 году бывший Никольский переулок был переименован в ***Оружейный***, а в 1962 году улица Китаевская — в ***улицу Оружейную***. На этой улице в послевоенные годы селились возвращавшиеся с фронтов Великой Отечественной войны оружейники, рабочие других тульских заводов и крестьяне, приходившие из окрестных деревень отстраивать послевоенную Тулу. Прошлое и настоящее жителей улицы было связано с обороной, оружием, что и отразилось в новом названии.

В Туле существует система топонимов, связанных с производством и обработкой металла. Одна из древнейших улиц носит цеховое название ***Литейной***. Здесь жили литейщики — «литухи», те, кто в небольших примитивных домницах выплавлял металл для железоделательного и оружейного производства. *Литейный* — «к металлическому литью, к отливке относящийся. Литейное дело. Литейный двор» [1: 505], суффиксальное образование от общеславянского *лить* — «делать, изготовлять что-нибудь из расплавленного вещества» [4: 416].

Улица с названием ***Демидовская Плотина*** возникла в конце XVII века (в 1696 году), когда Никита Демидов, приписанный в казенные самопальники, построил на реке Тулице первый чугунолитейный и железоделательный завод в России. Тогда была сооружена плотина для устройства большого пруда, из которого брали воду, приводившую в действие механизмы завода.

До настоящего времени сохранились на Косой горе четыре проезда с названием ***Призаводского рудника***, хранящим память о первых рудниках, где добывали железную руду в XVII–XVIII вв. для железоделательного завода в Туле.

Бывшая улица Пятницкая, первая тульская улица, находящаяся рядом с кремлем, в 1924 году была переименована в ***улицу Металлистов.*** С. А. Рассаднев указывает причину переименования: «В доме № 5 с 1912 по 1916 год размещалось правление Тульского отделения Московского общества по обработке металлов (Союз металлистов). Сначала на бывшей Пятницкой улице находилась «Чайная» союза металлистов — первый рабочий клуб, место тайных встреч революционеров-подпольщиков» [7: 19].

Металлургическое производство продолжает развиваться и в XX веке, параллельно складывается и связанная с ним система микротопонимов. Основным занятием жителей бывшего ***поселка Металлургов*** было металлургическое производство, о чем свидетельствует название ***улицы Металлургов.*** Помимо нее образован целый ряд топонимических единиц, мотивированных терминами современной металлургии, например:

***Бункерная улица*** получила свое название от *бункер* — термина металлургического производства, обозначающего саморазгружающуюся емкость для транспортировки шихты — смеси кокса и руды — для загрузки в доменную печь [9: 8].

***Коксовая улица —*** название образовано суффиксальным способом от *кокс* [нем. Koks] — «твердая, спекшаяся масса, получаемая из каменного угля или торфа нагреванием их без доступа воздуха до температуры 950–1050 °С ; применяется как топливо и восстановитель в металлургии» [8: 240].

***Мартеновская улица —*** название образовано суффиксальным способом от «*мартен* [по имени французского металлурга Мартена (Martin), 1824–1915] — то же, что мартеновская печь» [8: 303]. *Мартеновская печь* — «пламенная отражательная регенеративная печь для производства стали из чугуна и стального лома» [9: 46].

***Доменный переулок*** — название образовано суффиксальным способом от *домна* — «печь для выплавки чугуна из железной руды» [4: 221]. *Домна* — исконно русское суффиксальное производное (суффикс -ьн-) того же корня, что и *дуть, надменный* [10: 76].

До 21 апреля 1965 года была также в Пролетарском районе улица ***Шлаковая.*** *Шлак* — «расплав (после затвердевания — камневидное или стекловидное вещество), покрывающий при плавильных процессах (например, при выплавке стали) поверхность жидкого металла; состоит из специально вводимых в печь флюсов, а также из всплывших продуктов металлургических реакций, из подлежащих удалению примесей к металлам и золы топлива» [9: 99].

Ряд тульских микротопонимов мотивирован названиями технологических процессов в металлургии. До сих пор есть ***Газовая улица*** и четыре ***Газовых проезда***, получивших свое название по процессу подачи *газа* (как правило, кислорода) для поддержания высокой температуры при выплавке металла [9: 15]. Название ***Подъемной улицы*** мотивировано наименованием подъемного устройства, при помощи которого осуществляется транспортировка сырья для металлургического производства на верх доменной печи и связанной с этим процессом специальностью *подъемщика* [9: 72]. Название ***Разливочной улицы*** связано с процессом *разливки* выплавленного металла (стали или чугуна). [9: 79]. Название ***Сортировочной*** улицы дано по процедуре *сортировки* выплавленного металла с целью контроля его качества [9: 84].

О других ремеслах туляков свидетельствуют такие топонимы, как ***Большие Гончары и Малые Гончары***. Так до сих пор называются улицы и квартал, находящиеся на месте прежней ***Кирпичной слободы***, которую потом стали называть ***Гончары***. Местность была богата глинами, поэтому здесь селились гончары — мастера, изготавливавшие кирпич для строительства домов, а также всевозможную посуду: горшки, чашки, кувшины и т. д. В XIX веке стали лепить глиняные игрушки: «князьков», дам в пышных юбках, нянек с младенцами, свистульки и дудочки. Сейчас есть также ***Гончарный проезд***.

В XX веке возникли новые названия, связанные с профессиями жителей Тулы. В 1907 году появилась ***Гармонная улица***, которая находится в бывшей Чулковской слободе, улицы которой специализировались по отдельным операциям гармонного дела: на одной улице делали футляры, на другой — меха, на третьей наклепывали голоса. Улица находится неподалеку от гармонной фабрики и напоминает о том, что Тула — родина русской гармони. Первое производство тульских гармоней появилось в 1830–1835 гг., его организовали оружейники Сизов и Шкунаев. Особую же известность приобрели хроматические гармони изобретателя Н. И. Белобородова.

О том, что неподалеку от Тулы велись горнодобывающие работы, свидетельствуют следующие топонимы. ***Улицы Шахтерская, Горняк, Горняцкая,*** а также ***Горняцкие проезды*** получили название по профессии горняка. *Горняк* — «то же, что горнорабочий — рабочий горной промышленности» [4: 178].

***Врубовый переулок*** расположен в той части Центрального района, где в 50-х годах были отведены земли семьям шахтеров под строительство частных домов. *Врубовый* — «служащий для производства *вруба*» — суффиксальное образование от *вруб* — «щель, пробиваемая в горной породе перед отбиванием глыб» [4: 130]. Там же возник ***Отбойный переулок*** (*отбой-*

*ный* — «предназначенный для откалывания, отбивания; отбойный молоток») [4 : 597]. ***Копровая улица*** получила свое название от термина горного дела *копёр* — металлоконструкция над стволом шахты, в которой находятся шкивы подъемной машины, служащие для транспортировки угля на -гора.

О наличии в Туле машиностроительного производства, в частности комбайностроения, говорят ***Комбайновая улица, переулок*** и два ***Комбайновых проезда***. Улицы ***Машинистов, Путейская*** (путейцами в XIX веке называли железнодорожников) располагаются поблизости от Московского вокзала и отражают специфику железнодорожных специальностей. ***Улицы Автомобилистов, Транспортная*** получили названия по находящимся рядом автопредприятиям, ***улица Экспериментальная*** — по Скуратовскому опытно-экспериментальному заводу. Ряд улиц, находящихся неподалеку от бывшего аэродрома ДОСААФ, связан с реалиями летной профессии (***Летная улица***, ***Парашютный проезд, Планёрная улица, Воздухофлотская улица***). В систему профессиональных радиотехнических топонимов входят следующие названия улиц: ***Электронная, Радиотехническая*** (названа по одной из профессий радиоэлектронщика). ***Лазерная улица*** связана с профессией лазерщиков (*лазер* — оптический квантовый генератор), название ***Планировочной улицы*** мотивировано профессией планировщика, ***Энергетиков —*** профессией энергетика.

Интересно, что даже ряд искусственных наименований тульских улиц продолжает традицию именования улиц по профессиям (***Рабочая, Строителей***).

Таким образом, в массиве топонимов, связанных с профессиями и производством, можно обнаружить топонимические системы, обусловленные родом деятельности, производством. На наш взгляд, в тульской профессиональной микротопонимии справедливо выделить системы, определяемые следующими видами деятельности: 1) оружейным производством; 2) производством и обработкой металла; 3) гончарным производством; 4) горнодобывающим делом; 5) железнодорожными перевозками; 6) летными профессиями; 7) радиотехническим производством.

Существуют также отдельно стоящие микротопонимы, тем не менее заключающие в себе специфику тульских производств и особенности жизни туляков. Например, ***улица Гармонная***, а также ***Самоварка*** — неофициальное название квартала, который образован зданиями бывшей самоварной фабрики Баташева, крупного производителя самоваров. Сохранилось описание фабрики А. Фроловым, писателем-туляком, который жил рядом и работал на ней слесарем: «Фабрика была образцовой. Рабочих работало 500 человек. Корпуса были двухэтажные, большие, красивые. Мастерские чистые, светлые, с электрическим освещением. Работали по гудку: с семи утра до двенадцати дня и с половины второго до половины восьмого вечера. Двор залит асфальтом» (цит по: [7: 106]).

В целом, по количеству микротопонимов, составляющих какую-либо из указанных топонимических систем, можно судить о преобладании того или иного рода деятельности на данной территории. Так, на территории Тулы безусловными лидерами является «оружейная» система (15 единиц) и «металлургическая» (15 единиц), что составляет половину тульских топонимов, связанных с профессиями и производством. На долю остальных топонимических систем приходится в среднем по 3–4 единицы, что все-таки подтверждает существование данных родов деятельности в городе и подчеркивает их значение в жизни тем, что закрепляются в языке и языковом сознании народа.

Среди рассматриваемых топонимических единиц можно выделить две группы на основе семантики мотивирующего слова, которое может обозначать:

1) термины производства (наименование деталей, технологических процессов и т. д.);

2) лица по специальности;

3) продукты производства.

К первой группе относятся практически все топонимы, входящие в «оружейную» систему (*Ствольная, Замочная, Ложевая, Дульная, Пороховая* и др.), большая часть топонимов, составляющих «металлургическую» систему (*Литейная, Доменная, Мартеновская, Бункерная, Коксовая, Шлаковая*), а также часть «шахтерской» топонимии (*Врубовый и Отбойный переулки, Копровая улица*).

Ко второй группе можно отнести такие наименования, как улицы *Металлистов,*

*Металлургов, Машинистов, Автомобилистов, Строителей, Энергетиков* — образованные по модели: улица + сущ. Р. п. мн. ч., а также улицы *Шахтерская, Путейская*, представляющие собой прилагательные, образованные от существительных *шахтер, путеец* при помощи суффикса –ск-.

Третью немногочисленную группу составляют топонимы, образованные на основе слов, обозначающих продукты производства: *улицы Гармонная, Комбайновая*.

Стоит обратить внимание на тот факт, что названия улиц, связанные с профессиями и производством, представляют собой прилагательные, образованные от мотивирующих существительных при помощи продуктивных суффиксов (-н-; -ов-, -ев-; -ск-), например: *Ствольная, Дульная, Заварная, Курковая, Штыковая, Ложевая, Шахтерская, Путейская*. Примечательно, что форму прилагательного имеют как древние топонимические единицы, так и возникшие в XX веке: *Бункерная, Коксовая, Шлаковая, Отбойный, Врубовый, Шахтерская.*

В XX веке возникли названия, представляющие собой модель **улица + сущ. (р. п. мн. ч.)**, например: *улицы Металлистов, Металлургов, Машинистов, Автомобилистов, Строителей, Энергетиков*. Подобные топонимические единицы составляют примерно 10–15 % от общего числа топонимов, связанных с профессиями и производством. Из чего можно заключить, что форма прилагательного является наиболее естественной и органичной для наименования топографических объектов по профессиям или производству.

Устойчивые сочетания адъективного типа представлены в микротопонимах *Оружейная Проба, Демидовская Плотина, Большие Гончары, Малые Гончары, Призаводской рудник*. Перечисленные единицы образованы в XVII–XIX вв.

Через систему тульских микротопонимов рисуются особые профессиональные языковые картины мира: оружейная, металлургическая, шахтерская и др. Примечательно, что микротопонимы заключают в себе как особенности изменения производств, так и то, как эти технологические изменения отразились в специальных профессиональных подъязыках и как те, в свою очередь, повлияли на профессиональные языковые картины мира. Так, до Петровской эпохи все названия, мотивированные терминами оружейного и металлургического производства, имели общеславянское или исконно русское происхождение (*Дульная, Ствольная, Пороховая, Заварная, Замочная* и др.). Названия, связанные с профессиональной деятельностью, данные ряду улиц в XIX веке, представляют собой термины какого-либо производства, заимствованные из европейских языков. Даже слово *металл* было заимствовано в XVIII веке из немецкого языка и вытеснило бытовавшее прежде общеславянское слово *железо*, суффиксальное производное от основы gel-, ранее обозначавшей камень и кость, сходные по функции и свойствам с металлом. Вспомним, что в Туле и на Урале Никита Демидов основывал не металлургические, а «железоделательные заводы». Также из немецкого языка в XVIII веке заимствованы слова *шахта, шахтер*, заменившие общеславянские *гора, горняк*. Исконно русские профессиональные наименования сохранились в названиях улицы *Горняк, Горняцкие проезды*.

Следует помнить, что исконная лексика обладает, по выражению выдающегося русского филолога А. А. Потебни, внутренней формой, то есть значение этих слов понятно русскому человеку на глубинном, почти подсознательном уровне. Внутренняя форма — это, во-первых, «ближайшее этимологическое значение слова»; во-вторых, «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль»; в-третьих, это есть «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными»; в-четвертых, внутренняя форма не образ предмета, а «образ образа, то есть представление» [6: 22–55]. Внутренняя форма, или «ближайшее этимологическое значение слова, народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично» [5: 9] Потебня утверждает, что поэзия и проза, искусство и наука обретают жизнь в языке и обусловлены языком. Знания имеют формы, которые зависят от форм языка; с изме-

нением языковых разрядов изменяются и разряды мысли.

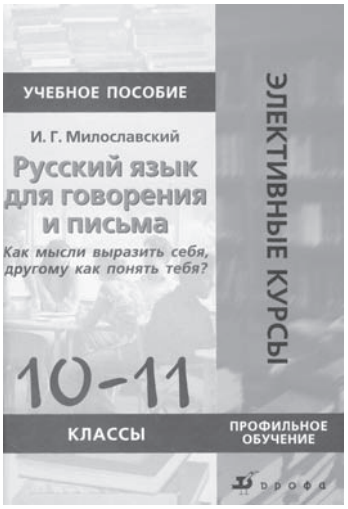
В заключение следует еще раз подчеркнуть, что микротопонимы являют собой ценный источник сведений о роде занятий жителей, их профессиях, сословиях как в прошлом, так и в настоящем. Это связано с тем, что многие микротопонимы образованы на основе лексических единиц, обозначающих технологические процессы, технические термины, продукты производства, а также род занятий и профессии жителей. Именно поэтому микротопонимы представляют собой яркий фрагмент профессиональной языковой картины мира, имеющий несомненную историческую и культурную ценность. Ведь в них закреплены результаты трудового, профессионального сознания поколений. Можно утверждать, что ряд микротопонимов (*Ствольная, Дульная, Гармонная*) приобрел значение символов, благодаря которым Тула воспринимается как город оружейного, самоварного, гармонного производства не только самими туляками, но и большинством носителей русского языка.

Микротопонимы репрезентируют профессиональный взгляд на мир, профессиональный фрагмент не только региональной, но и русской национальной языковой картины мира. Профессиональные языковые картины мира обусловливают языковое сознание их носителей, формируя отношение к различным профессиям, производству и к труду в целом, особый образ мыслей и образ жизни туляков — мастеров своего дела, о которых и сложена поговорка: «Туляки блоху подковали».

**ЛИТЕРАТУРА**


1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
2. *Майорова Т. В.* Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. Тула, 2007.
3. *Майорова Т. В., Майоров М. В.* Улицы Тулы XVII–XXI веков. Энциклопедический словарь-справочник тульских городских названий. Тула, 2005.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: ок. 53000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2007.
5. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
6. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 22–55.
7. *Рассаднев С. А.* Прогулки по улицам Тулы (Беседы краеведа). Тула, 2003.
8. Словарь иностранных слов. М., 1988.
9. Терминологический многоязычный словарь по технологии конструкционных материалов / Т. Д. Маликова, Н. Н. Гончарова, С. С. Гончаров, Н. Н. Захарова, А. М. Николаев, Е. П. Щенникова; Под ред. Л. А. Константиновой. Тула, 2001.
10. *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 2003.


[предлагаем вашему вниманию]




***Милославский И. Г.* Русский язык для говорения и письма: Как мысли выразить себя, другому как понять тебя? 10–11 кл.: Учеб. пособие. — М.: Дрофа, 2008. — 95, (1) с. — (Элективные курсы).**

На базе знаний о русском языке, полученных в основной школе, учащиеся приобретают компетентности двух типов: максимально точно и полно понимать содержание устного и письменного текста, а также строить собственные высказывания в соответствии со своим замыслом — либо более конкретно, либо более обобщенно, акцентируя или уводя в тень те или иные моменты.

Ориентированное на виды речевой деятельности — чтение, аудирование, говорение, письмо — учебное пособие покажет, как следует отделять информацию о положении дел от информации об отношении автора к этому положению и об отношении автора к собеседнику. Школьник научится выбирать именно те слова и словосочетания, которые в зависимости от обстоятельств общения и характера отношений с читателем/собеседником будут поддерживать желаемый автором характер отношений.

А. С. Гальцова

# ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕТЕРБУРГСКИХ МИКРО- И МАКРОТОПОНИМОВ

Топонимы активно включаются в межкультурную коммуникацию и обладают большим лингвокультурологическим потенциалом. В связи с этим встает вопрос о способах выявления подобной информации и приемах семантики топонимов. В данной статье анализируются семантические компоненты значений «Васильевский остров». Особенно этот вопрос интересен с точки зрения формирования дискурса города.

Toponyms actively step in the intercultural communication and posses a great lingvoculturological potential. In this connection there is a question that concerns the ways of revealing of this information and devices of the analysis of lexical semantics.

The analysis of semantic components of values "Vasily Island" is covered in the article. Especially this question is interesting from the point of view of the formation of the discourse of the city.

**Анна Сергеевна Гальцова**

Аспирант Санкт-Петербургского государственного горного института (технического университета)

Изучение языка города как актуальная проблема языкознания впервые была поставлена в 20-е годы XX века. Это ставшие классическими труды Б. А. Ларина «О лингвистическом изучении города» (1928) и Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (1923). Б. А. Ларин писал о необходимости научной разработки языкового быта города, был сделан важный вывод о том, что жители города «многоязычны» [1: 64]. Впоследствии изучение языка города продолжилось: исследовалась разговорная речь носителей литературного языка, речь лиц, не владеющих нормами литературной речи, а также носителей различных социальных диалектов.

Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940) указывал на необходимость включения имени собственного в словник толкового словаря, так как реальное функционирование таких слов в речи носителей языка не находит отражения ни в одном из существующих словарей, а сведений, дающихся в энциклопедических словарях, совсем не достаточно для успешной коммуникации.

С развитием антропоцентрической научной парадигмы внимание филологов сосредоточилось на лингвокультурологическом подходе к данной тематике (работы Ю. М. Лотмана [2], В. В. Молчановского [3], В. В. Колесова, В. Н. Топорова).

При рассмотрении городского дискурса в лингвокультурологическом аспекте возникает сложность в выявлении и систематизации за-

ложенной в топониме информации. Сложность возрастает, если речь идет о топонимах, играющих существенную роль в русской языковой картине мира. Наше исследование посвящено функционально-ассоциативному плану значений макротопонима «Петербург» и разветвленной системе микротопонимов, существующих в рамках петербургского городского дискурса. О том, что топонимы Петербурга являются важными для русского языкового сознания, свидетельствует тот факт, что часть из них это сознание и формирует посредством художественной, исторической литературы и языка СМИ (*Медный всадник, Адмиралтейство, Царское село, Сенная, Летний сад, Фонтанка, Нева* и другие).

Рассматривая имена собственные с этих позиций, можно обнаружить постепенное «наращивание» смысла, когда одни и те же лексические единицы с течением времени получают различные трактовки и интерпретации. Тем самым понятие формирует образ, а именно систему представлений и ассоциаций, где каждый член этой системы взаимообусловлен соседними и работает лишь в тесной взаимосвязи с предшествующими.

В качестве иллюстрации данного положения можно рассмотреть систему урбанонимов Васильевского острова, многие из которых стали не только отражением исторических изменений с петровских времен до наших дней, но и символами города и страны (изоморфность).

Для того, чтобы продемонстрировать изоморфность на уровне «часть города — город», достаточно посмотреть на современную 50-рублевую банкноту, которая представляет Санкт-Петербург как один из городов России. На банкноте с двух сторон изображены два вида Петербурга, оба — это Васильевский остров.

Попытаемся не столько рассмотреть разветвленную систему урбанонимов этой части города, сколько проследить функционирование самого понятия «Васильевский остров» с точки зрения лингвокультурологии.

Топоним «Васильевский остров» довольно частотен в речи не только петербуржцев. В Национальном корпусе русского языка найдено 75 документов в 148 контекстах по данному запросу. Говоря о функционировании в речи, во-первых, следует отметить различные виды написаний, когда в письменном тексте слово «остров» встречается с большой и малой буквы. Особого комментария для не петербуржца потребует и аббревиатура ВО, часто встречающаяся в рекламных проспектах и в почтовых адресах. Например, в книге «Петербург. Азбука» культуролога А. Чернова есть примеры языковой игры со словом, когда москвичка говорит: «*Николая Островского знаю. Василия Островского — нет*» (http://chernov-trezin.narod.ru/PeterABC.htm).

По результатам опроса Васильевский остров, в отличие, например, от других частей города, ассоциируется не с престижем, но с удобством и мобильностью в передвижении по городу. «*Жить на Ваське*», в отличие от «*жить в Купчино*» (а в сознании петербуржцев это очень далеко: «Есть далеко, а есть Купчино»), значит не только удобно, но и комфортно. Можно проследить даже некоторую общность людей, проживающих в данном районе: «*Есть те, кто живет в Петербурге, а есть те, кто живет на Васильевском острове. Давно известно, что это разные люди. На Васильевском можно родиться в своем роддоме, учиться в своей школе и в Университете, работать и спокойно себе умереть — кладбище тоже есть, да еще какое — Смоленское. Есть и своя главная улица — Андреевский бульвар. Даже без Невского проспекта можно обойтись: бульвар этот — маленькая его копия*». (Е. Королев. Санкт-Петербургский курьер. 31.01.2008). Например, объявление домовых служб начинается так: «*Уважаемые василеостровцы!*» (ВО, ул. Кораблестроителей, д. 29, к. 2), существует районная газета и несколько сайтов-форумов. Можно услышать: «*Мы были соседями по Васильевскому острову*». Кроме того, встречаются и такие высказывания: «*Здешние острова больше, чем просто часть города. Это отдельные нации общей питерской цивилизации. Тот же Васька*» (http://brombenzol.blog.ru/10344676.html) и заголовки «*От Клинтона до простого василеостровца*» (Час пик. 25.10.1997).

Наличие большого корпуса текстов, посвященных не только истории и культуре Санкт-

Петербурга, но и Васильевскому острову в частности (В. М. Бузинов. Десять прогулок по Васильевскому СПб., 2000; Л. Медерский. Васильевский остров. М., 1958; А. Колышев. Остров Василия Селезея, СПб., 1995 и др.) подтверждают данный тезис.

Следует отметить, что система микротопонимов данной части города выстраивается вокруг таких семантических долей, по которым мы можем рассматривать в целом функционирование макротопонима «Васильевский остров».

Итак, рассмотрим **Васильевский остров как границу города**, **выход к Балтийскому морю** и как **торговый центр Петербурга**. *«Васька — район морской. На набережной лейтенанта Шмидта стоит Крузенштерн со своим знаменитым кортиком, а за его спиной швартуются к берегам Невы большие неповоротливые корабли. Большие...пожалуй, это мягко сказано»* (http://brombenzol.blog.ru/10344676.html).

Например, название улиц и городских объектов свидетельствует и о жителях этой части города, и о роде их занятий: *ул. Кораблестроителей, Мичманская ул., Боцманская ул., Весельная ул., Кадетская линия, Кожевенная линия, Адмиральский проезд, площадь Балтийских Юнг.*

Наличие морских границ города, стратегическая важность данного объекта для государства тоже находят выражение в Петербургских топонимах. Данная семантика отражена в названиях площадей: *площадь Морской славы, Биржевая площадь, площадь Балтфлота, площадь Европы*; в названии станции метро «*Приморская*». Память потомков о морской славе России несут названия набережных и улиц: *наб. Макарова, наб. Лейтенанта Шмидта, ул. Беринга.* Петербург, исторически являясь второй и «культурной» столицей, становится изоморфен государству, это торговое и морское «окно в Европу».

Своеобразно на фоне других петербургских топонимов выглядят линии Васильевского острова. Но именно они идеально отражают петровское стремление к упорядоченности, стройности и динамике не только городского, но и государственного строительства, о чем свидетельствуют и названия трех главных проспектов: *Большой, Малый, Средний.*

При Петре I *Большая першпектива*, а в наше время *Большой проспект ВО* заканчивался дозорной башней Трубецкого бастиона. Этот утраченный объект описывается и интерпретируется в следующем тексте:

> Когда еще и видимость слаба,
> Позволит обнаружить супостата
> Аж в три версты подзорная труба,
> Прорубленная в сторону Кронштадта
> (http://chernov-trezin.narod.ru/PeterABC.htm).

Для не петербуржцев, гостей города многие микротопонимы Васильевского острова становятся предметом размышлений, наивной лингвистической рефлексии: *«В Питере есть два комплекта Больших, Средних, и Малых проспектов!! Один на Петроградской стороне, другой на Васильевском острове!! Они, питерцы, все-таки баа-альшие оригиналы ;) а ... эти безумные василеостровские линии — с четными домами на нечетных и нечетными по четным...»* (http://an-nick.livejournal.com/402740.html).

Первоначально задуманный как торгово-административный центр, Васильевский остров становится **центром образования и культуры**. Появляются такие важные объекты, как СПбГУ, Горный институт (СПГГИ (ТУ), Академия художеств, БАН, Институт русской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Названия улиц хранят эту историческую память: *переулок Академиков, Менделеевская линия, Университетская набережная.* Об этом может свидетельствовать и тот факт, что многочисленные конференции, форумы, в том числе и I Конгресс РОПРЯЛ, проходили именно на Васильевском острове.

Васильевский остров может рассматриваться и как **хранитель артефактов трехвековой культуры Петербурга в наше время**.

Это и многочисленные памятники: *памятник Ломоносову, Крузенштерну, Ахматовой, Блоку* (во дворе факультета филологии и искусства в СПбГУ); сооружения, ставшие символом города: *Ростральные колонны, здание Биржи, Сфинксы*; храмы и кладбища, в числе которых особое место занимает *Смоленская церковь*, ставшая местом паломничества молящихся Ксении Петербургской — заступнице болящих и учащих-

ся. Особое место занимают памятники, которые могли появиться только в Санкт-Петербурге: памятник носу (дворик факультета филологии и искусств СПбГУ), конка на 7-й линии Васильевского острова.

Петербургские микротопонимы фиксируют также изменения в историко-политическом процессе, выявляя тем самым не только культурные доминанты эпохи, но и изменения в их речевом функционировании. Например, номинация выставочного комплекса *ЛенЭкспо* отражает прежнее название города — Ленинград и поддерживает торговые традиции на Васильевском острове. Влияние советского периода можно отметить в названии *ДК им. Кирова*. Изменения последних лет: *площадь Собчака* — первого мэра города, *площадь Европы*.

Свою роль Васильевский остров сыграл и в литературе: упоминания о нем можно встретить и у писателей XVIII–XIX вв. (например, у Ф. М. Достоевского («Идиот», «Бедные люди», «Преступление и наказание»), Н. В. Гоголя («Портрет»), и у писателей века XX: «*Аполлон Аполлонович в совершенном испуге глядел в багровую, многотрубную даль; и* Васильевский Остров *мучительно, оскорбительно, нагло глядел на сенатора*» (А. Белый. «Петербург»)).

Вспомним Иосифа Бродского:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Приду умирать.

У Сергея Довлатова в «Записных книжках» по этому поводу такие воспоминания: «*Не знаешь, где живет Иосиф Бродский?*» «*Где живет, не знаю. Умирать приходит на Васильевский остров*». (Записные книжки Довлатова // Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3).

Особую роль Васильевский остров занимает и в творчестве А. Битова («Пушкинский дом» и др.). Повторяя миф о том, что «быть Петербургу пусту», писатель говорит: «*А вдруг Васильевский остров оторвался и уплыл?*» Что для героя становится чем-то сверхъестественным, непонятным, как потерять почву под ногами. Битов заключает: «*В Петербурге есть пространство, но нет объема... Петербург населен литературным героем, а не человеком. Петербург — это текст, а ты читай его...*» (А. Битов. Дежа вю. «Звезда». 2003. №5).

Таким образом, на примере урбанонимов Васильевского острова мы можем рассматривать город как текст, который, являясь символом государства, нации, пропускается сквозь «код традиции», выполняющий и роль интерпретатора. Основной же проблемой будет — выработать такие подходы и методики, которые позволили бы дешифровать городской дискурс в рамках лингвокультурологии в зависимости от потребностей интерпретатора. На наш взгляд, решению этой задачи во многом может служить создание «Лингвокультуролгического словаря петербургских топонимов», который включал бы в себя не только историческую справку, но и реальное функционирование топонимов в рамках городского дискурса в диахронии и синхронии.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь: Новая серия. III. Л., 1928.

2. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

3. *Молчановский В. В.* Использование лингвострановедческого потенциала топонимической лексики русского языка при работе над текстом // Лингвострановедение и текст. Сб. статей / Сост. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 1987.

Е. В. Осетрова

# СЛУХИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКЕ: ПАРАДОКС ДОВЕРИЯ

В статье рассматривается парадоксальная природа слухов — их недостоверность и одновременно всеобщее доверие к ним населения, а также предпринята попытка разрешения данного парадокса. Канал распространения слухов, принцип работы которого описывает фразеологизм «из уст в уста», имеет ряд признаков: для него характерны традиционность, доступность, простота, универсальность, особая активность речедеятеля в процессе функционирования. Анализ приводит к выводу о том, что он является единственным до конца «своим» каналом массовой коммуникации для всего языкового коллектива. Это доверие распространено и на слухи как на часть рабочего механизма данного канала. Сомнения же в достоверности, а также возможную негативную оценку адресат направляет на текстовое содержание слуха.

The matter of contradictory nature of the rumour has been covered in the article. On the one hand it is unreliable on the other hand people completely confide rumour. The author is trying to explain this contradiction. Rumour channel has its own fixed qualities as a channel of information — it's the most traditional, simple, all-round, available for common people, also everybody reveals themselves as an active person inside of it. As a result the rumour channel is the only channel of information which is for everybody so personal. Therefore everybody confide in rumour. At the same time the quality of unreliability and the quality of falseness could belong to rumour contents.

**Елена Валерьевна Осетрова**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии и языковой коммуникации (Сибирский федеральный университет, Красноярск)

Природа слухов парадоксальна: с одной стороны — всеми признается недостоверность слухов, с другой же — население безусловно и привычно им доверяет, готово учитывать их в своем социальном поведении[1]. Ситуация с дефицитом соли в России, случившаяся 2 года (февраль — март 2006 г.), когда люди скупали товар десятками килограммов, приняв во внимание именно недостоверные факты, разговоры и пересуды, а отнюдь не уверения «надежных источников», — яркое тому подтверждение. Приведем в этой связи фрагмент выпуска новостей регионального телевизионного канала:

(Репортер). *Валентина Сергеевна сегодня затратила больше часа в поисках соли // Женщина утверждает / что прошла едва ли не половину «Красноярского рабочего» / но драгоценного продукта / так и не обнаружила / ни в одном магазине // В итоге пришлось просить у соседей // <…> Некоторые* ***покупатели / узнав о слухах о предстоящем дефиците соли***

*/ пришли в магазин вперед Валентины Сергеевны / и* ***запаслись солью как минимум*** */* ***на пару месяцев*** *// В крупных магазинах / как правило / соль тут же появлялась на прилавках снова / ее привозили со складов и оптовых баз //*

(Видеоряд. Торговый зал супермаркета)

(Голос за кадром) *Ну куда столько соли берете? Вроде не засолочный сезон //*

(Женщина около 30 лет) ***Пусть будет*** // (**складывает** в продуктовую корзину **5 пакетов соли**; смущенно улыбаясь, уходит)

(Голос за кадром, вдогонку) *Или варить будете?*

(Репортер) *Но похоже /* ***покупатели пока верят больше слухам*** */* ***чем фактам*** */* ***и доводам специалистов*** */* ***и поставщиков соли*** *в наш регион // <…> Специалисты шутят / что у нас своих запасов соли больше / чем запасов нефти //*

(Сюжет «Соляная лихорадка». «Новости». ТВК. Красноярск; 20 февр. 2006).

Доверие к слухам настолько безоговорочно, что никакие прочие источники информации конкуренции с ними не выдерживают. Здесь даже не говорится о каналах официальной информации, к которым, как и к властному субъекту, российское население традиционно испытывает отчужденность, неприязнь, — речь идет о точных сведениях что называется «из первых рук», когда их источником является субъект, фактически исполняющий коммуникативную роль эксперта, осведомленного о чем-то наверняка; см. диалог[2]:

А. *Мне недавно кто-то сказал / что здесь* (красноярское кафе «Че Гевара») *есть деньги Y-а //*

Б. (удивлен) ***Нет-нет-нет*** // (смеется)

А. *Ты* ***можешь что угодно говорить*** */* ***но слухи в народе ходят*** *//*

В. *А какие?*

А. *Что у Y-а здесь / миллион лежит / что миллион работает здесь //*

Б. *Надо Y-у об этом сказать // Думаю / что он обрадуется //* (смеется)

В. *А кто тебе об этом сказал?*

А. *Не помню кто / недели две назад //* (пауза) *Мы в компании сидели //*

(Дружеская беседа; кафе «Че Гевара». Красноярск; янв. 2006).

Показательно, что обозначенный парадокс формулируется не только исследователями данного явления (см., в частности: [20; 9: 38, 43]), но, что еще важнее, более или менее осознается рядовыми носителями языка. Вопрос *«Доверяете ли вы слухам?»* ставился автором данной статьи в разных аудиториях, и везде реакция была примерно одна и та же. Ответы десятков людей, окрашенные заметной долей удивления или самоиронии, сводились к следующему: *«Вообще-то слухам доверять нельзя (не следует). Их ведь невозможно проверить, нет источника (это информация неофициальная,* или: *за нее никто ответственности не несет).* ***Но****, честно говоря, лично я слухи имею в виду (к слухам прислушиваюсь). Многие слухи, которые я слышал, оказались правдой (от них не отмахнешься,* или: *нет дыма без огня)».* Очевидно, что данный контекст распадается с содержательной точки зрения на две части: нормативную, в которой излагаются этико-речевые установки[3] современного языкового сообщества (*‘слухам доверять нельзя’*), и практическую, в которой человек учитывает и описывает собственный коммуникативный опыт, а по сути, привычный режим существования своего коллектива (*‘слухам доверяю (слухи учитываю) и ориентируюсь на них как на источник информации в той или иной степени’*).

Все, излагаемое ниже, — попытка объяснить обозначенный парадокс или по крайней мере приблизиться к его объяснению.

Прежде всего определим значение ключевого для данных рассуждений понятия — «слухи». Под ним разные авторы понимают разное, склонные видеть в слухах то «кусок» текста, сознательно утерянного официальной культурой [18: 487–497], то один из видов устной словесности [21; 22], то речевой жанр [20], то способ (форму) коммуникации [17: 280–290; 8], то действенный канал массового распространения информации [14; 13; 6; 12; 27]. В результате обнаруживаются по крайней мере три основных значения: 1) слухи как тексты определенного качества; 2) слухи как высокоэффективная технология, используемая в практике рекламы, public relations и выборных кампаниях; 3) слухи как часть рабочего механиз-

ма устного информационно-коммуникативного канала, стоящего в одном ряду с другими каналами общественной массовой коммуникации — печатными, электронными СМИ (радио, телевидением) и Интернетом.

Возьмем в фокус внимания последнюю формулировку, потому что далее о «слухах» будет говориться именно в ее содержательных рамках.

Каковы же выделенные свойства названного коммуникативного канала?

Канал, принцип работы которого описывает фразеологизм «из уст в уста», видимо, один из самых древних способов распространения информации[4], быстро приобретающей в его границах качество анонимности. Он функционирует с тех пор, как существует человеческий коллектив, нуждающийся в получении и обработке социально значимых сведений. Такого рода тексты, передающие многовековой народный опыт (*Ребенок часто плачет, значит, кто-то его сглазил. Так говорят; Наши отцы это еще знали: прошла морозная зима — жди жаркого лета; У больных над головой раньше яйца выкатывали, и помогало… Мне об этом моя бабушка в детстве рассказывала…*), до сих пор бытуют в современном языковом коллективе, а отношение народа к говору, молве, славе и под. зафиксировано в фольклорном фонде русского языка [26]. Из этого выделяется первое значимое свойство данного информационного канала — его глубокая традиционность.

Кроме того, канал распространения слухов — самый доступный их всех известных каналов коммуникации. С текстами, которые распространяются таким образом — разговорами, слухами, сплетнями, наветами, славой, россказнями, толками, пересудами, ходячими вестями, байками, болтовней, легендами, анекдотами [20: 74; 24: 63–67], — каждый имеет дело фактически ежедневно. Они буквально пронизывают бытовую и рабочую, то есть актуальную, коммуникацию[5]; ср. примеры:

А. *Хотя работала комиссия / идут какие-то разговоры / идет обсуждение* // (пауза) *Чтобы не было ни тайных разговоров / ни тайных мыслей / определить сроки полномочия конференции / как и ректора / и Ученого совета университета / пять лет* //

(из выступления в прениях; конференция работников и учащихся государственного университета; Красноярск; дек. 2005);

А. *У меня теперь помощница (на работе) появилась!*

Б. *Ну и как?*

А. *Слухи ходили / что девочка очень умная* // (пауза) *Я думаю / надо же! Буду знать* //

Б. *А потом оказалось?*

А. *А оказалось / ну не видно (что умная)* //

Б. *Так сначала слухи были / а потом ты ее увидела?*

А. *Нет* // *Ну просто я ей начала давать задания / а она их все делает не так* //

Б. *Ну / может ум глубокий / не сразу проявляется* // (смеются)

(Бытовая дружеская беседа, Москва; февр. 2006).

Пословица «Сказал кум куме, кума свату, а сват брату, и пошел разговор со двора на двор» [23: 109] описывает способ существования данного явления и, по сути, передает свойство, названное в научной литературе цепочечностью распространения текстов [20: 73]. Г. Г. Почепцов отмечает также самотранслируемость слухов, когда не требуется никаких дополнительных усилий для того, чтобы канал работал, а текст, который «трудно удержать в себе», переходил бы от адресата к адресату [18: 490]; никаких специальных приспособлений — кроме здоровых органов артикуляции и слуха. В целом все это обеспечивает еще одну характеристику канала — чрезвычайную простоту функционирования.

Простота и доступность естественно сводятся к универсальности. Слухи оказываются всеобъемлющими и всепроникающими, возникая в любом месте, где складывается более или менее плотный людской коллектив.

Наконец, это единственный канал, в пространстве которого рядовой человек ощущает себя активным деятелем и на самом деле таковым является[6]. Здесь он волен передавать заинтересовавшие его сведения не одному, а нескольким адресатам одновременно либо в каждый следующий период времени, разветвляя единый коммуникативный поток на множество разнонаправлен-

ных рукавов, которые бесконечно пересекаются между собой. В таком случае члены общества оказываются вовлеченными в речевую ситуацию в роли активных проводников информации, или посредников.

Мало того, участие каждого в работе названного канала не сводится лишь к описанной выше механистической функции. Каждый текст-слух двусоставен: в него непременно входит не только базисное суждение, но и трансформирующая составляющая с элементами добавочных эмоционально-экспрессивных замечаний либо дополнительных содержательных пояснений. Одна и та же идея может порождать бесчисленные варианты «присочинений»: сообщений о предмете слуха (*Ты знаешь уже о..?; Вы слышали это?; Послушай, я тебе больше этого скажу!*), сообщений о сообщениях по поводу этого предмета (*Вы слышали, что сказал имярек о..?; А в «Новостях»-то совсем по-другому говорят; Я в Интернет зашел, туда эту информацию тоже «слили»*), фрагменты оценочного содержания (*Ужас какой-то!; Боже мой!; А жить-то как?; Хорошо бы, все это правдой оказалось…; Люди зря говорить не будут*). Так происходит в случае, если передаваемое содержание в общем совпадает с внутренней установкой адресата [13], готового поглотить и переработать очередную порцию важной, будоражащей, а потому нарушающей стабильное социальное состояние информации.

Возможен и другой коммуникативный сценарий, когда возникает сопротивление слуху, вызванное его неприятием или сомнением со стороны слушателей (*Вряд ли это так…; А я про это знаю совсем по-другому; Поверить не могу!; И ты что, всему этому веришь?; Ерунда какая-то!; Полная чушь!; Очередной бред твоих старушек*). Если полемическая оппозиция оказывается убедительной, то мы наблюдаем эффект скорого, а чаще постепенного приглушения и затухания слуха [20: 76]. Психологическое обоснование этого состоит в несовпадении установок аудитории с идеологическими либо эмоциональными установками передающего текст, а социальное — в потере актуальности того события, которое их вызвало.

Естественно напрашивается вывод о том, что общение в заданных рамках во многом соответствует психостилевым особенностям фатического речевого поведения, «состоящего в наиболее свободном и раскованном обнаружении индивидуальной манеры говорящего, которое предоставляет право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций соответственно готовности слушающего воспринять их в таком же диапазоне» [4: 136]. Слухи дают возможность человеку реализовать речь, прежде всего, как символ социального бытия, «требующего контакта ради контакта и устанавливающего речевой контакт как паллиатив неречевой деятельности» и, следовательно, прежде всего как «контакт социально-психологический» [4: 137]. В этом смысле их фатическая функция оказывается не менее, а часто более важной, чем собственно информационная, поскольку проявляет человека в качестве социального и рече-деятеля.

Таким образом, участвуя в процессе распространения слухов, человек в высшей степени активен. Активен с формальной точки зрения, поскольку является единственным живым «механизмом», благодаря которому канал осуществляет свою работу (тогда он исполняет роль посредника-проводника). Активен с содержательной позиции, так как свободен уточнять, дополнять, оценивать любую информацию (тогда исполняется роль редактора). Наконец, активен в качестве волевого субъекта, который либо развивает коммуникацию, передавая текст, либо приостанавливает ее, по крайней мере, на своем собственном участке (и в этом случае можно говорить о роли менеджера).

Специально отметим важное качество данной самостоятельности — ее «выгодность» для участников. Способствовать распространению сведений по каналу слухов более чем просто, что описывается парой речевых глаголов: «выслушать — пересказать». Результат же достаточно весом: человек, повторимся, ощущает себя полноценным речевым и отсюда социальным деятелем[7].

Итак, слухи — наиболее традиционный, универсальный, простой и доступный для насе-

ления способ восприятия и передачи актуальной информации. И, что, пожалуй, самое важное, — единственный, в реализации которого рядовые члены общества участвуют активно. Они являются здесь не пассивными адресатами, а деятельными соучастниками общения.

Из изложенного следует необходимость охарактеризовать канал распространения слухов как единственно до конца «свой» для всего социально-языкового коллектива канал массовой коммуникации. Он не просто близок и доступен каждому человеку, но каждый, приобщаясь к нему, является его активной составляющей. Вот отсюда, с большой вероятностью, и проистекает доверие населения к слухам. Это народное доверие распространено на слухи именно как на часть рабочего механизма данного коммуникативного канала — возможные же (и часто справедливые) сомнения в достоверности адресат направляет на текстовое содержание слуха. В этом автор видит разрешение сформулированного в начале данных рассуждений парадокса.

Некорректно поэтому оценивать слухи вообще как социальное явление исключительно отрицательного свойства, не имеющее право на существование, нечто, чему необходимо противостоять вплоть до его уничтожения.

Именно такую точку зрения утверждают, в частности, западные практики public relations [30]. Борьба с автономными неблагоприятными потоками информации, в число которых входят и слухи, оказывается одной из основных функций зарубежных PR-служб [18: 489, 496][8].

Декларации о борьбе со слухами во многом остаются лишь декларациями, особенно применительно к российской действительности. Оценив эффективность «слухового» канала, профессионалы в области PR использовали и используют его как одну из самых востребованных предвыборных технологий, дающую рычаг воздействия на мнение населения[9]. И все же, с экспертной точки зрения, работа канала в этой функции, несмотря на высокую степень доверия к нему народных масс, вызывает сомнение. Он никогда не является до конца контролируемым [28: 557]: «запустить» требуемый слух можно без особых усилий, можно проанализировать конечный результат воздействия, однако прогнозировать все промежуточные трансформации текста, а главное, откорректировать их в нужном направлении фактически невозможно[10].

Это, вероятно, еще более увеличивает доверие к слухам со стороны общества: канал, в пространстве которого они обращаются, нельзя «построить» (в отличие от СМИ, например), манипулятивные техники эффективны внутри него только до известного предела.

Канал распространения слухов в заданных предыдущими рассуждениями рамках стоит в одном ряду с прессой, радио, телевидением и Интернетом. Все они являются лишь разными формальными способами обмена информацией, и в этом смысле наивно было бы применять к ним мерки идеологии или этики. Другое дело, что для текстов определенного качества такая оценка вполне приемлема: *сплетни, пересуды, россказни* содержат явную негативную семантику уже в своем значении. Точно так же могут быть оценены и произведения, распространяемые по другим коммуникативным каналам: порно-реклама, боевики, изобилующие сценами насилия, шоу низкого качества, статьи экстремистского толка, призывы к агрессии. Последнее обстоятельство, однако, ни у кого не вызывает сомнения в ценности существования самого телевидения, например. Таким же дифференцированным должно быть и отношение к слухам.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] В условиях межличностного контакта очевидная недостоверность информации, принадлежащей собственно автору, порождает, как правило, недоверие к ней адресата.

[2] В роли эксперта — участник диалога, обозначенный как **Б.**

[3] Об этико-речевой норме вообще см. в: [11: 366]. В данном случае как минимум нарушаются максима полноты информации (высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется) и максима качества (не говори того, для чего нет достаточных оснований) [5: 222–223], которые современные исследователи характеризуют именно как этические в значительной своей части.

[4] «Временные рамки появления устной, а затем письменной коммуникации трудно установить определенно в связи с появлением все новых и новых данных о заре человеческой мысли, ее оговорения и фиксации на каком-либо матери-

альном носителе» [1: 133]; см. там же рассуждения о других древнейших материально-вещественных каналах коммуникации [1: 135].

[5] Термин «актуальная коммуникация» автор работы использует вслед за М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [10: 256, 327, 359].

[6] Показательно в этом смысле название одной из статей Г. Г. Почепцова — *«Слухи, анекдот и „мыльные оперы“ как глас народа»* [19].

[7] Самое эффективное усвоение информации, как известно, происходит как раз при вовлечении субъекта в процесс ее усвоения.

[8] См., например, типичное высказывание С. Блэка, одного из признанных западных авторитетов в области PR: «Сотрудники, информационный голод которых удовлетворяется благодаря официальным каналам информации, работают ответственнее и с большей самоотдачей, чем те, кто узнает последние новости в курилке. Если вы не введете персонал в курс дел компании, земля будет полниться слухами»; и далее: «Теперь все больше руководителей понимают, что слухи — потенциальная угроза стабильности компании» [2: 76, 79; см. также: 3].

[9] Ж. Сегела, другой известный специалист по политической рекламе, называет слухи рычагом убеждения более эффективным, чем всякая реклама [25: 81–82]. Об использовании слухов как технологии информации и дезинформации во время мировых войн см.: [15: 451; 16: 129], в периоды избирательных кампаний см.: [29: 204–211; 7].

[10] Действенными в этом смысле признаются лишь манипуляции с небольшими коллективами до 2 тыс. человек.

**ЛИТЕРАТУРА**


1. *Березин В. М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2004.

2. *Блэк С.* Паблик рилейшнз: Что это такое? М., 1990.

3. *Блэк С.* PR: международная практика. М., 1997.

4. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 2005.

5. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 217–237.

6. *Григорьев М.* Как рождаются слухи, или тонкости превентивной пропаганды в СМИ // Открытая политика. М., 1999. № 9–10. С. 80–88.

7. *Гришин Н. В.* Основы проведения избирательных кампаний. М., 2003.

8. *Дмитриев А. В., Латынов В. В.* Слухи как коммуникация // Вестник Рос. гуманит. науч. фонда. М., 1996. № 4. С. 113–119.

9. *Ермаков С.В., Ким И.Е. и др.* Власть в русской языковой и этнической картине мира / С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова, Е. В. Осетрова, В. Г. Суховольский. М., 2004.

10. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

11. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.

12. *Надеин А.* Письмо о методах создания слухов // Рекламные идеи. 2002. № 4.

13. *Панасюк А. Ю.* Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. М., 1998.

14. *Пиков Н.* Наше оружие — слухи // Soldier of fortune. 1995. № 4.

15. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. М.; Киев, 2001.

16. *Почепцов Г. Г.* Информация & дезинформация. Киев, 2001.

17. *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 2002.

18. *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. М.; Киев, 2001.

19. *Почепцов Г. Г.* Слухи, анекдот и «мыльные оперы» как глас народа // Рекламные идеи. 1999. № 4.

20. *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // Филол. науки. 1998. № 3. С. 73–78.

21. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М., 1979. С. 20–25.

22. *Рождественский Ю. В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 211–229.

23. Русские пословицы и поговорки / Сост. А. М. Жигулев. М., 1969.

24. Русский идеографический словарь «Мир человека и человек в окружающем его мире»: проспект / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.. 2004.

25. *Сегела Ж.* Национальные особенности охоты за голосами: Восемь уроков для кандидата-победителя. М., 1999.

26. *Сперанская А. Н.* Молва, слух и сплетня в современном общественном сознании // Проблемы исторического языкознания и ментальности: Сб. науч. ст. Красноярск, 1999. Вып. 3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. С. 94–99.

27. *Шедровицкая М.* О важности слухов в условиях диктатуры СМИ // Со-общение. 2002. № 2.

28. *Шейнов В. П.* Психологическое влияние. Минск, 2007.

29. *Щербатых Ю. В.* Психология выборов. Манипулирование массовым сознанием: механизмы воздействия: Популярная энциклопедия. М., 2007.

30. *Bruse B.* Images of Power. How the Image Makers Shape Our Leaders. London, 1992.

Н. И. Клушина

# КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Коммуникативная стилистика сегодня оформляется в самостоятельную научную дисциплину, развивая достижения традиционной функциональной стилистики. В новой системе стилистических координат публицистический текст предстает как результат целенаправленного социального действия, призванного реализовать глобальную авторскую стратегию — убеждение. Любой публицистический текст обладает парадигмой интенциональных категорий, таких, как идеологема, номинация, оценочность, интерпретация, тональность, которые и реализуют авторскую интенцию.

The publicistic text is an influencing text type. It is the text of every subjects, but necessarily having ideological modus. The publicistic text was an object of research of the functional stylistics as a nucleus of publicistic style. Today the publicistic text becomes an object of research of communicative stylistics as a product of speech activity of the author — journalist. Therefore the major components of any publicistic text from positions of communicative stylistics are idea, nomination, appraisal, interpretation, and tonality.

**Наталья Ивановна Клушина**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики
русского языка
факультета журналистики
МГУ им. М. В. Ломоносова

В современной науке о языке возрос интерес к изучению коммуникативной стороны лингвистических феноменов.

В отечественном языкознании мы также отмечаем сдвиг научной парадигмы: от системного и структурного подхода в изучении языка к междисциплинарному и коммуникативному.

В традиционной функциональной стилистике особенности каждого функционального стиля рассматриваются в соответствии с ярусами языковой системы (на лексическом, морфологическом, синтаксическом, а для разговорного стиля — и фонетическом уровне). Сама же стилистика позиционируется как межуровневая дисциплина, изучающая стилевые и стилистические особенности целых законченных произведений (текстов).

Отечественная функциональная стилистика в данном направлении добилась выдающихся результатов. С помощью ее научного аппарата и методов исследования был системно изучен и детально описан весь русский литературный язык в его функциональных разновидностях. Подробно был исследован каждый функциональный стиль с учетом его экстралингвистической основы и интралингвистических особенностей, выявлены стилевые нормы.

Функциональная стилистика стала одной из ведущих учебных дисциплин в системе журналистского образования.

Но с утверждением в современной лингвистике нового, коммуникативного подхода к языку возникает необходимость в создании новой, коммуникативной стилистики, которая на основании творческого усвоения всех бесспорных достижений традиционной функциональной стилистики придаст новый импульс развитию отечественных стилистических учений.

Ведущие современные ученые подчеркивают назревшую необходимость изучения «речевой структуры стиля» (Г. Я. Солганик), анализа «особенностей речевого поведения субъекта речи, автора текста» (В. И. Коньков), разграничения «стиля и дискурса как языковой и речевой суперпарадигм» (Кара-Мурза).

При таком подходе текст понимается не просто как высший уровень языковой иерархии (функциональная стилистика), но как речевая единица (коммуникативная стилистика).

В коммуникативной стилистике текст понимается как речевое произведение адресанта, направленное к адресату. Сам текст, включенный в коммуникативную ситуацию, является составной частью дискурса. Схематично это можно представить так:

*текст +*

*адресант →* <u>*коммуникативная ситуация*</u> *→ адресат*

*дискурс*

Публицистический текст рассматривается как целенаправленное социальное действие, поскольку публицистический текст обязательно имеет идеологический модус и предполагает общественную значимость. Публицистический текст всегда включается в идеологическую коммуникативную ситуацию и является составной частью публицистического дискурса, понимаемого как воздействующий, персуазивный тип дискурса.

С позиций функциональной стилистики особую значимость приобретают выявление и описание общестилевых закономерностей и их реализация в конкретных текстах, а также стилистические особенности текстов различных стилей. И тогда стилеобразующими чертами публицистики являются принцип *чередования экспрессии и стандарта* (В. Г. Костомаров), *социальная оценочность* (Г. Я. Солганик), *тип авторства* (Г. Я. Солганик), *авторская позиция* (Л. Г. Кайда), *идеологема* (Н. И. Клушина).

Если рассматривать публицистический текст с позиций коммуникативной стилистики, то здесь его особенности будут определяться через структурный блок текста *адресант / адресат*. И схему дискурсивного анализа можно представить следующим образом:

*Адресант → интенция → текст → адресат → декодирование → воздействие (перлокутивный эффект) / коммуникативная неудача.*

Следуя этой схеме, можно увидеть, что порождение текста диктуется авторской интенцией. Таким образом, именно *интенциональные* черты текста становятся текстообразующими.

Основная интенция автора-публициста — убедить читателя не просто в правомерности, но в правильности выдвинутой автором идеи. Поэтому основными текстообразующими (интенциональными) категориями любого публицистического произведения как воздействующего типа текста являются *идеологема, номинация, оценочность, интерпретация, тональность*. То есть определенная заданная идея (идеологема) реализуется в публицистическом тексте с помощью авторской оценочности, интерпретации действительности, стратегии именования и выбранной адресантом стилистической манеры изложения (речевой агрессии, речевого одобрения или подчеркнутой объективности).

Все перечисленные категории обеспечивают реализацию глобальной авторской стратегии убеждения в публицистическом тексте и, шире, — в публицистическом дискурсе как совокупности публицистических текстов, погруженных в коммуникативную ситуацию (для публицистического дискурса — в идеологическую коммуникативную ситуацию).

Данная парадигма интенциональных характеристик публицистического текста и публицистического дискурса имеет нелинейный, диалектический характер. Интенциональные ка-

тегории тесно переплетаются, взаимодействуют друг с другом, накладываются одна на другую, поскольку существуют в едином текстовом континууме и реализуют единую авторскую интенцию (убеждение). Но именно эти интенциональные характеристики отличают публицистический текст как воздействующий тип текста от других речевых произведений, реализующих другую авторскую коммуникативную стратегию.

Публицистический дискурс демонстрирует два основных типа идеологем: социальные и личностные. Социальные идеологемы отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития. Концептуальными для публицистического дискурса являются идеологемы *модель будущего / прошлого, образ друга / врага, образ государства, самоидентификация народа, национальная идея* и др. Это базовые, онтологические идеологемы любого социума, но имеющие конкретное этноспецифическое наполнение.

Личностные идеологемы складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев / антигероев своего времени. Личностные идеологемы помогают формировать стереотипы социального поведения, то есть выполняют морально-дидактические функции.

Идеологемы закрепляют в общественном сознании определенную аксиологическую модель общества. Поэтому не случайно при смене политического курса государства неизбежно происходит и смена базовых идеологем, что мы можем наблюдать на примере современного публицистического дискурса.

Идеологема — это универсалия публицистического дискурса. Именно она задает идеологический модус публицистическому тексту. Ее созданию и утверждению способствуют все остальные выявленные нами интенциональные категории: стилистическая тональность, стратегии номинации, интерпретации и оценки.

Можно выделить два основных типа оценок, используемых журналистами в своих текстах. Это **открытая и скрытая оценки.** Открытая оценка — это явное, часто полемическое утверждение авторской позиции с помощью пейоративных или, наоборот, мелиоративных номинаций. Такая оценка была характерна для советского пропагандистского дискурса, с ярко выраженной идеологической доминантой, подавляющей стремление адресата к самостоятельности умозаключений. Сегодня открытая оценка характеризует в основном оппозиционные СМИ с их установкой на консервацию советской риторической традиции. В качественной же прессе сегодня для формирования общественного мнения используется скрытая оценка, способная «ненавязчиво навязать» адресату заданные выводы. Скрытая оценка — манипулятивная стратегия утверждения определенных идей на суггестивном, подсознательном уровне. Существует множество лингвистических способов создания скрытой оценки, основными из которых являются *метафоры, «скорнения», эвфемизмы, контекст, квазисинонимическая ситуация, переинтерпретация цитат, сравнение*. Все перечисленные способы проявления оценки в публицистическом тексте выполняют идеолого-прагматические функции, то есть функции убеждения, каузации адресата. С помощью скрытой оценочности журналисты утверждают в обществе определенные идеологемы, создавая тем самым идеологическую модель общества.

Оценочность в публицистике неразрывно связана с выбором номинации, так как номинация в воздействующей речи очень редко бывает нейтральной. Выбор точного слова, способного подтвердить или опровергнуть определенную идею, способного самому стать идеей, — важнейшая задача публициста. Публицистическая номинация включает в себя часть знаний об объекте, которая, будучи воспринятой адресатом, перерабатывается его сознанием и становится частью его индивидуальной картины мира. Поэтому данная интенциональная категория публицистического текста также способствует формированию определенной идеологии, которая утверждается в социуме.

Дискурс массовой коммуникации обладает обширным фондом публицистических лексем, строевых для данной области языковой деятельности. В него входят нейтральные *публицисти-*

*ческие термины*, образующие открытый план передачи информации. Второй, скрытый, оценочный план выражения информации в тексте составляют публицистические *метафоры*, очень часто образующие *метафорические модели*, *ономастические метафоры* и *ярлыки.*

Особая роль в стратегии номинации отводится *фонду публицистических пресуппозиций*, без знания которых невозможно восприятие авторской идеи. Этот фонд составляют фразеологизированные публицистические стандарты, универсальные и этноспецифические, которые помимо заложенной в них информации несут еще и фоновые знания. Таким образом, публицистический текст — сложно организованное произведение, для понимания которого необходимо владеть определенным набором универсальных и этноспецифических пресуппозиций, уметь адекватно декодировать текстовую и подтекстовую информацию.

Интерпретация, наравне с другими интенциональными категориями, реализующими глобальную стратегию убеждения, конструирует публицистический текст таким образом, чтобы он мог оказать максимальное воздействие на адресата. Эта категория реализуется с помощью *«вмонтирования» в текст высоких и низких мотивов, лингвистического редукционизма,* основным проявлением которого становится *фигура умолчания, авторские пресуппозиции и логические уловки.* Интерпретация в публицистике, как и оценочность, носит имплицитный характер, позволяющий воздействовать на бессознательную сферу потребителя информации, что способствует усилению воздействующего потенциала публицистического текста.

Различные по идеологической позиции издания предоставляют читателю различные интерпретации одного и того же события. В этом, с одной стороны, проявляется манипулятивный характер современного публицистического дискурса, но с другой — это конкуренция идеологем, авторских позиций, отражение градуальности, а не дуальности окружающей нас реальности.

Интерпретация неразрывно связана со стилистической манерой изложения, которая может быть агрессивной (в оппозиционных текстах), одобрительной (в комплиментарных текстах) или подчеркнуто объективной. Стилистическая тональность — это воздействие на эмоциональную сферу личности адресата, которое оказывается не менее, а иногда и более сильным, чем убеждение с помощью рассудочных доводов.

Как видим, на лингвистику убеждения «работают» все интенциональные категории публицистического текста.

[предлагаем вашему вниманию]

***Фролова О. Е.*** **Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста.** — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 320 с.

Начиная читать любое художественное произведение, мы пытаемся выяснить, какой мир стоит за текстом, и по мере погружения в него не только реконструируем его в своем сознании, но и понимаем, какими инструментами пользовался его автор. А существуют ли закономерности, позволяющие определить границы этого мира «внутри текста» не только для авторских литературных произведений, но и для фольклорных текстов? Попытке найти ответ на этот вопрос и посвящена книга «Мир, стоящий за текстом». Отражение внеязыковой действительности в речи в лингвистике получило название референции.

Настоящая книга посвящена референции — тому, как тексты разных жанров (пословица, анекдот, волшебная сказка, авторский литературный художественный текст) отображают и создают внеязыковую действительность. В этом аспекте автор предлагает типологию пословицы и анекдота. В книге проанализированы сильные позиции текста — заглавия и визуальные фрагменты произведений разных жанров. Также рассматривается, как функционирует антропоним в фольклорных и авторских литературных текстах.

Для лингвистов, литературоведов, студентов и аспирантов филологических вузов.

А. А. Никитин

# ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В СТИЛЕ ЖУРНАЛИСТА АНДРЕЯ КОЛЕСНИКОВА

Рассматривается творчество одного из известных российских авторов Андрея Колесникова в рамках изданных им «книг журналиста». Анализируются приёмы создания комического эффекта в публицистическом тексте.

In the article the work of Andrey Kolesnikov — one of the well-known Russian authors is examined within the limits of published by it of "books of the journalist". Receptions of creation of comic effect in the publicistic text are analyzed.

**Андрей Анатольевич Никитин**

Аспирант кафедры теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета

На 90-е годы прошлого века в России приходится бум книгоиздания авторов — профессиональных журналистов. Издали сборники своих журналистских произведений такие известные авторы, как И. Петровская, Т. Москвина, М. Соколов, А. Архангельский, В. Панюшкин, К. Мелица, Д. Быков, В. Третьяков, А. Колесников. «Не иметь изданной книги почти так же неприлично, как не завести визитной карточки», — отмечает журналист и писатель Дмитрий Быков[1]. «Книги журналиста» строятся как объединение под одной обложкой выступлений автора на газетных полосах. Примером такого явления мы считаем книгоиздательскую активность специального корреспондента газеты «КоммерсантЪ» Андрея Колесникова. Он входил в т.н. «кремлевский пул», т.е. избранное журналистское сообщество, освещавшее повседневную жизнь и работу президента России В. В. Путина. Лауреат национальной премии «Элита», обладатель премии «Золотое перо России», номинант премии А. Д. Сахарова. Им издано не менее десяти книг, представляющих собой совокупность предыдущих газетных публикаций. В 2005 году издательство «Эксмо» издало две первые книги: «Я Путина видел!» и «Меня Путин видел».

Исследователи творчества А. Колесникова отмечают «пограничность» его произведений между журналистикой и литературой. С последней их сближает следующее: «…спецкор всякий раз заманива-

ет в пространство самоценного художественного произведения, где слова сочленяются не по правилам президентской пресс-службы, а по законам особого „колесниковского“ жанра, исходя из внутренних ритмов и рифм»[2]. Некоторые называют А. Колесникова родоначальником нового жанра — жанра «иронического репортажа»[3].

«Льва узнают по когтям; хорошего автора — по стилю», — пишет В. Шендерович в предисловии к одной из своих книг[4]. Экспликация выработанного стиля является жанрообразующим фактором при создании «книги журналиста».

«Он вообще искренне утверждает, что не является писателем, — пишет об Андрее Колесникове Максим Гликин. — Хотя признается, что его так долго атаковали просьбами составить книгу, что легче стало это сделать, чем объяснять, почему не хочется. Ну а почему атаковали именно его, а не любого другого из полусот пуловских корреспондентов? Не потому ли, что он единственный из всех торит путь из большой политики в большую литературу? И хотя пишет он вроде бы для газет, тексты не утрачивают вкус и запах при прочтении в книге три-четыре года спустя — рождая догадку, что именно в этом переплете они наконец нашли положенное место»[5].

Одной из наиболее ярких примет стиля А. Колесникова является использование ряда языковых приемов для создания комического эффекта.

Первый и главный среди них можно обозначить как неожиданное согласование. Суть его в том, что автор вводит согласуемые наречия, прилагательные или причастия либо вопреки правилам лексической сочетаемости, либо просто неожиданно. Исследовательница явления коллокации (сочетаемости) Е. Борисова пишет: «Правило сочетаемости можно сформулировать таким образом: слова не сочетаются, если для выражения какого-либо значения, для которого такое сочетание могло бы быть употреблено, есть другие средства. Такое правило покрывает все предыдущие. Естественно, для сочетаемости требуется совместимость денотатов, т. е. описываемых понятий…»[6]

У А. Колесникова большое количество несочетаемых сочетаний. Так, описывая праздник Хануки, на который президент России опаздывал, автор пишет: «Гости начинали было **неуверенно** (здесь и далее выделено мной. — *А. Н.*) веселиться без него, кто-то даже принимался **виновато** плясать, но тут же и замирал под мрачными взглядами коллег»[7].

Сочетания «неуверенно веселиться» и «виновато плясать» основаны на оксюмороне, вызывающем комический эффект.

«…в отеле „Шерато-Тауэр“ прошла конференция с **отчаянным** названием „Инвестируй в Россию!“»[8]. Прилагательное «отчаянный» по смыслу контрастирует с оптимистическим названием, вновь возникает эффект оксюморона.

Так описывается диалог на одном из совещаний: «Когда кто-то сказал, что уголь для него не чужая отрасль, президент подмигнул:

— В каком смысле?

— В прямом, — **угрюмо** ответил Чубайс»[9].

В наречии «угрюмо» заложено значение «нехотя, с душевной болью», которое связано с публичным образом Анатолия Чубайса как вечного «мальчика для битья», в котором общественность видит расхитителя народных богатств, в какой бы сфере ни подвизался этот «менеджер государства». Заметим, что данное определение вовсе не обязательно отражает реальное положение дела: то есть на взгляд обычного человека Анатолий Чубайс мог произнести эту фразу вовсе не «угрюмо», а спокойно, буднично. Однако же А. Колесников сопровождает ответ Чубайса наречием «угрюмо» для создания комического эффекта.

Из отчета о встрече Владимира Путина с ветеранами Сталинградской битвы: «Некоторые ветераны окликали его. Он подходил к ним. И они начинали **яростно** благодарить его за все»[10]. Денотаты слов «яростно» и «благодарить» несочетаемы, однако волею автора сопрягаются в неожиданном согласовании «яростно благодарить».

Одно из самых любимых выражений, используемых А. Колесниковым, по сути получившее статус авторского штампа: «застенчиво улыбнулся».

«Дзюдоист, дядька огромных размеров, обманчиво ленивый в движениях, как-то **застенчиво** улыбнулся[11]. Утрирован контраст между габаритами спортсмена и способом поведения, характерным для неуверенных в себе людей.

Описывается, как Путин похвалил министра, и реакция на это: «Алексей Гордеев **застенчиво** улыбнулся»[12]. Утрируется желание подчиненного показать своему начальнику надлежащее качество — скромность.

Описывается суета, в зале для высоких собраний, когда туда пожаловал Роман Абрамович:

«…в зал, **застенчиво** улыбаясь, вошел губернатор Чукотки»[13]. Контраст между высоким социальным статусом и способом поведения бизнесмена-губернатора.

Поведение мэра Москвы: «Он (Лужков. — *А. Н.*) **веско** рассмеялся. Это был смех человека, знающего цену своим словам»[14]. Явно нарушена лексическая сочетаемость глагола «рассмеяться» и определения «веско» («серьезно, основательно»). Как известно, «комическое в искусстве — это эффект от художественно-творческого раскрытия контрастного несоответствия содержания объекта и формы его проявления или от контрастного несоответствия содержания объекта и субъективно-творческого высказывания о нём»[15]. В данном примере содержится классический для стиля А. Колесникова прием достижения комического эффекта — сочетанием несочетаемого: госмужи всегда помнят о своем высоком положении и даже если позволяют себе какие-то человеческие реакции, то делают это по-особому, как бы с оглядкой на свою высокую миссию. Полагаем, что данное выражение с легкой руки А. Колесникова может закрепиться в языке, ведь он, как пишущий человек, находит сходство, которое раньше не замечалось, и создает **живую** метафору.

Для стиля А. Колесникова характерны также неожиданные обобщения. Неожиданны они потому, что имеют очень отдаленное отношение к главной теме репортажей автора — освещению деятельности президента страны и являются отражением личных переживаний журналиста. Например, в репортаже из Шотландии:

«Среди шотландцев оказался, конечно, и один грузин»[16].

Приведенная фраза являет собой пример иронии А. Колесникова как особого способа *насмешливого* отношения к жизни. Вводное слово «конечно» вставлено для создания комического эффекта, ибо среди шотландцев, конечно, не должно быть грузин, но они все же есть и Колесников подчеркивает данный факт, употребляя вводное слово, по сути, в противоположном ему значении.

Употребление вводных слов так, чтобы они останавливали внимание читателя, — любимый прием А. Колесникова: «Владимир Путин узнал о том, что террористы захватили „Норд-ост“ одним, **конечно,** из первых»[17].

Одной из речевых примет постсоветской журналистики является использование **размытых определений**: «как бы», «как будто», «как-то», «что-то», «какой-то».

Их употребление — показатель «недозавершенности» многих явлений и состояний в России, где всё «как бы» не по-настоящему, «как-то» не доделано до конца, пребывает в состоянии хронической «незавершенки». А. Колесников активно использует в своих материалах «размытые» определения.

Например, описание сцены, когда губернатор Краснодарского края хотел открыть «маленькую тайну» — бюджет Москвы:

«Юрий Лужков, сидевший напротив Александра Ткачева, страшно замахал руками в знак протеста. Было видно, что он и в самом деле очень испугался.

— Нет, не буду раскрывать тайну, — **как будто** нехотя согласился господин Ткачев»[18]. В этом «как будто» заложено усилие, какое делает над собой губернатор, видимо, не желая портить отношения с влиятельным московским градоначальником.

«Джордж Буш слушал это откровение с **каким-то** равнодушием»[19].

Или губернатор Ткачев приглашает Путина сесть за руль комбайна:

«— Да ну… — президент ответил **как-то** неуверенно»[20]. В этом «как-то» заложена интен-

ция смысла — противоречие между высоким социальным статусом президента и натурой испытателя, приведшей его и за штурвал самолета, и за капитанский мостик ядерного эсминца.

Приемы из арсенала А. Колесникова не новы, они были характерны для фельетонного стиля таких авторов газеты «Гудок» 20-х годов XX столетия, как И. Ильф. Е. Петров, М. Булгаков, Ю. Олеша... Исследовательница фельетонов газеты «Гудок» 20-х годов Т. Пискунова выделяет следующие речевые средства создания комического в них: «расширение лексико-семантической сочетаемости», «обыгрывание лексической многозначности, омонимии и паронимии, каламбуры», «стилистическая контаминация, основанная на смешении функционально маркированных элементов, и стилевой контраст, реализуемый столкновением слов разной эмоционально-экспрессивной окрашенности»[21]. А. Колесников творчески развивает приемы создания комического, разработанные его предшественниками в журналистике, которые нашли «способ движения от проблемы к сатирической типизации человека или явления»[22]. В результате чего многие их газетные выступления стали «фельетонами от художественной литературы»[23].

Однако, как справедливо замечает исследователь жанра фельетона Л. Кройчик, «плох тот сатирик, который пишет фельетон с единственной целью — продемонстрировать читателю свое остроумие»[24]. Стремление к анекдотичности, наблюдаемое нами в репортажах А. Колесникова, иногда приводит к «искажению оптики», когда автор нарочито утрирует действительность, приписывая и присочиняя что-то «от себя» для создания комического эффекта.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Капризы, рвота и лазерный принтер. Литературный год словами писателей // Независимая газета-Экслибрис. 22.12.2005.

[2] *Максим Гликин.* В погоне за Андреем Колесниковым // НГ-Экслибрис, 16.12.2004.

[3] См.: *Антошкина Е. А.* Иронический репортаж А. Колесникова в газете «КоммерсантЪ» // Эволюция жанров в истории российской журналистики: Тезисы Всерос. научн.-практ. конф. Самара, 2007. С. 54.

[4] *Шендерович В.* «Здесь было НТВ» и другие истории. М., 2004. С. 3.

[5] *Максим Гликин.* В погоне за Андреем Колесниковым // НГ-Экслибрис, 16.12.2004.

[6] *Борисова Е. Г.* Коллокации. Что это такое и как их изучать. М., 1995. С. 12.

[7] *Колесников А. И.* Я Путина видел! М., 2005. С. 42.

[8] Там же. С. 51.

[9] Там же. С. 158.

[10] Там же. С. 254.

[11] *Колесников А. И.* Меня Путин видел! М., 2005. С. 373.

[12] Там же. С. 377.

[13] Там же. С. 188.

[14] Там же. С. 123.

[15] *Волков И. Ф.* Теория литературы. М., 1995. С. 123.

[16] *Колесников А. И.* Меня Путин видел! М., 2005. С. 448.

[17] *Колесников А. И.* Я Путина видел! М., 2005. С. 171.

[18] *Колесников А. И.* Меня Путин видел! М., 2005. С. 80-81.

[19] Там же. С. 120.

[20] Там же. С. 138.

[21] *Пискунова Т. В.* Речевые средства создания комического в фельетонах газеты «Гудок» 20-х годов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1986. С. 10–11.

[22] *Журбина Е. И.* Теория и практика художественно-публицистических жанров (Очерк. Фельетон). М., 1969. С. 379.

[23] Там же. С. 383.

[24] *Кройчик Л. Е.* Современный газетный фельетон. Воронеж, 1975. С. 83.

А. Б. Черняева

# СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ В ДРУЖЕСКОМ ПИСЬМЕ
## (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

В статье рассматривается синтаксическая структура обращения в дружеском письме, выделяются наиболее типичные синтаксические конструкции обращения. Выявляются также и рассматриваются обращения, представленные экспрессивными средствами синтаксиса.

The article considers the syntactic structure of greeting in friendly-oriented letters and marks the most typical greeting syntactic construction of greetings. This article also reveals and considers greetings presented by expressive means of syntax.

**Алла Борисовна Черняева**

Заведующая кафедрой русского языка Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского

Синтаксические особенности обращения, их функции, с нашей точки зрения, во многом определяются типом текста и жанром. При этом в дружеском письме социально-культурный статус адресанта и адресата, важность которого подчёркивал Ш. Балли[1], рассматривается нами в качестве одного из ведущих факторов, определяющих как собственно языковые и экстралингвистические особенности текста дружеского письма в целом, так и лексико-синтаксические особенности обращений, их функционирование в названном типе текста.

Так, Ш. Балли отмечал, что «… письмо к другу может быть написано в совершенно разных тонах… в распоряжении говорящего всегда имеется несколько форм речи, число и употребление которых зависит от его культурного уровня и способности к приспособлению»[2].

Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века (А. А. Блока, А. Н. Белого, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта А. П. Чехова, А. Н. Толстого, К. С. Станиславского, Ф. И. Шаляпина и др.), несомненно, представляют собой уникальный и недостаточно изученный материал, отражают состояние языка эпохи «серебряного века», особенности его функционирования, являются образцами высокой речевой культуры.

Как известно, вопрос о лингвистическом статусе обращения в науке о языке является достаточно дискуссионным и не имеет однозначного решения.[3]

Мы разделяем точку зрения Н. И. Формановской,[4] В. П. Проничева[5] и других исследователей, которые рассматривают обращение в качестве коммуникативной синтаксической единицы.

Для текста дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX в. характерны не обращения-номинации, указывающие на социальный статус адресата, профессию и т. п., а адресатные обращения, которые не только называют адресата (что реализуется обычно именем собственным), но и выражают личное отношение, чувства автора к адресату. Например: «*Дорогая, милая и искренне любимая Любовь Яковлевна!* Спасибо Вам за Ваше чудесное письмо» [К. С. Станиславский — Л. Я. Гуревич, 26.11.1923].

При этом для дружеских писем творческой интеллигенции характерны оригинальные, нестандартные, «дезавтоматизированные» обращения в отличие от «автоматизированных», когда пишущий использует, как правило, «готовые формулы» для обозначения адресата.

Наиболее типичны для текста дружеского письма творческой интеллигенции распространённые обращения, которые являются весьма «протяжёнными» по объёму и демонстрируют творческий подход адресантов к выбору языковых средств.

Проанализированный материал показывает, что распространённые обращения главным образом представлены:

1) *однородными согласованными определениями в сочетании с именами собственными*. Например: «***Дорогая, любимая, прекрасная Мария Николаевна!»*** [К. С. Станиславский — М. Н. Ермоловой, 10.10.1907];

2) *именами собственными, распространёнными обособленными определениями.* Например: «***Антончик, дорогой мой***, не брани меня, что мало пишу, умоляю» [О. Л. Книппер — А. П. Чехову, 22.02.1903];

3) *именами собственными, распространёнными обособленными приложениями, выраженными существительными в сочетании с притяжательным местоимением «мой»* Например: «***Саша, брат мой перед лицом Вечности*** [А. Н. Белый — А. А. Блоку, 15.12.1905]; ***«Наташа, душа моя, возлюбленная моя, сердце моё****, люблю тебя навек»* [А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской, 7.12.1914];

4) *однородными именами существительными, как правило, в сочетании с притяжательным местоимением «мой»* Например: «Здравствуй, ***моя душка, моя голубка, подстреленная птичка!»*** [К. С. Станиславский — М. П. Лилиной];

5) *однородными субстантивированными прилагательными.* Например: «***Милый, дорогой, бесконечно близкий!*** Только сейчас после возвращения из Петербурга пришёл в себя» [А. Н. Белый — А. А. Блоку, 9.03.1912]; «***Милая, бесценная!*** Очень жду Вас и начинаю скучать» [К. С. Станиславский — М. П. Лилиной, 16.08.1905];

6) *именами собственными в сочетании с однородными согласованными определениями и обстоятельствами меры и степени.* Например: 1) ***«Дорогой мой и горячо любимый Владимир Васильевич!*** [Ф. И. Шаляпин — К. С. Стасову, 23.09.1906]; ***«Неизречимо дорогой и бесконечно обожаемый Фёдор Иванович!*** Спасибо, спасибо, спасибо!!!» [И. Е. Репин — Ф. И. Шаляпину, 23.12.1912];

**7)** *именами собственными, а также нарицательными, распространёнными необособленными и обособленными определениями.* Например: «***Милая Книппуша, драгоценная моя,*** не сердись, что пишу тебе не каждый день» [А. П. Чехов — О. Л. Книппер, 21.11.1901]; «***Дорогой друг, близкий, искренний!***» [В. Я. Брюсов — М. С. Самыгину, 3.05.1910];

8) *комбинированными обращениями.* Например: «***Моя любовь, моё далёкое и вечно близкое счастье, моя Катя Андреева, заря, озарившая меня на всю жизнь, моя Катя любимая,*** это последняя моя ночь в Москве перед неожиданно осуществившейся поездкой за границу» [В. К. Бальмонт — Е. А. Андреевой, 8.07.1920].

9) *фразовыми обращениями.* Например: «Ну, денёк сегодня был, ***драгоценный ты мой!»*** [О. Л. Книппер — А. П. Чехову, 22.02.1904]; «***Милый друг ты мой Федор Иванович,*** посылаю тебе твой портрет и прошу приложить к нему руку, а мы засмолим его в рамку и пригвоздим к стене» [И. М. Москвин — Ф. И. Шаляпину, 26.11.1905].

В дружеском письме обращения, как правило, являются стилистически окрашенными: оценочными, эмоционально-оценочными. При этом данные типы коннотаций могут быть заключе-

ны в самом слове (1) или оценочность возникает в контексте в результате употребления обращения в метафорическом, переносном значении (2).

Например: 1) «***Золотой Серёжа***, письмо Ваше от 1-го октября получил вчера, т. е. 11-го» [Н. Я. Мясковский — С. С. Прокофьеву, 12.11.1914]; 2) «***Лошадка моя***, не пиши мне сердито-унылых писем, не запрещай мне приезжать в Москву» [А. П. Чехов — О. Л. Книппер].

Интересно отметить, что в дружеском письме творческой интеллигенции обнаруживаются обращения, которые представляют собой *экспрессивные синтаксические конструкции.* Экспрессивные средства синтаксиса вслед за Г. Н. Акимовой мы понимаем как «средства воздействия, когда говорящий (пишущий) осознаёт преднамеренность использования определённых языковых средств»[6].

Данные обращения в основном представлены: 1) *парцеллированными обращениями*. Например: «***Мой светлый друг! мой близкий***!» [В. Я. Брюсов — М. В. Самыгину, 11.03.1900]; «***Нина! радость моя! счастье моё! мой свет!***» [В. Я. Брюсов — Н. И. Петровской, 12.08.1905];

2) *лексическим и лексико-синтаксическим повторами***.** Например: ***«Милая, милая, милая, милая Маргарита Кирилловна***, вчера видел Вас во сне: так хорошо мне было Вас видеть: Вы были голубая, ясная» [А. Н. Белый — М. К. Морозовой, 15.12.1908); ***«Друг мой! Друг мой!»*** [В. Я. Брюсов — В. К. Станюковичу, 10.04.1895];

3) *градацией.* Например: ***«Милый, дорогой, любимый Евгений Багратионович!»*** (К. С. Станиславский — Е. Б. Вахтангову, 12.09. 1920); ***«Милая, славная, бесподобная моя жена***, вчера получил от тебя унылое письмо, а сегодня — ничего!» [А. П. Чехов — О. Л. Книппер, 2.01.1902];

4) *инверсией.* Например**:** ***«Боря милый***. Сегодня пришла твоя телеграмма» [А. А. Блок — А. Н. Белому, 4.04.1906]; ***«Дорогой мой, нежный мой***, сижу в монастырской гостинице, сплю, гуляю и много думаю о тебе» [О. Л. Книппер — А. П. Чехову, 14.03.1903].

Обращения, представленные экспрессивными синтаксическими конструкциями, являются весьма выразительными, усиливают экспрессивно-прагматическое воздействие на адресата. Не случайно различные виды повторов, парцелляция, инверсия используются как стилистические приёмы в художественных произведениях.

Представляется, что использование экспрессивных синтаксических конструкций отражает индивидуальную творческую манеру авторов. Так, например, для Белого характерно употребление повторов, Брюсов часто использовал парцелляцию, Блок — градацию. Обращения в тексте дружеского письма, представленные экспрессивными синтаксическими средствами, «сближаются» по своим синтаксическим особенностям с обращениями в художественных текстах. Однако между данными обращениями существует глубинное различие, что обусловлено особенностями текста и жанра. Основная функция обращения в художественных текстах — эстетическая; основная же функция обращения в дружеском письме — коммуникативно-прагматическая, поскольку дружеское письмо является личностно ориентированным средством общения[7].

Таким образом, в синтаксическом отношении обращения в тексте дружеского письма являются достаточно разнообразными, демонстрируют творческий подход адресантов к выбору языковых средств, свидетельствуют о высокой речевой культуре творческой интеллигенции, которая представляла собой элитарную микросреду, уникальную по своей духовности, энциклопедичности знаний, широте и многогранности интересов.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.

[2] Там же. С. 394.

[3] См., напр.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.; *Гольдин В. Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987: *Проничев В. П.* Синтаксис обращения. Л., 1971; Русская грамматика: В 2 т. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

[4] *Формановская Н. И.* Обращение // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 84–88.

[5] *Проничев В. П.* Синтаксис обращения. Л., 1971.

[6] *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. С. 82–83.

[7] См. об этом: *Черняева А. Б.* Специфика функционирования обращения в дружеском письме в сравнении с художественным текстом // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2008. Вып. 1. Ч. 2. С. 248–252.

С. М. Алтыбаева

# ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
## СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУР

В статье рассматриваются актуальные вопросы интертекстуальных связей современной казахской прозы с русской литературой. Написанная на хорошем русском языке новейшая казахская проза обнаруживает тесные аллюзивные и реминисценцные связи с поэзией М. Цветаевой, романом М. Булгакова, повестью А. Кима и других российских художников. Интертекст выступает как важный план произведения, особый художественный микромир. Неординарные произведения А. Жаксылыкова, Д. Накипова, Х. Адибаева — подтверждение известного билингвизма, присущего многим казахским авторам, богатой традиции литературных взаимосвязей русской и казахской культур.

The actual problems of intertextual correlations of modern Kazakh and Russian literatures — that is what is generalized in the article. The new Kazakh proze written on the good Russian language has deep allusive and reminiscenic correlations with poetry of M. Tsvetayeva, novels of M. Bulgakov, A. Kim and other Russian writers. The intertext serves as an important plan of novels, its artistry micropiece. Unordinary novels of A. Zhaksylykov, D. Nakiepov and Kh. Adibayev is the proof of well-known bilinguizm of many Kazakh writers, of the rich tradition of literary correlations of Kazakh and Russian cultures.

**Сауле Магазовна Алтыбаева**

Кандидат филологических наук,
заместитель председателя
Отделения общественных
и гуманитарных наук
Национальной Академии наук
Республики Казахстан
(г. Алматы)

Современная казахская литература характеризуется большим разнообразием художественных методов, авторских стилей, экспериментов с жанром, образом, композицией. Часто можно отметить оригинальные сочетания традиционного углубленного психологизма, мифологизма, с одной стороны, и отсутствие в обычном понимании сюжета (бессюжетность), героя (антигеройность), — с другой. Обобщенно говоря, в казахской прозе идут активные поиски новой художественно-философской реальности, *эстетики нового типа*, где этническое, национальное трактуется сквозь призму категорий общечеловеческого характера.

Усложнение действительности, появление новых реалий, попытки осмыслить недавнее прошлое, провести возможную проекцию из настоящего в будущее требует от писателей новых художественно-стилевых подходов. Особо выделяются частые эксперименты с жанром, стилем, хронотопом, архитектоникой, образной структурой, с самим литературным методом и направлением. Одним из эстетико-концептуальных качеств новейшей казахской прозы и ее центрального жанра — романа становится наличие обостренно-исповедальных мотивов экзистенци-

ального характера, выделение и разработка пограничных ситуаций в духовной сфере человека, его взаимоотношений с миром. Таковы отдельные концептуально-мировоззренческие и эстетические особенности современной казахской прозы. В сравнительно-типологическом аспекте интересно проследить ее глубокие интертекстуальные связи с русской литературой.

«Вечные» вопросы — «быть или не быть», «что делать», «человек и мир» и другие, наиболее продуктивно и мощно разработанные классической русской литературой, — актуализируются на современном этапе развития литератур, взаимодействия и взаимопроникновения разных культур и способов мировосприятия. В этом аспекте взаимовлияния русской и казахской литератур часто проявляются на интертекстуальном уровне.

Интертекстуальность понимается нами как «межтекстовое взаимодействие, соотнесенность конкретного текста с другими, когда каждый текст рассматривается как результат усвоения и трансформации другого текста, как часть общего „культурного текста“» [11]. В настоящей статье мы рассмотрим проблему интертекста на примере русскоязычной казахской прозы последних лет — романов Аслана Жаксылыкова, Дюсенбека Накипова, Хасена Адибаева. Их неординарные произведения — подтверждение известного билингвизма, присущего многим казахским авторам, богатой культурной традиции, начало которой положено выдающимся казахским ученым, этнографом Чоканом Валихановым.

Ведущие двуязычные казахские авторы — носители и выразители не только национальной культуры, традиционного знания, но и знания общецивилизационного порядка. Это профессиональные литераторы, владеющие различными литературными методами, обладающие яркой индивидуально-авторской манерой письма. Выходя на уровень глобальных обобщений и даже предвидения (предчувствования), они не могут и не хотят замыкаться в узких национальных границах.

Понятийно-смысловая многоплановость, текстовая полифония, углубленный психологизм, «поток сознания», автоматическое и орнаментальное письмо, документализм, монтаж, жанровые и межжанровые эксперименты — далеко неполный перечень характерных черт их творчества.

Эстетическое своеобразие новейшей казахской прозы также не в последнюю очередь выражается во введении в текст системы взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, суммы устойчивых художественных элементов — постоянных образов, мотивов, сюжетных ходов и других, которые составляют в целом *мифологическую инфраструктуру современной казахской прозы.*

В связи с этим уместно привести заключение Н. О. Осиповой: «... все проявления художественного мифологизма могут быть связаны как с фольклорно-мифологической традицией (славянская, античная, скандинавская, древнеиндийская и другие системы мифов), так и с сакрализованными текстами (религиозная, апокрифическая, житийная традиция), а также с собственно культурными текстами (Платон, Данте, Сервантес, Гёте, Пушкин, Достоевский и др.), но чаще — со сложным их переплетением» [9: 165]. Появляются специфические «мифологические цепочки, возникающие на семантическом уровне и переходящие в образный и композиционный, а оттуда и в онтологический ряд (то, что К. Леви-Стросс назвал „мифологическим бриколажем“)» [Там же]. Все вышеперечисленные признаки составляют вкупе с другими (тюркская, китайская мифологии) своеобразный художественный каркас русскоязычной казахской прозы последних лет.

Так, в *трилогии «Сны окаянных»* [4] *Аслана Жаксылыкова* мы находим сложное полифоническое и полисемантическое целое с развитой постмодернистской, реалистической, сюрреалистической и даже барочной направленностью. Автор использует несколько методов, но доминирует постмодернистский подход, позволяющий выразить авторскую концепцию тотальной взаимозависимости мира, природы и человека. Это влияет на выбор художественных решений в разработке мотивов, образов, структуры, пространственно-временных пропорций.

Мифы, легенды, сказания, притчи выступают важнейшим, идеенесущим, компонентом содержания, создавая оригинальную лироэпическую тональность произведения. Отсюда — его

мифологическая поливариантность: *миф как мир*, существующий в идеальном пространстве; *миф как метафора* окружающей действительности; *миф как фантастическая проекция* в будущее и иные его смыслы, что выделяет этот роман из известной казахской фольклорно-тотемической традиции [7: 303].

Мифопоэтическое пространство трилогии включает в себя несколько внутренне взаимосвязанных планов, или условно-метафорических групп образов и мотивов: 1) древняя китайская символика Инь-Янь; 2) суфийские мотивы о бренности жизни; 3) собственно авторские — стилизованная легенда об Иблисе, сказка о фламинго Маа; 4) аллюзии с метафорикой индейцев Майя и другие.

Рассмотрим некоторые сквозные мифологемы трилогии. *Мифологема «демоны»* состоит в оппозиции с *мифологемой «добрые силы»*: «На помощь людям обычно приходили баксы, жауырынчи, кумалакчи, жырау, диуана, сал и сери, балегерлери, уста и зергери, в конце концов, аруахи и пери, и было их великое множество» [4: 186]. Автор вводит и развивает существующие параллельно миры: реальный (конкретно-историческая действительность, с элементами социального быта) и потусторонний мир, мир ночных снов-кошмаров, мир ознобного страха героев.

Интересно, что мифологема «демоны» проявляет конкретную связь с известным архетипом «зверя», насыщенная символика которого весьма важна для понимания времени, эпохи, судьбы, глобальных вопросов выживания человечества. Этот первобытный архетип трансформируется, обнаруживая теснейшие интертекстуальные связи с традицией бестиариев, с символикой Серебряного века русской литературы, современной постмодернистской русской литературой. Хтоническое, низовое начало, выраженное в мифологеме «демоны», аккумулирует в себе мощную энергию нечисти, хаоса, бесовщины. Этот «звериный код» иррационального начала, как известно, был детально разработан в творчестве многих поэтов Серебряного века русской поэзии. Примечательна в этом плане поэма «Крысолов» М. Цветаевой, «в которой зооморфная символика становится основным приемом воссоздания мира в его стихийно-апокалипсическом измерении» [9: 173].

А. Жаксылыков создает мифические и фантастические образы людей, животных и человеко-зверей: «вдохновенные песьи, ишачьи, бычьи и лошадиные морды пылали в огне азартной вакханалии» [4: 63], «то была печальная человекообезьяна» [4: 27] с целью раскрытия внутренних смыслов романа, выделения доминанты того или иного мотива. Имена ребят из полигона — одних из главных героев романа — Боря (от казахского слова «Бөре» — волк), Кабанбай, Уку-филин, Коян, Малыш-утенок также несут, помимо прямой назывной функции, эту смысловую и стилевую нагрузку.

Большой философско-аллегорический и экзистенциальный смысл заложен в фантастических образах полигонных крыс-мутантов: наделенных сверхъестественными способностями думать, разговаривать, строить и осуществлять зловещие планы, коммуницировать с людьми, животными и даже потусторонним миром и т. д. Автор детально описывает упорядоченную жизнедеятельность крыс, их привычки, пристрастия, даже их социальную градацию. Эта фантастика драматична и трагична по своей сути: она одновременно предостерегает и пугает откровенной проекцией на современную жизнь человека и ее возможное будущее. В этом плане А. Жаксылыков одним из первых в современной казахской литературе, с опорой на национальную образность, продолжает здесь известную литературную традицию «бестиариев» (повествования, ведущегося от лица животных), берущую начало от Апулея, Гофмана и позже блистательно представленную в романе «Исследования одной собаки» Франца Кафки. Среди современных российских авторов в этом ряду можно назвать А. Кима с повестью «Белка».

Образ безжалостных, умных, циничных, откровенно враждебных человеческой цивилизации, крыс, воплощает так называемое гибельное зло, которое персонифицируется в мелком, пошлом, ничтожном облике («банальность зла», по характеристике Ханы Арендт, частый мотив в искусстве XX века)» [10: 347]. Этот мотив — из-

вестная литературная традиция, берущая начало и развитая в творчестве Ф. М. Достоевского [Там же]. В целом же трилогия «Сны окаянных» — подтверждение на национальном материале тезиса моделирования картины мира, которое Т. С. Элиот назвал мифологическим методом, позволяющим «взять под контроль, упорядочить, придать форму и значение необозримой панораме пустоты и анархии, каковой является современная история» [12].

А. Жаксылыков также интерпретирует классический «миф саморазрушения», отталкиваясь от самой экзистенциальной ситуации, в которой находится Жан — главный герой романа «Поющие камни», входящего в трилогию. Роман обнаруживает глубокие интертекстуальные смысловые связи с поэзией Г. Иванова, в которой максимально реализованы «возможности экзистенциальной ситуации … Перед лицом смерти оказывается сам автор, причем не как поэт, не как личность, а в статусе экзистенции человека. Это и позволило ему воссоздать сюжет саморазрушения („миф саморазрушения", по определению Н. Берберовой), сказать последнюю правду о смерти — „из" реально ощущаемого поэтом приближения к смерти» [5: 149].

В другом постмодернистском казахском романе — «Круг пепла» [8] Д. Накипова созданы фантастико-аллегорические образы «мятежных поэтов-иккарахов», «самионов-оносамов», Осьмихорра, «великого вождя — Аруххa, вождя диких мустангов», формируя, по образному выражению известного казахстанского писателя и критика Герольда Бельгера, «роман-симфонию, роман-ораторию, роман-балет» [2]. Постмодернисткая эстетика и тематика произведения подкрепляется сложными метафорами, эпитетами, повторами, синономическими рядами, аллитерациями, ассонансами и оксюморонами: *ось времени-часа-мига, ее нежданный приходивший-вползавший, тихий-смирный нежный-грустный свидетель ее еженощного цветения-триумфа* [8: 10–11], *философия «развитого волосария души»* [8: 13], *из песен семионов …аааи-уурр-й… гора возрастает к снегу, не ходи туда…эээ-уввa… тайна самки за ухом…ооо-иггу…птица уходит за край… аай-яий..* [8: 24], *немота моя яснее речей* [8: 99], *карие тайны глаз* [8: 137] и т. д.

Особая организация звуковых сцеплений, эксперименты со звукописью нацелены на создание оригинальной фонологической структуры романа, выделение его музыкального, поэтического и хореографического центров. Автор смело экспериментирует со словом и текстом, демонстрируя при этом отдельные признаки «литературной провокации» — достаточно нового жанра в мировой литературе. *«Для него характерны „умышленное подстрекательство", „искусственное возбуждение" определенных механизмов сознания ради ответной реакции читателя»* [3: 176]. Эстетика провокации «совершенно по-особому организует текст, по-особому выстраивает цепочку отношений между автором, рассказчиком и читателем» [Там же].

В чисто постмодернистской манере Д. Накипов провоцирует читателя на эмоциональное «сотворчество» при помощи выстраивания параллельных миров: фантастического (с большой долей аллегории) и реального, находя для этого соответствующие стилистические средства. Слово для автора здесь является и *экфрасисом*, под которым понимается вербальная репрезентация предмета визуальных искусств (в данном случае — балета). При этом, на наш взгляд, автор, мастерски владея словом, часто играет со словесными формами на грани произвола формы над содержанием. Но такова воля автора и профессиональный читатель может только внимать и пытаться осознать оригинальную механику текста Д. Накипова.

Важное место в языке романа занимают собственно авторские неологизмы и их ряды: например, *слого-слово-логово логоса — лоно лобного места — лонопадение-луновлечение любовью лонной истомы* [8: 94], *О женщина-жевенщина-щедрость ожерельная* [8: 132]. Большинство фантастических симулякров — *поэты-иккарахи, самионы-оносамы, Осьмихорр — великий вождь — Аруххa, клоносамы* и других — представлено в языковой форме авторских неологизмов. По-существу Д. Накипов творит свою реальность танца, балета в слове, которое стремится вырваться

из твердых канонов звуковой организации художественного текста. Отсюда — полифоническое звучание романа, в котором ясно слышатся древние звуки шаманского бубна (песни самионов).

Размышляя о художественных особенностях книги Д. Накипова, нельзя не обратить внимание на ее оригинальную композицию и хронотоп. В романе разрабатываются так называемые вечные темы — Искусства, жертвенности во имя Искусства и Любви, Истока и Конца жизни, Гармонии и Хаоса — посредством введения в текст собственно реального плана (жизнь Балерины, Гевры и других) и фантастического (жизнь Осьмихорра, самионов-оносамов, клонносама Рауля). Текст в тексте, внутренние монологи героев, описание их действий (ритуальных и обыденных) определяют неоднородный синтаксис произведения. Например, при описании охоты самионов автор использует экфрастическую форму передачи визуальной картины: *Охота. Щелчок. Взгляд. Замирают. Жест. Вновь бегут-стелются. Щелчок. Слушают. Рев. Жест. Окружают. Стоп. Слушают. Ветер. Бегут. Против ветра. Выше на склон. Там оплешь. Каменная. Рев. Стук рогов. Сцепились. Ревут. Два. Самца. Щелчок. Остановились. Вдыхают* [8: 137]. Четко прослеживаются пространственно-эмоциональные контуры ситуации: взгляд перемещается вслед за каждым словом — минизарисовкой, вкупе с другими, составляющими яркую целостную картину происходящего. Интересен один из образов-спутников Балерины — образ кота Батмана, нахального «эротомана», способного размышлять, чувствовать, иронизировать, предаваться мечтам. Кот Батман, на наш взгляд, имеет явно аллюзивные связи с котом Бегемотом из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

В романе «Созвездия близнецов» Хасена Адибаева [1] отчетливо прослеживается динамика намеренной исторической диахронии, стремительного переноса событий, лиц из одной эпохи в другую, моментальной смены интерьера, пейзажа. Причем все это происходит намеренно, согласно воле автора. Масштаб явлений, равно как и фигуры властителей прошлого либо современников, при подобной оптике повествования (события рассказываются от первого лица, взгляд исходит словно из самих событий) постоянно изменяется: представляется то гигантским, то напротив, карликового размера.

Роман «Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное)» Хасена Адибаева обнаруживает большие интертекстуальные связи со многими историко-культурными и литературными событиями, фактами отечественной и мировой культуры и литературы. Символично название Созвездия близнецов — вся история Земли представлена как повторяющаяся последовательность событий во вселенной. Разные миры как близнецы, поэтому-то и название не Созвездие (в ед. ч.), а Созвездия (во мн. ч.). Посвященный поиску духовной общности, некоего закона Абсолюта, автор стремится «объять необъятное» (Козьма Прутков). В своеобразном предисловии автор размышляет о законах Истории, «необходимости мудрости во взаимоотношениях между людьми». Автор утверждает, что «именно Духовная Жизнь Человечества, имея общую психологическую, духовно-нравственную, постоянно повторяющуюся основу — теорию Абсолюта, совершает такие немыслимые повороты, что диву даешься» [1: 8].

Автор выводит формулу Абсолюта: «Универсальный закон человеческой деятельности — Абсолют, который можно назвать законом Несчастий и Возможного Счастья. Абсолют — урок тысячелетней истории вопиет: люди, будьте сдержанны, глубоко продумывайте каждый свой шаг, постарайтесь понять и чужую правду» [1: 9].

Можно выделить несколько интертекстов, формирующих планы и многомерное содержание романа: библейские мотивы вкупе с символикой древнеегипетских верований в Богов Солнца (Амон Ра, Атон), мусульманские и буддистские мотивы формируют устойчивый религиозно-символический план. Сквозной идеей, к которой неоднократно возвращается автор (он же — многоликий лирический герой, отсюда — повсеместный автопсихологизм), является библейское изречение: «Дорога в ад услана благими намерениями». Автор пишет: «Гениальна библейская метафора… Человек хочет в рай, им движут добрые намерения, а попадает в ад» [1: 13].

С темой искусства и таланта связана и глава «Шедевр». Здесь четко прослеживается аллюзия на романы «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда. В горячечное сознание героя вводятся образы Воланда, Шарикова. Мастер — друг и ровесник Азнабай, художник, сотворивший, по признанию многих, шедевр «Поле правды»: «Смешение коричневых, черных и бурных красок… В картине, замысленной сфокусировать в себе тайны бытия, чего-то не хватало» [1: 74–76]. Мастер бьется над разгадкой леденящей душу тайны картины и находит ответ: «Портрет смотрел на художника — в его зрачках застыло презрение. Его взгляд преследовал. И он не понимал, чего не хватает великолепной картине. Нет же!.. дело не в деталях или полутонах! Композиция, свет, многомерная перспектива, передающая семьдесят сем начал человека, идеальны. Возможно ли вообще исполнить задуманное?!.. Мастер вглядывался в прозрачный лед зрачков и видел иное. В такой оболочке черепа, хранящей за семью печатями свои тайны, возникала Чудесная гармония, которая вдруг разладилась. Бог мой, у него нет сердца!» [1: 80–81].

Отдельный интертекстуальный ряд формируют: вымышленные письма герою (автору) Борхеса [1: 26], Леонида Андреева [1: 29], цитаты из Шекспира («Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте» [1: 53]), поэтические вставки — из Абая [1: 47], из народной русской песни [1: 42], из песен Баяна (инонациональная струя), из «Одиссеи» Гомера [1: 44] есть чисто научные вставки (Хасен Адибаев — известный ученый-литературовед) о смысле творчества, о мифологическом сознании, в целом — о сути мифологизма в литературе, его значении [1: 44].

В заключение хотелось бы отметить, что приведенные отдельные примеры из постмодернистской казахской прозы выделяют новые грани и векторы развития национальной литературы. Обилие метафорических рядов, эпитетов и сложных философско-экзистенциональных и онтологических дефиниций, интертекстуальных параллелей нацелено на создание многомерного, объемного, противоречивого и порой непредсказуемого, фантастического мира.

Подлинная литература всегда стремится мыслить глобально, зачастую выходя за рамки сугубо национального, этнического. Стремление к философско-онтологической эстетике современного искусства — широко распространенное явление в литературе XX века: «Новизна, привнесенная XX в. ... скорее заключается в появлении особого типа писателя, у которого философское мышление и художественное творчество составляют живое единство, так что философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуализмом» [6]. Эти процессы качественно нового синтеза философии, культуры, литературы продолжают «работать» и в наступившем веке, практически во всех национальных литературах.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Адибаев Х.* Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное): роман-откровение. — Алматы, 2004.

2. *Бельгер Г.* Хаос, устремленный к Гармонии // Литературная газета Казахстана. 2007. № 2. С. 5.

3. *Березина А. Г.* Гротескный мир и его создатели в книге Инго Шульце «33 мгновения счастья» // Автор. Герой. Рассказчик. СПб., 2003.

4. *Жаксылыков А.* Сны окаянных. Трилогия. Алматы, 2005.

5. *Заманская В. В.* Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке. М., 2001.

6. *Зверев А. М.* XX век как литературная эпоха // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002. С. 30–31.

7. *Исмакова А. С.* Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль. Алматы, 1998.

8. *Накипов Д.* Круг пепла. Роман интенций. Алматы, 2005.

9. *Осипова Н. О.* Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс). М., 2001.

10. *Топер П. М.* Трагическое в искусстве XX веке // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002.

11. *Цурганова Е. А.* Введение // Современный роман. Опыт исследования. М., 1990. С. 6.

12. *Элиот Т. С.* «Улисс», порядок и миф // Иностранная литература. 1988. № 12. С. 228.

С. В. Петров

# ДЕНОТАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ ТЕКСТА И ЕЕ СТРУКТУРА
## (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ю. К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»)

Объектом исследования настоящей статьи является структура денотативной ситуации как базового содержательного компонента текста в двух основных аспектах: характеристика участников ситуации и решение вопроса, связанного с особенностями репрезентации действительности в дискурсе.

The test subject of the present article is the structure of denotatum situation as the basic text meaning component, which is considered in two principal aspects: description of situation participants and solution of the issue that deals with the features of representation of the reality in the discourse.

**Сергей Валерьевич Петров**

Аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

При анализе художественного текста важное место занимает событийная информация, которая вводит в сюжет и составляет фабулу. Последняя есть система событий. Сюжет — творческая переработка фабулы, включающая характеристику места и времени действия, характеристику персонажей, описания природы и пр., это то, как автор расположил события в произведении. Такое разграничение сюжета и фабулы было предложено представителями формальной школы в литературоведении (Б. В. Томашевский, В. Шкловский). Событие, таким образом, является центральной категорией содержательной стороны текста, прокладывающий путь к его смыслу.

Событие задает ту или иную денотативную ситуацию — ситуацию действительности, непосредственную или конструируемую на основе опыта автора. Как отмечает В. Г. Гак в статье под названием «К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации», «обозначаемая ситуация характеризуется некоторой структурой (предметы, их свойства, отношения и связи между ними)» [1: 67].

Задача настоящей статьи — проанализировать структуру ситуации через характеристику ее участников и выявление факторов, влияющих на отбор тех или иных компонентов действительности и их включение в описываемую ситуацию.

Центральным компонентом структуры ситуации являются ее участники. Этот компонент можно признать основополагающим в формировании ситуации, поскольку именно участники порождают в конечном счете главный фактор событийности — изменение. Их действия, поступки каузируют изменения, что создает предпосылки для возникновения ситуации. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что этот компонент — практически неотъемлемая часть любой ситуации.

Когда речь заходит об участниках ситуации, то в первую очередь обычно имеют в виду определенных *действующих лиц* — людей, либо каких-то одушевленных существ (животные, птицы: *На ветке мелькнула птица)*, либо фантастических персонажей (например, машина «Офелия» в «Зависти»). Действительно, чаще всего в качестве участника ситуации выступает именно агенс — «действующее лицо, обладающее (в оценке интерпретатора) волей и вследствие этого контролирующее те свои изменения и /или действия, которые могут быть расценены как преднамеренные» [3: 325]. Однако иногда ситуацией можно назвать событие, в котором не представлены действующие лица. Это, например, разного рода явления природы, но обязательно переданные в динамике, в развитии. Если динамика отсутствует, то это лишь описание природы, а значит, не изменение, не событие и, как следствие, не ситуация. Не являются событиями и потому денотативными ситуациями такие высказывания, как *Светило солнце* или *По городу стелился туман*, поскольку в них передано не изменение, не развитие, а состояние. Это застывшая, статичная картинка, в которой нет движения.

Решающим критерием в разграничении того, что является событием, а что — нет, считается фактор неожиданности относительно дальнейшего изложения. «Поскольку событие предполагает подтверждение или опровержение гипотез, — указывает В. З. Демьянков, — можно говорить о неожиданных и состоявшихся событиях, в отличие от объектов, состояний и процессов. Например, дом сам по себе не может быть неожиданностью, а появление дома, его разрушение, пожар и т. п. — могут; следовательно, они могут составлять событие. Точно так же предложение *Плавно текла река*, описывающее процесс и взятое изолированно (скажем, в качестве грамматического примера), неожиданности не предполагает. Однако в определенном контексте это же предложение может представлять целое текстовое событие, ср.: *Мы целый день строили дамбу. Наши труды увенчались успехом. Утром же, когда проснулись, увидели: плавно текла река…* Однако это событие состоит в нашем обнаружении того, что имеет место процесс, как бы вложенный в капсулу, стенок которой (пропозициональной установки „обнаружения“) мы не видим» [3: 323].

Денотативную ситуацию можно, таким образом, сравнить не с картинкой или фотоснимком, а с фильмом. Когда мы читаем текст, порожденные словами образы складываются в нашем сознании в определенные картинки, но эти картинки выстраиваются в определенной временной и логической последовательности, и получается своего рода кино, подобие кино. Это и есть ситуация.

Действительно, в романе «Зависть» есть примеры ситуаций, когда в качестве событий выступает какое-то *явление природы*, но эти текстовые фрагменты, тем не менее, не носят только описательного характера, а входят в нарратив. Вот эти примеры: *Идет дождь. Дождь ходит по цветному бульвару, шастает по цирку, сворачивает на бульвары направо и, достигнув вершины Петровского, внезапно слепнет и теряет уверенность* [6: 69]; *День сворачивал лавочку. Цыган, в синем жилете, с крашеными щеками и бородой, нес, подняв на плечо, чистый медный таз. День удалялся на плече цыгана. Диск таза был светел и слеп. Цыган шел медленно, таз легко покачивался, и день поворачивался в диске. Путники смотрели вслед. И диск зашел, как солнце. День окончился* [6: 92].

Здесь необходимо сделать важное уточнение, касающееся статуса описаний в денотативной структуре художественного текста. Дело в том, что особым компонентом художественного текста, особенно в литературе XX века, являются описания, которые ранее исключались из системы анализа. Примеры таких описаний приведе-

ны выше. Это описания метафорического плана, который переводит их в ранг динамических. Глагольная метафора, указывая на изменение, формирует ситуацию. На этой основе подобные ситуации могут включаться в систему денотативного анализа художественного текста.

Наряду с явлениями природы событиями могут быть и различного рода *происшествия*, которые также протекают без участия человека, например, обвал дома, падение дерева и т. п. По мысли В. З. Демьянкова, подобного рода события определяются таким признаком ситуации, как контролируемость / неконтролируемость. Происшествие — это неконтролируемое событие. В. З. Демьянков приводит следующие примеры: «*Бутылка упала на пол* (агенса не может быть), *К земле приближается комета* (комета может рассматриваться как агенс только в „одушевляющей" интерпретации), *Петр упал под стол* (при том истолковании, когда падение — непреднамеренное, не входящее в роль в спектакле и т. п.; ср. в противном случае *Петр нарочно упал под стол, чтобы его не заметили*)» [3: 325].

Несмотря на то, что существуют ситуации, подобные приведённым выше, в которых агенс отсутствует — явления природы, происшествия, — все же в большинстве своем участниками ситуаций являются действующие лица. Их количество в пределах одной ситуации может быть разным. Ситуация может быть представлена как одним лицом (*Вечером дома Бабичев работает; С Тверской Кавалеров свернул в переулок; Кавалеров встретил утро на бульваре*), так и несколькими (*Все собрались на аэродроме; Бабичев стал беседовать с гостями; Вечером Бабичев, Шапиро и еще несколько человек устроили праздник по случаю открытия нового сорта колбасы; Выбежала советская команда*). Но чаще всего в ситуации действуют 2 лица: *Кавалеров пришел к Шапиро; Иван Бабичев привел Кавалерова на пустырь; Валя повернулась, Кавалеров увидел ее лицо; Кавалеров ударил Анечку*).

Как указывает Ван Дейк, появление нового героя всегда сигнализирует о переходе к новой теме, а значит, служит и маркером новой ситуации [2: 62].

Итак, агенс денотативной ситуации может быть представлен:

1) антропонимом: *Кавалеров покинул аэродром; Кавалеров и Иван завернули в пивную; Кавалерова ударили и выставили из дома Бабичева;*

2) зоонимом: *На ветке мелькнула птица*;

3) именем сказочного персонажа («Офелия» из романа «Зависть»).

Безагенсные ситуации представляют собой либо явление природы: «*Идет дождь. Дождь ходит по Цветному бульвару … и, достигнув вершины Петровского, внезапно слепнет и теряет уверенность*» [6: 69], — либо происшествие (*обвал дома*).

Второй аспект вопроса, связанного со структурой денотативной ситуации, заключается в том, какие аспекты, грани действительности становятся компонентами ситуации, находят в ней отражение, а какие — нет, и что влияет на их отбор и включение или невключение, а также что оказывается в фокусе денотативной ситуации. В этом вопросе необходимо иметь в виду то обстоятельство, что одно и то же событие может быть проинтерпретировано говорящими или пишущими по-разному, в зависимости от их целеустановок и интенций. В одном случае будут актуализированы одни стороны действительности, в другом — эти стороны, напротив, могут совсем выпасть из поля зрения автора, а в центре внимания окажутся совсем иные. Представим себе ситуацию, когда в университете идет лекция и в аудиторию по очереди заглядывают студенты и дают комментарий тому, что они увидели. Эти комментарии будут существенно розниться в зависимости от того, что в данный момент заглядывающему представляется важным, актуальным. Один из них может сказать: *Там лекция*. Для него актуальным будет то, что аудитория занята, там идет занятие. Другой может произнести сходную фразу, но эта фраза будет передавать другую ситуацию — *Лекция еще не кончилась*. Для него важным оказывается то, что лекция все еще продолжается. Очевидно, он уже заглядывал в аудиторию раньше, и, видимо, он ждет окончания этой лекции. Третий, заглянув в эту аудиторию,

скажет: *Как там много студентов!;* четвертый — *Иван Иванович (преподаватель) уже выздоровел,* пятый — *Как там у них шумно!* и т. д. И в каждом из этих случаев находит отражение тот аспект действительности, который в данный момент интересует говорящего больше всего в силу определенных причин.

Таким образом, решающим фактором в создании ситуации является целеустановка автора, речевая ситуация определяется тем, что для автора представляется актуальным в реальном положении дел. А это, в свою очередь, может быть обусловлено некоторой пресуппозицией, т.е. его возрастом, социальным статусом, мировоззрением и т. п. Иначе говоря, целеустановка определяется ценностными ориентирами, установками языковой личности. На это указывает, в частности, В. И. Карасик, который определяет языковую личность как «срединное звено между языковым сознанием — коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением — осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [5: 84]. Как считает В. И. Карасик, «ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события» [5: 166]. Исследователь даже полагает возможным говорить о ценностной картине мира: «Мы исходим из того, что наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта), объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству» [5: 167]. В. И. Карасик выделяет различные группы ценностей: индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие.

Обратимся к роману «Зависть», чтобы увидеть, как указанные положения реализуются в художественном тексте.

Для характеристики нарратива этого произведения важно иметь в виду, что роман строится как наблюдение одного героя за поступками другого, Кавалерова за поступками Бабичева, т. е. все события романа переданы глазами Кавалерова, даны в его восприятии и, как следствие, неизбежно окрашены его оценками. В этом смысле это произведение очень субъективно. Денотативный же анализ имеет своим предметом объективную действительность. Тем самым возникает некоторая условность интерпретации. Конечно, роман воспроизводит действительность, но степень ее объективности не может быть достоверной, поскольку она находится в зависимости от индивидуально-оценочного восприятия действительности одного героя. Объективная же картина может быть сложена из сочетания нескольких точек зрения, чего в романе мы не находим. Выход из сложившегося противоречия кроется в известном принципе референции в отношении художественного текста: в художественном тексте существует и — добавим от себя, является объективной действительностью — все, что названо. В связи с условностями интерпретации денотативного пространства художественного текста целесообразнее было бы говорить, что задачей денотативного анализа является представление действительности, преломленной через образ автора. С другой стороны, художественная литература всегда оптимально раскрывает весь потенциал языка, открывая тем самым широкое поле для обработки того, что называется реальным положением вещей.

Итак, «Зависть» начинается с главы, посвященной описанию утра Андрея Бабичева, переданного глазами Кавалерова: Бабичев совершает утренние процедуры, моется, одевается, сбрызгивает себя одеколоном. Все это наблюдает Кавалеров. При этом в каждой из названных ситуаций он фиксирует не все аспекты действитель-

ности, а лишь те, которые обращают на себя его внимание. А внимание это регулируется в данном случае не столько целеустановкой (Кавалеров не имеет здесь какого-то прагматического намерения), сколько пресуппозицией — его характером, взглядами на жизнь, системой ценностей, которая идет вразрез с системой ценностей Андрея Бабичева. Кавалеров наблюдает и сравнивает то, как проходит его утро и утро Бабичева. Поэтому в поле зрения, в фокус ситуации здесь попадают все отличия, которые Кавалеров обнаруживает в утренних процедурах Бабичева и своих: Бабичев поет в клозете, моется, как мальчик, разбрызгивая воду, вылил одеколон на ладонь и провел ладонью от лба к затылку и обратно, надел подтяжки и т. д.

Рассмотрим еще одну ситуацию — Иван Бабичев пришел к дочери (первая часть, глава 6). Эта ситуация снова передана глазами Кавалерова. Воспроизведем основные микроситуации этой главы: *Кавалеров свернул с Тверской в переулок; Он заметил Ивана Бабичева; Они пошли вдоль изгороди; На ветке Кавалеров заметил мелькнувшую птицу; Иван Бабичев позвал Валю; Появилась Валя; Иван и Валя стали говорить; Иван побежал прочь; Валя кинулась за ним*. Проанализировав эти ситуации, можно увидеть, что решающую роль в их создании играет не столько целеустановка и даже не пресуппозиция, как это было в предыдущем примере. Здесь главенствует иной фактор. Реализованные в рамках этих ситуаций аспекты действительности привлекают внимание Кавалерова по одной простой причине — в них содержится какое-то **изменение** на фоне уже сложившегося положения вещей. И Кавалеров фиксирует эти изменения: Шли вдоль изгороди, вдруг *щебетнула птица*, чем привлекла его внимание, не было Вали — *появилась Валя*.

Изменение, таким образом, можно признать основой формирования денотативной ситуации. Денотативная ситуация всегда есть некоторое изменение на фоне известного, устоявшегося положения дел. Как уже подчеркивалось, любое изменение всегда протекает во времени, т. е. оно динамично. А динамика предполагает развитие. Поэтому изменение — это всегда событие, а значит, ситуация. Именно так понимал ситуацию Т. А. ван Дейк. В своей работе, посвященной анализу дискурса, он приводит несколько маркеров смены темы, а значит, перехода к новой ситуации:

– изменение возможного мира: *X мечтал, делал вид, что …*;

– изменение времени или периода;

– изменение места;

– ввод новых участников;

– вторичный ввод уже известных участников средствами полных именных групп;

– изменение перспективы или точки зрения [2: 62].

Итак, в основе денотативной ситуации всегда лежит изменение.

Изменение — это всегда нечто новое, поэтому оно сопоставимо с понятием ремы в теории актуального членения. Однако в современной лингвистике понятия «тема» и «рема» применяются не только в отношении предложения, но и в отношении целого текста. Тема — рематическое движение рассматривается как один из основополагающих факторов текстообразования. Подобную трактовку можно найти, например, в Коммуникативной грамматике русского языка под ред. Г. А. Золотовой: «… рема предложения составляет то текстовое звено, в котором осуществляется взаимодействие лексики и грамматики. Рема внутри предложения, противопоставленная теме, соединяет исходную и коммуникативно значимую информацию. За рамками предложения рема вступает в смысловые отношения с ремами соседних предложений; при этом она создает рематическую доминанту текстового фрагмента, сигнализирующую его семантическую общность и способствующую членению текста» [4: 388].

Ситуация, таким образом, это всегда рематическая доминанта.

Внутренняя структура ситуации неоднородна. Внутри нее можно выделить различные пласты или области. В настоящее время в лингвистике для описания и представления лексики активно применяется метод поля. Думается, что в виде поля можно представить и денотативную ситуацию. Тогда в ее структуре необходимо выделить ядро и периферию (фон). Что касается

ядра ситуации, то им, очевидно, следует признать собственно событийный компонент высказывания, характеризующийся экзистенциальной семантикой, т.е. указывающий на сам факт того, что событие имело место. В таком случае фоном ситуации можно считать все модусные, т. е. субъективно-оценочные характеристики, которыми обладает ситуация. Особенностью фоновых компонентов ситуации является то, что они могут быть опущены без существенной потери смысла. Ядро ситуации изъять без потери смысла невозможно. Это обязательный компонент любой ситуации.

Попытаемся разграничить ядерные и фоновые компоненты в рамках ситуации, переданной в следующем сложном синтаксическом целом (ССЦ) из романа «Зависть» (часть первая, глава III):

*Вечером дома, он сидит, осененный пальмовой зеленью абажура. Перед ним листы бумаги, записные книжки, маленькие листочки с колонками цифр. Он перебрасывает странички настольного календаря, вскакивает, ищет в этажерке, вынимает пачки, становится коленями на стул и — животом на столе, подперши толстое лицо руками, — читает. Зеленая площадка прикрыта стеклянной пластиной. В конце концов что же особенного? Человек работает, человек дома, вечером работает. Человек, уставившись в лист, ковыряет в ухе карандашом. Ничего особенного* [6: 22].

Это ССЦ передает ситуацию, которую мы можем определить так: *Бабичев работает вечером дома*. Собственно, эта ситуация уже названа в самом ССЦ в аналогичном высказывании. Ядро этой ситуации — констатация того, что Бабичев работает. Фон ситуации — это то, как работает Бабичев: он перебрасывает странички, вскакивает, что-то достает, что-то ищет.

Другой пример — *Он моется, как мальчик, дудит, приплясывает, фыркает, испускает вопли. Воду он захватывает пригоршнями и, не доносясь до подмышек, расшлепывает по циновке. Вода на соломе рассыпается полными, чистыми каплями* [6: 16].

Здесь передана ситуация — *Он моется, как мальчик*. База, ядро ситуации — Бабичев моется. А в качестве фона, периферии выступает здесь оценочная характеристика — как мальчик.

В ситуации может быть представлено только ядро и может не быть фона, как, например, в таких ситуациях, как: Бабичев построил столовую «Четвертак»; Кавалеров покинул аэродром; Кавалеров подошел к уличному зеркалу. Но таких ситуаций крайне мало. В большинстве случаев в ситуации представлены оба компонента — и ядро и фон.

Подведем итоги. Итак, как мы установили, отбор элементов, деталей, организующих денотативную ситуацию, зависит от целеустановки автора, его интенций, а также от пресуппозиции, определяющейся ценностными установками языковой личности. Фокус ситуации — это всегда какое-то изменение на фоне существующего положения дел. Структура ситуации включает в себя обязательные (ядро) и необязательные (фон, периферия) компоненты. Описанные в данной работе основы денотативного анализа разрабатывались с целью структурировать содержательный пласт текста. В этом отношении можно говорить, что денотативный анализ направлен на описание того, что составляет объективную действительность произведения, открывая подступы к экспликации некоего **объективного смысла**, т. е. смысла, конструируемого на основе не столько авторских интенций, сколько смысла событий. Иначе говоря, денотативный анализ стремится к постижению не того, что **хотел (имел в виду) сказать** автор, создавая текст, а того, что **было сказано** всей логикой повествования и содержанием событий на основании только того, что прямо названо (эксплицировано) в самом тексте.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Гак В. Г.* К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 67–79.

2. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М., 1989.

3. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

4. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

5. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

6. *Олеша Ю. К.* Зависть: Роман. Рассказы. Дневник. Екатеринбург, 2002.

# «УЧИТЕЛЬ! ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ ПОЗВОЛЬ СМИРЕННО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ!»

## ИНТЕРВЬЮ С ПРЕЗИДЕНТОМ СПбГУ, ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ Л. А. ВЕРБИЦКОЙ

Н. С.: *Вчера завершился I Конгресс РОПРЯЛ. В работе Конгресса приняли участие не только вузовские педагоги, но и школьные учителя-словесники. «Учитель — это первое» (М. М. Рубинштейн). Сегодня в силу сложнейших социокультурных перемен в нашей стране профессия учителя становится всё менее престижной. Поэтому каждое слово благодарности, сказанное школьному учителю, очень значимо. Для нового поколения будущих учителей чрезвычайно важен пример благодарного отношения к труду педагога.*

*Людмила Алексеевна, расскажите, пожалуйста, о своих учителях родного языка.*

Л. А.: В 1-м классе я ходила в Колтушскую школу. Но она почти не осталась у меня в памяти. Наверно, потому, что это было военное время… Следующая школа в моей жизни — 239-я, располагавшаяся на Исаакиевской площади. Прекрасная школа, замечательные учителя! Любовь к русскому языку мне привила Прасковья Леоновна, человек удивительной культуры, удивительного такта и образованности. И хотя дальше сложилось так, что русским языком и литературой я стала заниматься вынужденно, всё-таки любимым это дело стало благодаря Прасковье Леоновне.

Н. С.: *В своей автобиографической книге «Мой Петербург» Вы с особым трепетом, нежностью, любовью пишете о Ваших университетских педагогах.*

Л. А.: Неувядающая память о наших учителях, сформировавших целые поколения сегодняшних учёных, обязывает нас не только не забывать их и продолжать их дела, но воздать должное всему, что они сделали в науке.

Лев Рафаилович Зиндер… Лев Рафаилович, блестящий учёный, яркий и одарённый человек, отдал Университету почти семьдесят лет жизни. Всегда элегантный, спокойный, уравновешенный, вежливый, весь расположенный к собеседнику, Лев Рафаилович невольно «заставлял» собеседников становиться такими же или стремиться стать похожими на него. Не всем это удавалось. Когда-то Дмитрий Сергеевич Лихачёв сказал, что трудно стать интеллигентным, подстроиться под интеллигента. Интеллигентность — это что-то не формируемое чётко, это внутренняя культура, внутренний мир, внутренний такт, чутьё, настрой на собеседника. Стать таким, каким был Лев Рафаилович, невозможно, но очень хотелось быть хотя бы в чём-то на него похожим. Широта кругозора и необыкновенные знания Льва Рафаиловича поражали бесконечно. Он был не просто блестящим лингвистом, фонетистом, фонологом, германистом — он был филологом, глубоко чувствующим и понимающим сложные и разнообразные языковые процессы в тесном взаимодействии с процессами внеязыковыми, экстралингвистическими. Лекции Льва Рафаиловича по фонологии и фонетике были совершенно особыми: стройность построения, внутренняя логика, спокойная, чёткая аргументация определённых положений, глубокое знание литературы. Простота изложения материала — это, пожалуй, главное, на что нельзя было не обратить внимание. Он нас так учил: пишите так, чтобы было понятно самому необразованному читателю. Лев Рафаилович был профессором Петербургского (Ленинградского) университета в самом полном смысле этого слова. Профессором!

…Мне кажется, очень важно, чтобы человек был предан своему делу, жил тем предметом, который он преподаёт. Я очень надеюсь, что ситуация в средней школе скоро будет меняться (недавно, в среду (15.10.2008. — *Н. С.*), Дмитрий Анатольевич провёл Совет по образованию, науке и технологиям, и тема как раз была «Школа сегодня»), что в ближайшее время престиж учительского труда возрастёт. Хотелось бы, чтобы вернулось то время, когда всем нам хорошо известные слова Н. Некрасова «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!», были бы не словами, а реальным действием.

*С профессором Л. А. Вербицкой беседовала ведущая секции «Русский язык и культура в школе: проблемы обучения и воспитания учащихся», проведённой в рамках I Конгресса РОПРЯЛ, Н. Е. Синичкина.*

Н. Е. Синичкина

# «ПЕРВОУЧИТЕЛИ» РОДНОГО ЯЗЫКА КИЕВСКОЙ РУСИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Светлой памяти Галины Павловны Дручининой*

*Подлинно новая культурная ценность возникает в старой культурной среде… Творческое следование традиции предполагает поиск нового в старом, его продолжение.*

*Д. С. Лихачёв*

В статье обобщён образ учителя родного языка средневековой Руси. Анализируются этапы становления языкового образования на Руси с момента возникновения славянской письменности. Устанавливаются историко-педагогические параллели между прошлым и современностью: учитель родного русского языка во все времена предстаёт проводником нравственных ценностей.

The type of the teacher of mother tongue of medieval Russia — that is what is generalized in the article. The stages of language formation in Russia have been analyzed since the moment of the rise of Slavonic literature. The historic-pegagogical parallels between the past and the present are being settled: the teacher of the Russian mother tongue language is always the guide of moral values.

**Наталья Евгеньевна Синичкина**

Кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Если началом становления методики преподавания русского языка как науки считают 1844 год — год, когда увидела свет выдающаяся книга Фёдора Ивановича Буслаева «О преподавании отечественного языка», то истоки профессионального портрета учителя-словесника мы находим ещё в Киевской Руси.

Исторически сложилось так, что именно языковая общность являлась «объединяющей силой славянства. … Обучение языку … оказывалось одним из главных способов осознания этнического единства славянского средневекового мира. Проявлением такой общности стало создание в VII–IX вв. нового письменного языка — славянского» [3: 131]. Роль первых учителей словесности в славянском мире по праву принадлежит братьям ***Кириллу*** и ***Мефодию***. Вот как пишет о миссии «Первоучителей славянских» епископ Александр Мелиант: «После того, как были просвещены Болгария и Сербия, в Константинополь явились послы от моравского князя Ростислава с такой просьбой: „Народ наш исповедует христианскую веру, но у нас нет учителей, которые могли бы объяснить нам веру на нашем родном языке. Пришлите нам таких учителей“. Император и патриарх обрадовались и, призвав святых солунских братьев, предложили им идти к моравам. Для большего успеха проповеди, святой Кирилл почитал необходимым перевести на славянский язык священные и богослужебные книги, ибо „проповедовать только устно, по словам святого Кирилла, все равно, что писать на песке“. Но прежде перевода нужно было еще изобрести славянские буквы и составить славянскую азбуку. К этим великим трудам святой Кирилл, по примеру апостолов, готовился молитвой и сорокадневным постом. Как толь-

ко азбука была готова, святой Кирилл перевел на славянский язык избранные места из Евангелия и Апостола. Некоторые летописцы сообщают, что первые слова, писанные на славянском языке, были слова апостола Евангелиста Иоанна: „*Вначале бе (было) Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*“» [2][1]. ***Славянские книжники***, впитавшие опыт обучения живому, разговорному языку в первой славянской школе, открытой Кириллом и Мефодием в столице Моравского княжества городе Велеграде в 863 году, создали школы и в Киевской Руси, где покровителем им стал Ярослав Мудрый.

По общему мнению историков педагогики, «важную роль в особенностях славянского, в том числе древнерусского образования, сыграло использование и для богослужений, и для литературы, и для обучения единого старославянского языка» [21: 137; см. также: 3: 134; 7: 115–118]. Профессор М. Р. Львов, освещая историю языкового образования Древней Руси, подчёркивает: «Славянская письменность, сам факт её существования послужили толчком для образования, индивидуального и группового, школьного, возникновения образовательной системы. Для нас важно то, что, как это подтверждает история, само образование, как феномен, начинается с языка и языков, с буквы и слова, и приводит к знанию, к мышлению, к духовному богатству» [14: 8].

Ещё в эпоху становления Древней Руси русские осознавали значимость языка как объединяющего, скрепляющего государство начала. И вновь сегодня, «когда Россию раздирают противоречия — экономические, политические, национальные … взгляды обращаются не только к общему состоянию и перспективам образования, но и состоянию языка» [21: 137]. Ведь «отношение к родному языку», как справедливо отмечает профессор Л. В. Савельева, «подобно барометру, отражает духовную атмосферу, в которой формируется новое поколение» (цит. по: [5: 4]).

Первыми учителями родного языка на Руси были ***мастера грамоты***. При церквях и монастырях открывались школы, которые сначала назывались училищами. Мастера грамоты обучали чтению, письму и счёту детей всех сословий, руководствуясь, как сказано в летописи, методами *«Учити не яростию, не жестокостию, не гневом, но разновидным страхом к любовным обычаям, сладким поучением и ласковым рассуждением»* (цит. по: [3: 136]).

Постепенно на Руси складываются школы учения книжного, в которых даётся начальное и повышенное образование. «Летопись, — размышляет Б. А. Успенский, — непосредственно связывает христианизацию Руси с началом там книжного учения. Сразу же после известия о крещении киевлян в Днепре „Повесть временных лет“ сообщает, что Владимир „нача поимати у нарочитые чади дѣти, даяти нача на ученье книжное“. Это событие можно считать поистине эпохальным для истории литературного языка, поскольку начало школьного учения и знаменует собственно начало литературного языка: специальная норма литературного языка, по определению, усваивается в процессе формального обучения» [22: 13]. В самой первой монографии, посвящённой обучению на Руси, «О древнерусских училищах» (1854 г.) читаем: «Какие же предметы заключали в себе эти грамота, книжное учение, книжное писание? Никто, конечно, не потребует доказательств в пользу той мысли, что под грамотой прежде всего должно разуметь **чтение** и **письмо** (выделено автором. — *Н. С.*) … Обучение чтению и письму было, разумеется, первою потребностью в деле домашнего и школьного начального образования» (цит. по: [26: 52]). В Предисловии к изданию «Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв.» Д. С. Лихачёв уточняет, что в ту эпоху «педагогика ещё не выделилась в самостоятельную область знания. В то же время педагогическая мысль присутствовала во всей древнерусской культуре — устном народном творчестве, живописи, певческом искусстве, бытовых традициях, обычаях, обрядах. Педагогические идеи и воспитательный опыт многих поколений включались в летописи, поучения, жития и т. д.; в древнерусских книгах встречается немало изречений, советов и рекомендаций о воспитании детей» [12: 5, 6].

Очагами просвещения в Киевской Руси становятся монастыри. Именно в них мы находим

прообраз педагогического образования: «Школой душевного спасения для мирян была приходская школа с её священником. Его преподавательские средства — богослужение, исповедь, поучение, пример собственной жизни. Эта школа была своего рода учительской семинарией. Учение, преподаваемое приходскими священниками, разносилось по домам» [5: 16–17]. Мастера грамоты, книжники были очень почитаемы в Киевской Руси. Уже тогда «первоучителям» отводилась особая роль в жизни народа. Древнерусские летописи оказывали «несомненное воспитывающее воздействие на взгляды правителей, а также всех читателей. Летописи содержали главное знание, которому обучали всех жителей Русской земли, знание о том, как жили и думали в старину и как поступали отцы и деды. … Русская земля представляется как возлюбленная Богом христианская страна, а любовь к ней — единственным главным долгом всего народа» [7: 119]. Духовная мудрость Древней Руси «требовала упорной учёбы, постоянного и вдумчивого чтения книг, знакомства с мировой историей, осмысления своего собственного и своего народа места в ней, требовала литературного, музыкального и эстетического развития — но только вдобавок к нравственному» [12: 8]. Так, ещё на заре российского государства были заложены главнейшие принципы русской педагогической мысли — принципы историзма и народности. В XIX веке об этом вдохновенно напишет К. Д. Ушинский: «Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. … В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое» [23: 242, 243]. Посредником, соединяющим народ «в одно историческое живое целое» через язык, стал *учитель родного языка*. Рассуждая о содержании понятия «учитель», М. М. Рубинштейн замечает: «Уже в примитивной общественности ярко выявился момент заинтересованности в детях общества в целом. Культурный рост государства не только не уменьшил эту заинтересованность в подрастающем поколении, но и усложнил и усугубил её во всех отношениях. … *Государство и общество не могут рассматривать детей как частное дело семьи и родителей* (курсив автора. — *Н. С.*)» [18: 15]. Русские князья и их жёны всяческие содействовали распространению обучения в Древней Руси, тем самым укрепляя государственность: «*Учите людей*», — велел священникам Ярослав Мудрый. Археологические изыскания свидетельствуют о том, что грамотность на Руси в XI–XII вв. становится повсеместной.

Московское государство XIV–XVI вв. — этап возрождения русской земли после борьбы за национальную независимость. В результате монголо-татарского нашествия и внутренних междоусобиц произошло резкое падение книжной культуры. Очагами просвещения, как и в прежние времена, оставались монастыри. Здесь наряду с семьёй происходило воспитание русского человека. Идеальный образ учителя-наставника воплотил в себе создатель и игумен Троице-Сергиева монастыря ***Сергий Радонежский***, предстающий «в описании Епифания Премудрого как „*за всех добрых людей молящийся… учителям учитель… неложный и праведный, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник*“» [21: 140]. В контексте нашего повествования важно привести сюжет рассказа из Жития преподобного Сергия: «Отроком он увидел на поле молящегося черноризца. Старец спросил у отрока: „Что хочешь, чадо?“ Отрок попросил: „Душа желает знать грамоту. Учусь я грамоте, но не могу её одолеть. Святой отче, помолись, чтобы смог я научиться грамоте“. И ответил ему старец: „О грамоте, чадо, не скорби: с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты“» (цит. по: [7: 122]). В этой притче сплетаются Слово Божье и стремление человека познать Бога через слово[2]. И только грамота как путь, открывающий Писание, является проводником к истинному знанию, подлинной образованности. «Исходя из ***слова***… — пишет В. В. Колесов,

осмысляя „семантический треугольник“ ‘вещь — мысль — слово’, — мы живём в духовном мире вселенского света, энергией сердца уясняя его, чтобы знать. *Слово* и *слава* — общего корня, от Бога — Слово, Ему же слава. Энергию духа поддерживает богословие. Когда мы говорим о Логосе, немедленно возникает представление о его земном воплощении» [8: 90].

***Ученики Сергия Радонежского*** открыли около 40 монастырей. Оценивая «уроки» святого игумена, историки говорят о подвиге преподобного Сергия, который «был связан с появлением на Руси феномена особого двоевластия: наряду со светской властью возникла иная, не подверженная мирским соблазнам истинная власть святых людей, духовных учителей, снискавших в народе высочайший авторитет беспрестанных тружеников, абсолютных бессребреников и подвижников» [7: 122]. ***Наставники*** — приходские священники и книжники-монахи — уникальное явление в русской истории. *Наставить на путь истинный* в современном русском литературном языке — фразеологизм со значением *‘воздействуя каким-либо образом, побуждать кого-либо изменить поведение в хорошую сторону, склонить к хорошему’*[3]. Это прецедентное высказывание, заключающее в себе феномен русской педагогической мысли, основанной на православной педагогике, актуально в России и ныне. В книге о гимназии и реальном училище К. И. Мая, частной средней школе Петербурга-Петрограда, воспитавшей «целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры нашего Отечества», академик Д. С. Лихачёв вспоминает, что «там свято дорожили званием педагога-наставника, подвижника, стремящегося воспитать учеников гражданами, полезными обществу, патриотами и людьми, способными на личное самопожертвование» [13: 9]. Показательно, что и через века институт наставничества, вне сомнения, претерпевший колоссальные изменения, в России живёт: «В современной жизни слово „учитель“ имеет много значений: *духовный наставник* (курсив наш. — *Н. С.*); мастер, обучающий профессии; человек, достойный примера и подражания; и, наконец, тот, кто в школе обучает и воспитывает детей и подростков», — читаем в пособии, адресованном будущим педагогам [11: 4][4]. Думается, сегодня, в трудное время искажённых ценностных ориентаций обращение к жизнеописанию признанных «нравственных лидеров», властителей дум, всей своей жизнью снискавших уважение и почитание в народе, могут стать «маяками» в поисках национальной идеи, ведь ценности, провозглашённые ими, прежде всего приводят нас к размышлениям о связи времён и поколений, о Родине, об исторической памяти, что всегда было характерно для русской педагогики — педагогики, ставящей на первое место духовную сторону жизни, где особое место занимает Слово. Кто, как ни учитель родного языка и литературы является духовным наставником на все времена? Ведь именно словесник даёт главный инструмент познания мира — Слово. «У нас, в России, — пишет ученица выдающегося учёного-филолога, поэта, методиста XX века Михаила Викторовича Панова, — учитель — не просто тот, кто учил, учит или собирается учить; скорее, это духовный наставник, пример для подражания на всю оставшуюся жизнь» [25: 476]. Согласно опросам учителей русского языка и литературы современной школы начинающий специалист, как правило, работает под руководством учителя-наставника, который передаёт свой педагогический опыт, помогает молодому коллеге обрести себя в профессии. Отвечая на вопрос «Что в „уроках“ учителя-наставника было главным?», учителя, наряду с методикой преподавания, умением общаться с детьми, вызывать интерес к предмету, примером уважения к личности учеников, увлечённости профессией, любви к русской литературе, примером богатства и красоты речи, «таланта общения», умением «сочетать методику и душу», сказали также о том, что им «***запомнились уроки нравственности и доброты***»[5].

Выскажем предположение, что традиция наставничества через призму аксиологических категорий в отечественной педагогике соотносится с культурно-исторической традицией христианства как «способа жизнеустроения», где видятся «нравственные заповеди и жизненные установления» [6: 116], запечатлённые в произведениях древнерусской литературы, которые,

по мысли Д. С. Лихачёва, «глубоко нравственны». А нравственность, в свою очередь, «была краеугольным камнем воспитания» [12: 8]. Справедливый тезис о том, что «духовные ценности отчётливее и увереннее от столетия к столетию развиваются, преодолевая барьеры исторических трагедий и катаклизмов, тоталитарных режимов и диктатур, по стратегической линии концентрации в себе гуманистического потенциала всех прошедших эпох и цивилизаций» (цит. по: [17: 176]), сегодня всё больше подтверждается опытом современного учителя-словесника, в котором мы обнаруживаем стремление творческого педагога приобщить своих учеников посредством слова к нравственным ценностям, характерным для русской ментальности[6].

По мере оживления просветительской деятельности в Московском государстве зарождаются разные направления в книжном учении. Если мастера грамоты использовали натаскивание — заучивание текстов Священного Писания без знания грамоты, то просвещённое духовенство ратовало за «осмысленную» грамоту, что заключалось не только в умении копировать Писание, но и усваивать его смысл, интерпретировать, что способствовало бы дальнейшему распространению православия. Свидетельства того времени о «книжной премудрости» мы находим в «Написании о грамоте», созданного приближённым великого князя Ивана дьяком Посольского приказа Фёдором Курицыным. Последний «сформулировал ряд новых на Руси идей, проникнутых духом рационализма и гуманизма. Отрицая формализм и обрядоверие, автор провозглашал „самовластие души“ — свободу разума, что возможно достичь лишь сознательным достижением премудрости. По мнению гуманиста, лишь воля, а не механическое заучивание содержания книг поможет овладеть знаниями, ибо „грамота есть самовластие“. …Только „самовластие души“ делает человека способным к постижению Всевышнего и всего мира его творений» [7: 125]. Стремление постичь мир во всём его многообразии неизбежно приводит книжников средневековой Руси к пониманию своей миссии как *проводников мысли, заключённой в слове*. Зазубриванием молитв добиться этого было невозможно. *Обучая языку, обучаем мысли* — новая черта «профессионального портрета» учителя родного языка, сформировавшаяся в эпоху Московского государства. В истории русской педагогики этап от древних времён до реформ Петра был назван «церковная педагогика», в котором ядром содержания образования является «Священное писание», а учителя — это духовные лица. «Учились для спасения души, чтобы лучше уразуметь церковную службу, понять слово Божье и через это сделаться чище, совершеннее, приблизиться к создателю» [24: 24].

Возникшая в силу объективных социально-экономических и культурных причин необходимость в европейской образованности приводит к открытию школ грамоты, «учиняются» училища. Распространению грамотности немало содействует книгопечатание. Размежевание педагогических воззрений среди книжников, проникновение идей западной культуры и образования, всё более распространявшееся невежество привели к необходимости привлечения в Московскую Русь иностранных учителей. Педагогический опыт Украины, Белоруссии, Польши, идеи Яна Амоса Коменского постепенно становятся достоянием и русского образования. В результате во второй половине XVII века сложились основные подходы к воспитанию и обучению («латинофильский», византийско-русский, славяно-греко-латинский и старообрядчески-начётнический), определившие в дальнейшем разделение на славянофилов и западников. Начинается эпоха «государственной педагогики»…

* * *

*Каким же видят идеальный образ учителя-словесника современные учителя? Учитель русского языка и литературы, по убеждению сегодняшних педагогов, любит и знает свой предмет, культурный, образованный, эрудированный человек, стремящийся к саморазвитию, сочетающий в себе профессиональные и нравственные качества, умеющий услышать и понять, уважающий личность ученика, воспитатель детской души, истинный друг и наставник…*

*Именно эти качества воплощала в себе Галина Павловна Дручинина. …На столе остались незаконченные рукописи. Последние годы Галина Павловна самоотверженно работала над созданием школьных учебников, которые бы смогли проложить преемственную линию к учебнику «Русский язык. От системы к тексту. 10 класс», написанному ею в творческом коллективе под руководством профессора Г. А. Золотовой.*

*Галина Павловна была подлинным интеллигентом, скромным, чутким и мудрым человеком, замечательным другом, блестяще образованным филологом, Учителем родного русского языка…*

**ПРИМЕЧАНИЯ**

[1] Текст цитируется по материалам официального портала Русской православной церкви www.pravmir.ru

[2] В предисловии к сборнику «Мудрое слово Древней Руси» профессор В. В. Колесов замечает, что «*Слово*» в значении ‘проповедь, поучение’, ведущий жанр литературы того времени, было не просто учебной литературой, но самой мудростью, «которая в концентрированном виде снизошла до вчерашних язычников; её надлежало истолковать в традиционной для славян форме» [9: 7].

[3] Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. — Новосибирск, 1995. Т. 2: Н–Я. С. 17.

В книге В. В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте» мы находим комментарии к концептам «истина» и «путь», позволяющие во всей полноте осмыслить фразеологизм *Наставить на путь истинный:* «Из двенадцати признаков истины, подсчитанных и описанных …(в книге В. Г. Гака «Языковые преобразования». — *Н. С.*), русская ментальность согласится, пожалуй, только с тремя: с силой её, с нравственным содержанием, да ещё, быть может, с тем, что её постоянно ищут»; «Когда нужно было сказать о жизненных путях человека, в Древней Руси специально подчёркивали различие между *истинным* путей и путём *погибельным*. Всегда, когда речь заходит о (о)священном месте, выясняется, что там нет дороги — там *путь*. Не дорога, а именно путь — возможность свершений; всем ясно, что это добрый, истинный путь. Путь — возможность хорошая» [10: 264, 266].

[4] Одной из главных черт, характеризующих наставника Древней Руси, была «великая скромность»: «*Преподобный отец наш Сергий, хотя и принял игуменство, чтобы стать старшим, но не изменил правила свои монашеские, помня того, кто сказал: „Кто из вас хочет быть первым, да будет из всех последним и слугой всем“*» [20: 123].

Читаем у В. В. Колесова: «…только в русской ментальности это чувство (смирение. — *Н. С.*) развивается намеренно, и именно потому, что „у смирения есть особое свойство — *повышать духовную ценность человека*“ (цит. И. А. Ильина. — *Н. С.*). Это так и есть на самом деле. „Истинному величию причитается простота, доброта, лёгкость и скромность“. Не внешняя покорность и послушание, а сознательный выбор в пользу скромности — внешней, неброской и неяркой, как русская природа» [10: 349].

Скромность, переданная «генетической памятью» православных Учителей, продолжает жить и в современных учителях-словесниках, чуждых показной славе. Так, по нашим наблюдениям, некоторые учителя стараются не участвовать в конкурсах профессионального мастерства вовсе не из ложной скромности, а, скорее, из какого-то внутреннего противления возможности «возвыситься» над кем-то, сознательно противопоставить себя другим: «Всякий настоящий русский, если он только не насилует своей природы, смертельно боится перевалить своё — и правильно делает, потому что ему это не идёт. Нам не дано самоутверждаться — ни индивидуально, ни национально — с той как бы невинностью, как бы с чистой совестью, с тем отсутствием сомнений и проблем, как это удаётся порой другим» [1: 212].

[5] Данные получены в результате анкетирования учителей-словесников на курсах повышения квалификации в Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования (июнь 2008 г.) В анкетировании приняли участие 58 педагогов школ, лицеев и гимназий Санкт-Петербурга. На вопрос «Были ли в Вашем опыте профессионального становления „уроки“ учителя-наставника?» 69% словесников ответили положительно.

Выражаем искреннюю признательность за помощь в организации анкетирования методиста кабинета русской словесности СПбАППО Валентину Николаевну Ивлеву.

[6] Иллюстрируя сказанное, приведём примеры востребованных учителями пособий, созданных, в частности, авторами петербургской методической школы. Это книги Заслуженного учителя *Галины Павловны Соколовой*, в которых одним из тематических центров в преподавании языка становятся нравственные проблемы [19]; методические пособия, показывающие путь усвоения родной речи посредством анализа русской концептосферы, канд. пед. наук, доцента Герценовского университета *Натальи Львовны Мишатиной* [16].

В контексте лингвокультурологических принципов обучения русскому языку написаны книги для учителя д-ром пед. наук, профессором *Еленой Вячеславовной Любичевой*: язык согласно культурно-историческому принципу, по мнению автора, «выступает как социально-исторический и культурный феномен, а культурный мир основан на единой духовной традиции»; этнолингвистический принцип предполагает «рассмотрение языка как бесценного хранилища исторической памяти этноса, отражение его образа жизни, психологии, верований, этических и эстетических оценок» [15: 9–10].

Важнейшая роль в формировании отечественной лингвометодической мысли принадлежит также видному учёному д-ру пед. наук, профессору РГПУ им. А. И. Герцена *Тамаре Константиновне Донской*, работы которой проник-

нуты истинным гражданским пафосом: «Родное слово… С ним и в счастье, и в горе, и в Храме, и в доме родном, и в праздничной песне, и в светлой молитве, и в нежном „сыночек родной“, и в молчаливом сердечном прощанье… Пронизанное трепетным чувством любви, оно бережно хранится в душе русского человека, освящённое светом былинных песен Бояна, вещим Словом Нестора, державным слогом Мономаха, нежным голосом Ярославны, мудрым наставлением Святых Кирилла и Мефодия, создавших „азы“ славянской письменности — фундамента русских культурных традиций славянского братства» [4: 8].

**ЛИТЕРАТУРА**


1. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир, 1988. № 7. С. 210–220.

2. *Александр (Мелиант), еп.* Святые Кирилл и Мефодий. http://www.pravmir.ru/article_2053.html

3. *Джуринский А. Н.* История образования и педагогической мысли. М., 2004.

4. *Донская Т. К.* Духовный свет русского слова, русской культуры. СПб., 2006.

5. *Донская Т. К.* Краткие очерки по истории методики русского языка. СПб., 2003.

6. *Захарченко М. В.* Культура и образование в перспективе традиции. Традиция как предмет теоретического осмысления. СПб., 2007.

7. *Князев Е. А.* Педагогическая мысль и школа в Киевской Руси и Русском государстве (до XVIII в.) // История педагогики; под ред. академика РАО Н. Д. Никандрова. М., 2007. С. 115–132.

8. *Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова…». СПб., 1999.

9. *Колесов В. В.* Афористика Древней Руси [предисловие к изданию] // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1989.

10. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

11. *Курочкина И. Н.* Русская педагогика. Страницы становления (VIII–XVIII вв.). М., 2002.

12. *Лихачёв Д. С.* К читателям [предисловие к изданию] // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985.

13. *Лихачёв Д. С.* Школа на Васильевском. М., 1990.

14. *Львов М. Р.* Русский язык в школе: История преподавания. М., 2007.

15. *Любичева Е. В., Болдырева Л. И.* «Родным войти в родной язык». Учеб. пособие. 10–11 класс. СПб., 2005.

16. *Мишатина Н. Л.* «Как сердцу высказать себя?..» Теория и методика развития речи с позиции лингвокультуроведческого подхода (7–9 классы). Книга для учителя. СПб., 2002.

17. *Равкин З. И.* Аксиологические аспекты историко-педагогического обоснования стратегии развития отечественного образования // В. А. Сластёнин, Г. И. Чижакова. Введение в педагогическую аксиологию. М., 2003.

18. *Рубинштейн М. М.* Проблема учителя. М., 2004.

19. *Соколова Г. П.* Уроки русского языка и словесности. М., 2003.

20. *Соловьёв В. М.* Русская культура. С древнейших времён до наших дней. М., 2004.

21. *Торосян В. Г.* История образования и педагогической мысли. М., 2006.

22. *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

23. *Ушинский К. Д.* Родное слово // Избр. труды: В 4 кн. Кн. 1: Проблемы педагогики. М., 2005. С. 227–301.

24. *Цирульников А. М.* История образования в портретах и документах. М., 2000.

25. *Шкатова Л. А.* Слово об Учителе // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 476–479.

26. Школа и педагогика в культуре Древней Руси. Ч. 1. Историческая хрестоматия / Сост. О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1992.

Е. В. Боровкова

# «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» — ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЕДАГОГА-СЛОВЕСНИКА

В статье предлагаются результаты наблюдения над языковой личностью педагога-словесника. В ходе дискурсивного анализа речевой деятельности словесника определяется её прагматическая направленность, выявляется специфический при обучении языку концепт «язык — речь — слово», отнесенный к ключевым компонентам индивидуальной языковой картины мира в связи со значением, оказываемым на формирование лингвистической и лингвокультуроведческой компетенции учащихся при обучении языку.

The results of observation of language personality of language and literature teacher — that is what is offered in the article. With the course of discursive analysis of the vocal activity of the language and literature teacher the orientation takes its place, the specific concept "language — speech — word" is emerging, this concept is pertained to the key components of individual language picture of the world in the connection with the meaning that is exerted with the formation of linguistic and lingvo-cultural competence of the student in the course of language learning.

**Елена Викторовна Боровкова**

Аспирант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, учитель русского языка и литературы средней школы №2 (г. Гатчина)

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Понятие «картина мира» — фундаментальное понятие, отражающее взаимоотношение человека и мира. Формирование картины мира невозможно без языка, так как язык — орудие познания, с помощью языка фиксируются и передаются из поколения в поколение результаты познавательной деятельности человека. Язык — это носитель социальной памяти человечества, всей суммы знаний. Понятие «языковая картина мира» коррелирует с понятием «языковое сознание», трактуемое как «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психологическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [2: 534]. Усвоение изучаемого языка предполагает усвоение языковой картины мира, языкового сознания носителей этого языка. Согласно современным представлениям о языковой картине мира, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1: 66]. Человеческое сознание в результате отражательной деятельности формирует концептуальную картину мира, позволяющую человеку эффективно ориентироваться в нем, использовать его в своих жизненных целях [4: 23].

Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях. С одной стороны, на основании системного семантического ана-

лиза лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, воплощённой в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный взгляд» на мир в противоположность научному. С другой стороны, исследуются отдельные, характерные для данного языка лингвоспецифичные концепты, являющиеся ключевыми для данной культуры.

Таким специфическим концептом в языковой картине мира педагога-словесника является триада «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» с насыщенной метафорикой и богатый тонкими нюансами смысла. Считается, что картину мира можно выявить и описать исходя из анализа устойчивых коммуникативных потребностей, называемых Ю. Н. Карауловым готовностями, которые способны удовлетворить эти потребности и в конечном итоге определяют специфическое речевое поведение и информируют о внутренних установках, целях и мотивах личности [3: 65].

Определить прагматическую установку, устойчивую коммуникативную потребность учителя-словесника представляется возможным при исследовании его педагогического дискурса, в процессе наблюдения за речевым поведением педагога в различных коммуникативных ситуациях*.

Так, наиболее иллюстративной в смысле определения устойчивой коммуникативной потребности является система целеполагания уроков русского языка, например: «*Воспитывать уважение к своему языку*» (варианты: «*воспитывать бережное/уважительное отношение к языку*»); «*Объяснить необходимость вежливого и культурного общения, бережного отношения к слову и осторожного обращения со словом*»; «*Показать учащимся, к чему может привести на практике речевая безграмотность, подвести к пониманию необходимости грамотно говорить и писать*»; «*Прививать интерес к языку (возбудить интерес к освоению правил и норм русского языка, поддерживать познавательный интерес учащихся к родному языку)*»; «*Заинтересовать проблемами, связанными с настоящим и будущим русского языка в России и за ее пределами*»; «*Показать, что русский язык — один из развитых языков мира, что дает ему право быть одним из самых значительных*»; «*Воспитывать чувство патриотизма через любовь к родному языку*»; «*Содействовать развитию гармонически развитой личности на основе формирования речевой культуры*»; «*Развивать устную и письменную речь*»; «*Формировать словарный запас*». Анализ целеполагания уроков русского языка позволяет сделать вывод о том, что ведущей, стратегической целью педагога-словесника при решении учебных задач (тактических целей) является формирование элитарной языковой личности учащегося, его специфического отношения к языку и речи: «*Воспитание эстетического отношения к языку и речи должно стать одной из приоритетных задач обучения. Важно, чтобы ребенок ощутил вкус языка, его богатство, красоту, многообразие его оттенков, красок. В книге дети должны видеть не простой набор символов (сочетания букв, пробелов, знаков препинания) и непосредственно передаваемые ими значения, но ощущать каждое слово, должны вкусить всю прелесть его употребления в той или иной форме. Особенно ярко это можно почувствовать на примере поэтических текстов, где каждая единица речи — грань огромного бриллианта — Русского языка. Уже с самых ранних лет стоит воспитывать у ребенка бережное отношение к слову как к некоему сокровенному явлению; дать почувствовать всю силу и мощь Слова — показать, что даже одно, вроде бы обыкновенное слово, может решить судьбу человека, народа, страны, мира*».

Анализ педагогического дискурса показывает, что концепт «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» находится в центре языковой картины мира педагога-словесника и организует всю систему концептов, связывая концепты ЖИЗНЬ (бытие, дух) и ОБЩЕНИЕ. Бытие человека, дух народа определяется общением людей. Язык (речь, слово, книга) выступают средством и непременным условием общения. Вся речевая деятельность учителя-словесника организована на »трех китах» «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» и подчинена этим мощным концептам.

Устойчивая репрезентация стержневых элементов триады «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» прослеживается в количестве и характере прецедентных текстов, включаемых в дискурс педагога-словесника и, как правило, содержащих прагматические установки, «закодированные» в высказываниях авторитетных классиков, ученых, например: *«Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти» (Л. Н. Толстой); «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей души, ума» (Д. С. Лихачев)*. Прагматические установки в пословицах и поговорках (*«Слово не воробей, вылетит — не поймаешь», скажи «волшебное» слово, «Вначале было Слово»* и др.) образуют аксиологические обороты в речи учителя-словесника, выступая регуляторами речевого поведения учащегося (*«Вася Петров, как ты некрасиво говоришь», «Маша, разве можно употреблять такие слова», «Воспитанные люди так не говорят»* и проч.).

При анализе дискурса педагога-словесника обращает на себя внимание прагматическая установка на освоение языка как залога успешности в будущем: *«Русский язык занимает особое положение, поскольку от уровня владения им зависят успехи ученика по всем предметам. А это их будущее»; «Люди, которые умеют общаться, более успешны в жизни»*.

Характерным показателем концепта в языковой картине мира является его развитая метафорика. В педагогическом дискурсе концепт «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» часто репрезентируется в таких высказываниях, как *«язык — удивительное орудие», «язык — орудие общения», «русский язык — великое богатство», «язык — дух народа», «дар речи», «драгоценные россыпи слов»* и др. Концепт «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» в языковой модели мира представлен одновременно как **ценность материальная —** «сокровище», «богатство», «сверкает гранями бриллиантов» и **ценность духовная —** «великий дар», «нечто высшее», например: *«Слова — это некая тайна, это первоисточник; «Вначале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Мне кажется, что если ребенок будет относиться к слову как к чему-то высшему, пусть даже не совсем понятному, то он сможет не просто стать умным, образованным человеком, но и культурно развитой, интересной для окружающих и для него самого личностью и в то же время опасного — орудия...»*

Используя в речевой практике концепт «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО», учитель «программирует» языковое сознание учащегося, передавая элементы языковой картины мира. Полученный таким образом речевой опыт развивает у учащегося стремление к обладанию уникального дара, богатейшего языка и в то же время понимание взаимосвязи между состоянием современной языковой ситуации и влиянием на нее собственных речевых поступков. Считается, что представления, формирующие языковую картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Человек, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Проводником взглядов на русский язык, инструментом «возделывания» языкового сознания является педагогический дискурс учителя-словесника. Триада «ЯЗЫК — РЕЧЬ — СЛОВО» — концепт, оказывающий особое влияние на языковое сознание учащихся, на формирование их лингвистической и лингвокультуроведческой компетенции.

**ПРИМЕЧАНИЯ**

* В качестве примеров в работе приводятся данные, полученные в результате анализа педагогического дискурса учителей-словесников (творческие очерки на профессионально важные темы и конспекты уроков русского языка).

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Апресян Ю. Д.* О состоянии русского языка//Русская речь. 1992. № 2. С. 66–71.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2002. С. 65.

4. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 2005.

## БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ. СИНОНИМЫ. АНТОНИМЫ /

Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. — 864 с. — (Фундаментальные словари).

Большой толковый словарь русских существительных, созданный учеными-исследователями из Уральского государственного университета им. А. М. Горького, продолжает лексикографическую работу проблемной группы «Русский глагол» (см.: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999).

Представляя новый словарь, необходимо охарактеризовать его по крайней мере в двух отношениях: во-первых, как результат научного исследования, воплотившегося в содержании книги, и, во-вторых, как лексикографический источник, отвечающий запросам потенциального пользователя.

Более чем 800-страничное издание демонстрирует обширную и детально проработанную классификацию 15 000 русских существительных. Основной принцип представления материала — идеографический, распределяющий весь корпус лексических единиц по смысловым (денотативным) классам. Таким образом, данное лексикографическое издание, включаясь в парадигму словарей-предшественников (см.: Русский семантический словарь / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1984, а также: Русский семантический словарь. Т. 1. / Под общ. ред. акад. Н. Ю. Шведовой. М., 1998), развивает научную проблему категоризации русской лексики с учётом её референтной отнесённости, отображения словами определенного класса того или иного фрагмента действительности. Решение этой сложной научной задачи, имеющей концептуальный характер, выразилось в разработанной авторским коллективом системе «денотативных сфер», которые служат основными рубрикаторами словаря. Всего выявлена 41 сфера, порядок следования которых в структуре словаря отражает движение от номинаций внешнего мира («Живое существо», «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации») к денотативным сферам, связанным с осознанием параметров личности («Интеллект», «Эмоции», «Оценка»), с осмыслением и познанием мира (« Время», «Пространство», « Явление и событие», «Религия»). Детализация внутренней организации каждой из выделенных сфер отразилась в выявлении единиц следующего уровня иерархии — «денотативно-идеографических групп». Например, сфера «Интеллект» включает существительные, обозначающие: 1) человека (*аналитик, дилетант, знаток, единомышленник, эрудит и др.*); 2) интеллектуальные качества человека (*воображение, восприятие, разум, интуиция и др.*); 3) уровень интеллектуального развития человека (*кругозор, компетенция, опыт, смекалка и др.*); 4) интеллектуальную деятельность (*анализ, размышление, план, созерцание, синтез и др.*); 5) результат интеллектуальной деятельности (*вывод, домысел, заключение, просветление, следствие и др.*); 6) суждение, совокупность суждений (*гипотеза, доктрина, заблуждение, иллюзия, концепция и др.*); 7) оценку интеллектуальных способностей человека (*бредни, искажение, отзыв, оценка, предрассудок и др.*); 8) язык, языковые единицы и явления (*говор, жаргон, кириллица, оборот, скороговорка и др.*); 9) текст (*абзац, анонимка, вывеска, колонка, опечатка и др.*); 10) знак (*галочка, гриф, пароль, прозвище, тавро и др.*); 11) критерии для сопоставления, систематизации чего-либо (*единство, основание, отличие, сходство, эталон и др.*).

Лексемы, входящие в денотативно-идеографические группы, обнаруживают сходные, близкие семантические признаки, обусловленные общей референтной зоной. Это обстоятельство делает особенно актуальной вторую важнейшую задачу словаря, как словаря толкового, — объяснение значений слов. Соположение толкований слов, принадлежащих одной денотативно-идеографической группе, позволяет обнаружить сходства и отличия в их смысловой структуре, отметить нюансы, дифференциальные признаки, разводящие семантику близких по значению слов. Таким образом, толково-идеографическая часть словаря представляет в лексикографической форме значимый исследовательский результат — систематизацию русских существительных, эксплицирующую их множества, организованные общностью связей с обозначаемым фрагментом действительности.

Приведённый в конце словаря алфавитный словник помогает без труда найти нужную лексическую единицу в составе того или иного класса слов на соответствующей странице.

Как всякая большая и значимая работа, словарь в своих отдельных трактовках и решениях вызывает вопросы и возражения. Такие конкретные поводы для

вступления в дискуссию, очевидно, могут найти многие из читателей словаря. Отметим лишь некоторые примеры. Включение той или иной лексемы в состав денотативно-идеографической группы на основании интегрирующей эту группу «типовой семантики» иногда приводит к неоправданному выдвижению в центр семантики данного слова периферийных сем, между тем иллюстрации, контекст эти смещения в семантике не показывают. Например, в группу «существительных, обозначающих предметы по форме», включены слова *значок, линза*, а в группу «существительных, обозначающих предмет удлиненной цилиндрической формы», включены слова *авторучка, верёвка, дудка, сигарета, трость, шпилька и др.*, для которых признак формы хотя и не безразличен, но не относится к числу ядерных. Однако в составе других групп эти лексемы не зафиксированы. В группу существительных, «обозначающих человека как носителя эмоций» (типовая семантика: человек, характеризующийся по эмоциональной доминанте его характера — с. 215), помещены слова *благотворитель, защитник, поборник, гуманист, хват и др.*, что является спорным.

Представление концепции, определившей организацию материала в словаре и его содержание в целом, позволяет поставить вопрос о потенциальном пользователе и тех задачах, которые с помощью словаря можно решать.

– Материалы словаря могут быть использованы исследователями в качестве базы данных, содержащей информацию о корпусе идеографических классов слов-существительных в их конкретном списочном составе, о парадигматических связях определенного слова, его месте в лексической системе и в составе конкретной группы.

– Специалистам-лексикографам словарь позволяет уточнить принципы, особенности толкования значений слов — имён существительных.

– Преподаватели русского языка (в том числе и преподаватели русского языка как иностранного) имеют возможность почерпнуть из словаря разработанные строевые ресурсы, целые словесные комплексы или их части для заданий по обучению речи, совершенствованию лексических навыков, для учебников и учебных пособий по культуре речи, риторике.

– Пользователи — носители русского языка могут прибегать к словарю в случае потребности увидеть диапазон словесных возможностей, варианты лексем, соотносимых с той или иной ситуацией действительности, являющейся предметом речи, а также уточнить значения семантически близких или тесно ситуативно связанных лексических единиц (например, в сфере причинно-следственных связей явлений: *повод, подоплека, предпосылка, предлог, следствие, последствие и др.*).

– Учащиеся-иностранцы получают возможность получить более точные ориентиры в употреблении семантически близких слов, синонимов, антонимов, паронимов, а также усвоить ту совокупность лексических единиц, которая часто именно в таком составе бывает востребована ситуацией речи, поскольку представляет единый денотативный фрагмент (ср., например, в контексте речи о политике: *демократ, анархист, левый, правый, последователь, представитель, радикал, демонстрант, избиратель, провокатор, реформатор и т. п.*)

– Словарь может быть практическим помощником при развитии и обогащении словарного запаса как носителей русского языка, так и тех, для кого русский язык не является родным, позволит предупредить речевые неточности и ошибки. Поэтому вполне оправданно, что наряду с квалифицирующими определениями «толковый», «идеографический» словарь получает и статус учебного.

*И. М. Вознесенская*

[хроника]

## НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВЕНГРИИ

(Венгрия, 29 сентября — 4 октября 2008 года)

С 29 сентября по 4 октября 2008 года Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006–2010 гг.) на базе Российского культурного центра в Будапеште была проведена Неделя русского языка и российского образования в Венгрии. В состав российской делегации вошли ведущие филологи-русисты, специалисты по русскому языку и русской культуре, специалисты по методике преподавания русского языка и русского языка как иностранного, русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета,

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Института русской литературы РАН. С венгерской стороны в мероприятиях Недели приняли участие преподаватели-русисты, студенты, соотечественники.

В первый рабочий день Недели состоялась пресс-конференция для венгерских средств массовой информации. Во время торжественного открытия Недели выступили Временный Поверенный в делах России в Венгрии А. В. Олисов, руководитель Представительства Росзарубежцентра в Венгрии В. В. Платонов, руководитель Аппарата МАПРЯЛ и заместитель Генерального секретаря МАПРЯЛ Е. Е. Юрков, генеральный секретарь Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы И. Бакони.

В рамках Недели была проведена Международная научно-практическая конференция «Проблемы преподавания русского языка в современном мире», в работе которой приняли участие члены делегации МАПРЯЛ, профессорско-преподавательский состав кафедр и институтов русского языка всех университетских центров Венгрии и многих венгерских школ и гимназий. В ходе работы конференции состоялся обмен мнениями и опытом по широкому спектру практических вопросов преподавания русского языка как иностранного. Были отмечены позитивные тенденции в области распространения преподавания русского языка в Венгрии, в частности в гимназиях. Так, по данным ВАПРЯЛ, в этом году впервые к изучению русского языка приступили учащиеся около 40 гимназий республики. Была подчеркнута роль курсов русского языка при РКЦ в Будапеште, на которых количество изучающих русский язык сегодня составляет около 440 человек.

Программа дня была продолжена в единственной в Венгрии билингвальной русско-венгерской гимназии им. Ш. Ч. Кереши, где состоялся круглый стол с участием преподавателей и учащихся гимназии.

Открытие Недели освещалось радио «Голос России», центральными и местными венгерскими и русскоязычными СМИ.

30 сентября программа Недели была продолжена в университетах Будапешта. В Экономическом институте г. Будапешта был проведен семинар и мастер-класс с участием российских и венгерских филологов. В Университете им. Л. Этвеша (г. Будапешт) состоялись методический семинар и беседа с преподавателями за круглым столом на тему: «Вопросы языка и культуры в преподавании РКИ: Современная художественная литература на уроках по русскому языку».

1–3 октября мероприятия Недели русского языка в Венгрии были проведены в средних и высших учебных заведений Печа, Ниредьхазы, Дебрецена, Сомбатхея, Сегеда. В гимназиях и университетах были проведены методические семинары, круглые столы, лекции, посвященные актуальным вопросам преподавания, изучения и развития русского языка и литературы, а также организовывались выставки новинок учебной литературы. На круглых столах обсуждались вопросы изучения русского языка в Венгрии, перспективы его преподавания и пути повышения интереса к русскому языку и культуре.

2–3 октября на базе РЦНК в Будапеште в рамках Недели русского языка состоялось первое в Венгрии сертификационное тестирование учащихся (I–III уровни ТРКИ общего владения русским языком). В тестировании приняло участие 20 человек.

В мероприятиях Недели русского языка и российского образования в Венгрии приняло участие более 700 человек.

## ФЕСТИВАЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

(Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 года)

Организатор фестиваля — Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Фестиваль проводился при поддержке фонда «Русский мир».

Среди целей фестиваля сохранение и развитие русской национальной литературы и культуры, открытие новых литературных дарований, содействие общению начинающих авторов с признанными мастерами слова и установлению контактов между творческими коллективами и молодыми авторами. Именно поэтому в фестивале принимают участие известные литературные критики, писатели, журналисты, искусствоведы и начинающие прозаики и поэты.

В рамках фестиваля был проведен творческий конкурс «На ветру времен…», в нём приняли участие все желающие в возрасте от 16 до 25 лет независимо от образовательного и профессионального статуса.

Конкурс проводился в трёх номинациях: «Произведение малой прозы», «Поэтическое произведение», «Критическое произведение».

В сентябре завершился I тур конкурса, на который молодые авторы прислали те произведения, кото-

рые считают своей творческой удачей. На адрес оргкомитета поступило 112 работ из 10 стран мира. Конкурс стал поистине международным.

Экспертный совет определил финалистов, среди которых были представители Беларуси, Грузии, Молдовы, Словении, Узбекистана, Украины, Хорватии и Эстонии. Российские участники прислали свои работы из самых разных уголков страны. Барнаул, Братск, Владивосток, Владимир и Муром, Калининградская, Челябинская и Ростовская области, Иваново, Удмуртия, Мордовия, Киров, Нижний Новгород, Обнинск, Пермь, Смоленск, Приморский, Краснодарский и Ставропольский края, Москва и Санкт-Петербург — такова география конкурса.

Как отмечают эксперты, среди приславших на конкурс свои работы немало авторов с дарованием, достойных публичного признания их таланта. Критериями для отбора работ финалистов были владение языком (при этом скидки на то, что работы пришли из самых разных регионов, не было!) и приемами стихосложения и построения прозаического текста, оригинальность тематики и авторского стиля.

На сайте фестиваля http://meropr.ropryal.ru/litfest2008/ открыт доступ к чтению присланных работ. Читатели могут оставить свои суждения и комментарии к каждому произведению.

После оценки работ, присланных на II тур, и завершения работы экспертного совета были оглашены имена победителей во всех трех номинациях. Ими стали: в номинации «Произведение малой прозы» — Друговей Ксения (Санкт-Петербург), Александров Максим (Ижевск), Жукова Дарья (Нижний Новгород); в номинации «Поэтическое произведение» — Лернер Анастасия (Ташкент), Иванов Александр (Иваново), Останина Анна и Останина Тамара (Москва). За большие успехи в конкурсе «На ветру времен…» и особые достижения в творческих исканиях экспертный совет отметил произведения прозаика Анастасии Павловой (Ижевск), поэта Анны Черниговой (Братск) и критиков Дарьи Ивановой (Приморский край, г. Дальнегорск) и Джулии Мухаммад (Смоленск).

Лучшие произведения конкурсантов, отмеченные экспертным советом, изданы отдельной книгой, а их авторы собрались в Санкт-Петербурге для участия в мероприятиях фестиваля 15–17 октября 2008 года. В эти дни прошли мастер-классы и творческие встречи с мэтрами литературы, редакторами и представителями петербургских журналов и издательств, дискуссии на круглых столах «Современная библиотека в мировом культурном пространстве» (вел профессор П. Е. Бухаркин) и «Литературное творчество и духовное бытие» (вел протоиерей Кирилл Копейкин). Молодые литераторы получили возможность принять участие в заседаниях проходившего в это время в СПбГУ конгресса «Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве» и встретиться с исследователями современной художественной литературы. Прогулки по литературным местам города и театральные спектакли стали неотъемлемой частью фестивальных дней.

17 октября 2008 года прошла торжественная церемония закрытия Фестиваля литературного творчества и награждения призами и дипломами победителей конкурса «На ветру времен…».

## *Отзывы участников фестиваля*

*Огромное СПАСИБО оргкомитету в целом и каждому в отдельности! За вашу заботу, тепло, внимание, за продуманную до мелочей программу фестиваля, за все-все...*

*Новые знакомства, море впечатлений, встречи с прекрасными людьми, а главное, Питер, с его могуществом и живой душой, — надолго останется в памяти каждого участника фестиваля.*

Юлия Шмидт (Словения, Крань)

*Огромнейшее спасибо за прекрасную организацию фестиваля, за тёплое отношение к его участникам, за предоставленную возможность посетить волшебный Питер и пообщаться с истинными талантами! Впечатлений об этих днях хватит ещё очень надолго!*

Лернер Анастасия (Ташкент)

*Прекрасный фестиваль, он окрылил меня как литератора из ближнего зарубежья. С двумя победителями познакомилась на фестивале ближе — и должна признаться: Александр Иванов из Иваново и Максим, который стал победителем в жанре «малая проза», действительно заслужили свои победные места! Восхитительные произведения, которые могут, к сожалению, понять не все, и не все проникнутся тем духом и чувством, которые хотели передать авторы! Спасибо оргкомитету! Теперь я не просто программист у себя на родине, теперь на меня на работе смотрят по-другому и просят принести свои произведения на всеобщее прочтение и ознакомление! Приятно, когда тебя признают, и не обязательно при этом быть победителем, достаточно ПРИЗНАНИЯ!*

Мария Громович (Украина, Ровно)

# НАВСТРЕЧУ НОВОМУ СЛОВАРНОМУ ПРАЗДНИКУ: 22 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

Словарь — это не просто жанр описания лексического состава языка. Это срез нашего языкового мышления. Словари заслуживают своего праздника, и в России нет для этого более подходящей даты, чем 22 ноября — день рождения В. И. Даля, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка».

Что такое словарь? Замечательный русский лингвист Н. В. Крушевский писал: «Процесс развития языка с известной точки зрения представляется нам как *вечный антагонизм между прогрессивной силой, обуславливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обуславливаемой ассоциациями по смежности*» («Очерк науки о языке», 1883). Из этой идеи исходил основоположник современного языкознания Ф. де Соссюр, на ней построена вся постсоссюровская лингвистика.

Что такое ассоциации по смежности? Это последовательность слов в тексте, например: «мама мыла раму» («мама» ассоциируется с «мыть», «мыть» — с «рамой»). Что такое ассоциации по сходству? Это словарь и его сегменты, например: «мама, папа, брат, сестра», «мыть, чистить, пачкать, грязнить», «рама, окно, дверь, потолок». Словари бывают разные. Вышеприведенное — сегменты идеографического словаря, где слова подобраны по сходству значений. В более привычном, алфавитном словаре слова подобраны по сходству начальных букв (первых, вторых, третьих и т. д.). Важно то, что, мысля ассоциациями по сходству, мы мыслим словарно. Тезаурус, справочник, энциклопедия — это все разновидности словарной организации текстов.

Но точно так же организованы и гипертексты, и поисковые системы в Интернете. Например, мы ищем в Интернете слово «словарь» — и получаем множество текстов на основе этого общего для них слова. Это словарь цитат к слову «словарь». Словарь — это, по сути, прообраз Интернета, поскольку сам Интернет устроен по образу тех ассоциаций сходства, которыми проникнуто наше сознание.

Самый быстро растущий сегмент книгоиздания — это справочно-энциклопедическая литература. Словари и энциклопедии, справочники и тезаурусы составляют все более сильную конкуренцию сюжетно-повествовательной словесности. Они потому и пользуются таким спросом, что возрастающий мир информации все более плотно укладывается в ряды ассоциаций по сходству, а не по смежности. Поэтому пророчески звучит ныне мысль Крушевского о «прогрессивной силе, обуславливаемой ассоциациями по сходству», в противоположность консервативной силе ассоциаций по смежности. Конечно, мы любим читать хорошие истории, мысленно и воочию созерцать последовательность событий, развертывающихся во времени. Однако это скорее моменты расслабления, отдохновения нашего мозга, это его консервативная сторона, которой, безусловно, нужно отдать дань. Но стремительные скачки в культуре, науке и технологии, прорывы в приобретении и переработке информации совершаются в системе наших совокупных знаний и представлений о мире, то есть в системе многочисленных словарей, составляющих понятийно-знаковую матрицу нашего сознания. Все эти словари: алфавитные и идеографические, цитат и синонимов, терминов и метафор, фразеологизмов и неологизмов, абстрактных понятий и повседневных реалий, профессиональные и жаргонные словари — перекрещиваются в нашем сознании и образуют сложнейшую систему координат всех мыслительных процессов.

В США День словарей отмечается ежегодно 16 октября, в память родившегося в этот день основоположника серии вебстеровских словарей Ноя Вебстера (1758–1843). В этот день в американских школах рассказывают о разных типах словарей, учат ими пользоваться и с особым воо-

душевлением работают над пополнением словарного запаса учащихся.

А мы в наш Словарный день, 22 ноября, могли бы задуматься и о том, как нам повезло с Далем. Большие академические словари выходили и до него, он же создал уникальный словарь, представляющий не только наличный состав языка, но и способы его лексического обогащения. Словарь Даля — это книга **словопроизводства**, а не только словоописания. Она включает не только то, что говорится, но и то, что **говоримо** по-русски. Отсюда и щедрость, если не «избыточность», его словесных гнезд. Даль приводит все возможные слова от данного корня, считаясь не с фактами их употребления, но с самой возможностью их образования. Это словарь не столько для справочного использования, сколько для пробуждения вкуса и творческой способности к языку. Ни один из академических словарей не сравнится с далевским в представлении словообразовательного богатства русского языка, в передаче его живого, созидательного духа. Не случайно этой книгой пользовались — и вдохновлялись ею — столь разные писатели, как А. Белый и В. Хлебников, С. Есенин и А. Солженицын.

Итак, начиная с 2009 года, предлагается учредить День Словарей и Энциклопедий в знак возрастающей их роли и как дань памяти В. И. Даля. Я надеюсь, что учителя, филологи, писатели, издатели, читатели, книгопродавцы, библиотекари, библиографы смогут подготовиться к этому событию, а в сам день или накануне:

– провести в языковых и литературных классах Словарный урок;

– раскрыть студентам и школьникам многообразие словарей и привить навыки их систематического использования;

– объяснить важность словарей для исторического самопознания и самоописания народа, включая осмысление современной истории;

– на уроках иностранных языков подчеркнуть важность двуязычных словарей и представить главные словари и энциклопедии изучаемого народа;

– на уроках информатики, в компьютерных классах — объяснить, как принципы организации слов в словарях и энциклопедиях расширительно работают в электронных сетях; почему с появлением Интернета и гипертекстов все более распространяется словарно-энциклопедический способ представления информации, причем авторство словарных статей приобретает массовый характер (Википедия);

– в книжных магазинах — провести встречи читателей с составителями и авторами словарей и энциклопедий, лексикографические конкурсы со словарными призами победителям;

– в библиотеках — организовать выставки словарей и энциклопедий, провести экскурсию по соответствующим разделам библиотеки, рассказать о многообразии словарно-библиографического описания мира как книги или библиотеки;

– в литературных клубах, кружках, студиях — отметить продуктивную роль словарного мышления в художественной и эссеистической словесности («Бувар и Пекюше» и «Лексикон прописных истин» Г. Флобера, «Хазарский словарь» М. Павича, «Фрагменты речи влюбленного» Р. Барта, ряд рассказов Х. Л. Борхеса и др.).

Невозможно предвосхитить все способы, как День Словарей и Энциклопедий может войти в праздничный обычай разных языковых и неязыковых профессий. Но можно с уверенностью сказать, что без словарей человечеству так же не выжить, как и без слов.

*М. Эпштейн,*
*научный руководитель Центра творческого развития русского языка (МАПРЯЛ),*
*профессор университета Эмори (США)*

# КАЛИНИНГРАД

### *Описание герба города Калининграда*

*В лазоревом (синем, голубом) поле серебряный корабль с одним парусом и с серебряным вымпелом о двух концах, обремененным лазоревым Андреевским крестом, на мачте, прорастающей внизу тремя зелеными листами; в оконечности — золотые безанты, уложенные в волнистый, о двух волнах, пояс и уменьшающиеся к краям. Сердцевой щиток пересечен серебром и червленью; вверху — корона, внизу — уширенный на концах равноконечный (греческий) крест, обе фигуры переменных цветов. Щиток окружен лентой медали «За взятие Кенигсберга».*

*Парусник на гербе Калининграда символизирует связь эксклавной территории Калининграда с остальной территорией России.*

**Российский город с немецкой историей…**

Конечно, речь идет о Калининграде, областном центре на берегу Балтийского моря. До 1946 года он назывался Кёнигсбергом и был столицей Восточной Пруссии, северо-восточная часть которой по итогам Второй мировой войны решением Потсдамской конференции была передана Советскому Союзу и включена в состав РСФСР.

Среди германских городов Кёнигсберг не выделялся ни древностью происхождения, ни архитектурным обликом или уникальными памятниками. Но он дал миру многих выдающихся людей, а его история имела большое значение для всей Германии и Европы.

Город в устье реки Прегель зародился рядом с рыцарским замком Кёнигсберг, заложенном в 1255 году на месте древнего прусского укрепления на холме Твангсте. Назван был замок Королевской горой предположительно в честь богемского короля Оттокара II Пшемысла, который возглавлял тогда крестовый поход в Пруссию. Рядом с замком построили три поселения, наделенные городскими правами: Альтштадт, Лёбенихт и, за рекой на острове, — Кнайпхоф.

Как и другие замки, Кёнигсберг был создан для проведения Тевтонским орденом христианизации прусских племен, а фактически — для насильственного их завоевания. В течение следующих ста лет остав-

Музей янтаря

Балтийская коса

шиеся в живых пруссы почти полностью смешались с завоевателями, а их земля была заселена немецкими колонистами, прибывшими из Любека, Нижней Саксонии, Вестфалии, Померании, Мекленбурга, Силезии. С XVI века Пруссия стала родиной для многих тысяч протестантских переселенцев из разных стран Европы: Нидерландов, Франции, Австрии и др. Так произошла полная смена населения в Пруссии, что стало основой для последующего слияния этой земли с остальной Германией.

В 1457 году из замка Мариенбург в Кёнигсберг была перенесена резиденция Великого магистра Тевтонского ордена. С тех пор город приобрел столичный статус: в 1525 году он стал столицей Прусского герцогства (в связи с преобразованием Ордена в светское государство), а со времени создания в XVII веке объединенного Бранденбургско-Прусского государства, хотя и передал столичные функции Берлину, все равно оставался сердцем Пруссии. Уроженец Кёнигсберга курфюрст Фридрих III 18 января 1701 года был коронован как Фридрих I в замке своего родного города. Бранденбургско-Прусское курфюршество превратилось в Прусское королевство, что имело далеко идущие последствия для Германии и всей Европы.

Незадолго до этого, в 1697 году город посетил русский царь Петр I, здесь он встречался с Фридрихом. Можно сказать, что открытие Европы для Петра началось именно с Кёнигсберга. Подарок русского царя — алмазный скипетр — стал прусским коронационным скипетром в 1701 и 1861 годах. Позже, когда в 1721 году Петр I получил от Сената титул императора, то именно прусский король, первый из европейских монархов, признал его.

Со времени первой коронации в 1701 году Кёнигсберг окончательно стал важнейшим символом прусской государственности. Именно здесь проходили все коронационные торжества королевства и Германской империи в XVIII–XIX вв. Первый король Фридрих больше всех постарался, чтобы превратить Кёнигсберг в настоящий королевский город, который с момента объединения замка и трех городов в 1724 году стал носить официальное название «королевский прусский столичный город-резиденция». Во время наполеоновских войн, в 1808–1809 гг., в Кёнигсберге находился прусский королевский двор Фридриха Вильгельма III и его жены Луизы. Здесь трудились выдающиеся государственные деятели Пруссии (Нибур, Шен, Шарнхорст, Гнейзенау, Бюлов, Клаузевиц, Гумбольт, Штайн и др.), которые разрабатывали и принимали законы, сыгравшие значительную роль в деле реформирования государства.

После объединения немецких земель в империю Кёнигсберг уже не мог занимать такого важного места, какое у него было в составе самостоятельного Прусского королевства. В то же время его значение как символа немецкой монархической государственности сохранялось.

В 1872–1884 гг. город дополнительно укрепили оборонительным кольцом из двенадцати больших фортов, которые будут использованы в деле только в 1945 году. До Первой мировой войны в Кёнигсберге был размещен один из сильнейших гарнизонов империи.

Поражение Германии в Первой мировой войне, решение Версальского договора о Польском коридоре, отделившем Восточную Пруссию от Германии, нанесли большой ущерб Кёнигсбергу. В связи с этим вновь меняется роль города. Резко повысилось значение Кёнигсберга для торговли с Советской Россией. Для этой цели в 1920 году была от-

Район новостроек

Здание Правительства Калининградской области

крыта Немецкая Восточная ярмарка. Наряду с Лейпцигской она являлась единственной официальной немецкой ярмаркой и была признанным торговым посредником между Германией и Восточной Европой. Особое значение после потери Данцига и Мемеля приобрел кёнигсбергский порт.

С приходом к власти нацистов усилилась милитаризация провинции, и поэтому, когда началась Вторая мировая война и на западе развернулись военные действия, Кёнигсберг стал городом арсеналов и подготовки солдат Вермахта. Война против Советского Союза еще больше подняла стратегическое значение Кёнигсберга. Из Восточной Пруссии выступили навстречу своей гибели две крупные войсковые группировки, состоявшие из нескольких армий.

На облик города наибольшее влияние оказали два обстоятельства — то, что он первоначально был далеким немецким форпостом на востоке Европы (город-крепость), и близость моря, придававшая городу торговый характер (с 1340 года он присоединился к Ганзейскому союзу). Поэтому во многих отношениях Кёнигсберг был подобен другим немецким городам на Балтике, например Данцигу.

За семь столетий с немецкой методичностью и бережливостью в городе накапливались немалые материальные ценности. В архитектурном плане выделялись комплексы трех древних городов, в которых сохранились образцы архитектуры XIII–XVIII вв. Особо ценными среди них были Замок, Кафедральный собор в Кнайпхофе XIV века, старейшая в городе Штайндаммская кирха святого Николая 1256 года, Кнайпхофская ратуша конца XVII века в стиле барокко и др.

Кёнигсбергская история наполнена именами выдающихся людей (прежде всего ученых, просветителей, деятелей культуры) общегерманского и мирового масштаба, чьи рождение, жизнь и деятельность были связаны с этим городом и его университетом.

**Кёнигсбергский университет** был создан в 1544 году, вскоре после секуляризации ордена и образования Прусского герцогства — одного из первых протестантских государств Европы. Собственно, на волне реформации, докатившейся до Пруссии, стараниями герцога Альбрехта Бранденбургского и появился университет. Позже его детище стали называть Альбертус-университет или просто — Альбертина. Этот университет был одним из наиболее известных в Центральной и Восточной Европе до середины XX века. Особо значимой была его роль как центра науки и духовной культуры для народов северо-востока Европы — жителей Пруссии, поляков и литовцев.

В своей четырехсотлетней истории Альбертина прошла через разные этапы развития. Во второй половине XVI и в XVII веке Кёнигсбергский университет был во многом типичным протестантским немецким учебным заведением, своего рода форпостом для распространения лютеранской веры на Востоке. В XVIII веке получил широкое признание как один из европейских источников Просвещения, давший миру таких великих выпускников, как философы и просветители Иммануил Кант, Иоганн Гаман, Иоганн Гердер, писатели и поэты Иоганн Готшед, Кристионас Донелайтис, Теодор Гиппель, Иоганн Гердер, Эрнст Теодор Амадей Гофман.

XIX столетие и начало XX стали для Альбертины «золотым веком», когда всемирную славу принесли ему выдающиеся ученые: реформатор астрономии Фридрих Бессель, философ и педагог Иоганн Гербарт, основатель эмбриологии Карл Бэр, физик, основоположник метода спектрального

Мемориал памяти 1200 гвардейцам, павшим в боях за Кенигсберг

Королевские ворота

Памятник императрице Елизавете (г. Балтийск)

анализа Густав Кирхгоф, физик и минеролог Франц Нейман и его сын, основоположник гематологии Франц Нейман младший, великий естествоиспытатель Герман Гельмгольц, целая плеяда выдающихся математиков: Карл Якоби и Давид Гильберт и многие другие. Замечательных успехов добилась в университете медицинская наука. Первый в истории высшего образования кёнигсбергский физико-математический семинар Неймана-Якоби, а также другие научные школы Альбертины XIX века заложили основы для современного развития многих направлений естественных и гуманитарных наук.

Первая половина XX века — последний и наиболее сложный, противоречивый период истории Альбертины. С одной стороны, в непростых послевоенных условиях оторванности Восточной Пруссии от Германии в 20-х — начале 30-х годов продолжали развиваться науки, особенно медицина и естествознание, укреплялась материальная база, росло число студентов. С другой стороны, с приходом к власти нацистов, в 30-х — середине 40-х годов, несмотря на отдельные научные достижения и развитие структуры университета, Альбертина быстро теряла свои лидирующие позиции среди немецких и европейских университетов.

История университета, как и немецкая история Кёнигсберга, закончилась в апреле 1945 года. Как и семью столетиями раньше, на территории бывшей Восточной Пруссии произошла полная смена населения и началась другая история, в которой главную роль стал играть другой город, выросший на руинах погибшего Кёнигсберга.

Строительство советского города, названного в честь «всесоюзного старосты» М.И. Калинина, начиналось в атмосфере враждебного отношения ко всему немецкому и в обстановке послевоенной бедности народа. Самые большие разрушения в Кёнигсберге были в его центральной, исторической части. Почти все руины города, в том числе и представлявшие историко-культурную ценность, были сознательно снесены, а немногие восстановленные или сохранившиеся дома, как правило, меняли свой облик.

Массовое строительство жилых домов началось только в 1960-х годах. Это были типовые многоэтажные блоки, строившиеся без учета принципа историзма, но и без прежнего враждебного отношения к сохранившимся фрагментам Кёнигсберга. Во время войны менее всего пострадали довольно большие по площади районы коттеджных застроек конца XIX — первой половины XX века, расположенные на севере, северо-западе и западе Кёнигсберга. Строительство советского времени их почти не затронуло, но старые дома без должного ухода быстро ветшали. С другой стороны, наиболее разрушенная центральная часть города и прилегающие к ней районы практически полностью изменили свой вид, хотя и сохранили контуры старой планировки. При этом историческое ядро Кёнигсберга — замковый холм и территория трех древних городов — было окончательно расчищено от руин (в том числе и Замок) и почти не тронуто новым строительством, превращено в парковую зону (берега Замкового пруда и остров Кнайпхоф с руинами собора); прилегающие же к центру места застроили безликими 4–5-этажными жилыми «коробками».

Экспертиза историко-культурной ценности остатков немецкой архитектуры, оказавшихся в районах массовой застройки, практически отсутствовала. Преобладали прагматизм и идеология: восстанавливали самые крупные и наиболее пригодные для различных служб и властей сооружения (здания биржи, почтового управления, новый драмтеатр, полицай-президиум, провинциальный суд и т. п.), тогда как культовые здания разрушались (до 1985 года были снесены 18 поврежденных церквей) или приспосабливались под склады, спортивные залы, кинотеатры, клубы и т. д. (до 1985 года в области не было ни одной действующей церкви).

К концу советской эпохи Калининград представлял собой, с одной стороны, типичный провинциальный, социалистический по стилистике город, с дешевыми, в прямом и переносном смысле, архитектурой и инфраструктурой, но, вместе с тем, — с совершенно необычными для советских городов довольно большими по площади, утопающими в роскошной и разнообразной зелени фрагментами немецкого города.

Принципиальные перемены в облике города произошли в годы перестройки и в постсоветское время. При этом важное значение имели два обстоятельства: падение идеологического диктата партии и снятие запрета на изучение и популяризацию немецкой истории края, а также открытие города и области для иностранцев в 1990 году. Неизвестная история края пользуется повышенным

интересом у калининградцев, формируя у них чувство причастности к прошлому. Жители города меняют «нейтральное» отношение к сохранившемуся наследию на уважительное, а порою — и на культовое. На этой почве складывается местный патриотизм, часто наполненный парадоксами и мифами. Символическими событиями в решении проблем историко-культурного наследия стало восстановление древнейшей из сохранившихся в Калининграде Юдиттен-кирхи (1280-х годов) и освящение в ней в 1985 году первого в истории послевоенного города Никольского православного собора, начало реконструкции в 1992 году Кафедрального собора Кёнигсберга как музейного комплекса и духовно-культурного центра (в настоящее время собор восстановлен), установление в 1992 году рядом с университетом копии памятника И. Канту, пропавшего после войны и восстановленного в Германии стараниями известной немецкой журналистки и общественного деятеля графини Марион Дёнхоф.

Изменение геополитического положения области в связи с распадом Советского Союза в 1991 году и новые идеологические ориентиры на рубеже веков заметно изменили облик Калининграда. На главной в городе площади Победы вместо памятника Ленину идейным центром стал огромный беломраморный и золотокупольный кафедральный собор Христа Спасителя с триумфальной мраморной колонной посреди площади. Активная деятельность Русской Православной Церкви в Калининграде под руководством митрополита Кирилла впервые привела к появлению в городе элементов традиционной русской архитектуры: кроме нового кафедрального собора были построены еще несколько церковных зданий в каноническом стиле. Но параллельно с этим выросли культовые сооружения других конфессий — евангелической, католической, новоапостольской, армяно-григорианской, построенные в архитектурных традициях западноевропейского и восточного христианства.

В условиях настоящего строительного бума усилился космополитический акцент в современной стилистике города с использованием мотивов старого Кенигсберга. Наиболее ярко это проявилось в строительстве на берегу Преголи этнографического и ремесленно-торгового комплекса «Рыбная деревня», стилизованного под средневековую архитектуру.

Исторические черты в облике города преумножила подготовка к 750-летнему юбилею Кёнигсберга / Калининграда в 2005 году. В кратчайший срок была проведена реставрация символа юбилея — Королевских ворот; создана копия утраченного памятника герцогу Альбрехту (статую установили рядом с Кафедральным собором, на том месте, где стояло старое здание Альбертины, основателем которой был герцог); установлен памятник Людвикасу Резе, профессору и ректору Альбертины, открывшему сочинения классика литовской литературы Кристионаса Донелайтиса. Властями города было принято принципиальное решение, поддержанное Президентом, о восстановлении Королевского замка. Сегодня обсуждается вопрос о возможном восстановлении средневековых Альтштадта и Кнайпхофа. Такие кардинальные перемены в планах городских и областных властей трудно было даже представить себе всего лишь несколько лет назад. В этих новых проектах, конечно, немало конъюнктурного, что возбуждает не только споры, но и протесты горожан. Памятники немецкого прошлого попрежнему остаются одной из важных тем политических и идейных баталий, которые причудливым образом влияют на формирование исторического сознания жителей Калининграда.

Ныне Калининград очень динамично развивается, выделяясь в регионе Балтийского моря как крупный промышленный и культурный центр с населением в 430 тысяч человек (чуть меньше половины населения всей области), с хорошо развитым машиностроением, судостроением, с большим портовым хозяйством и рыбной промышленностью. Город окружают великолепные приморские курорты и уникальные по красоте и ценности уголки природы.

Калининград живет насыщенной культурной жизнью, в нем несколько театров, концертные залы с прекрасными органами (в Кафедральном соборе, например, установлена копия прежнего органа в стиле барокко), активно работает областная филармония. Регулярно проводятся музыкальные и театральные фестивали и конкурсы. В городе немало музеев, среди которых выделяются историко-художественный, Музей янтаря, Музей мирового океана.

Как и его предшественник, Калининград — университетский город. Среди основных вузов (Технический университет, Балтийская академия рыбопромыслового флота, Военно-морской инсти-

тут, Юридический институт МВД) ведущим научным и образовательным центром региона является

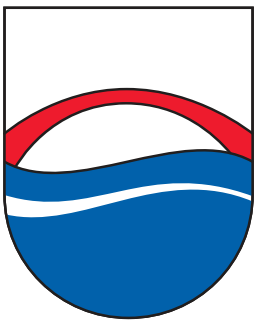
**Российский государственный университет имени Иммануила Канта**

Это старейший вуз Калининградской области: истоки университета восходят к 1947 году, когда было принято решение Советского правительства о создании Калининградского государственного педагогического института. Через двадцать лет, в 1967 году, институт был преобразован в Калининградский государственный университет (КГУ). С 1998 года ректором университета является доктор политических наук, профессор Андрей Павлович Клемешев. В 2005 году распоряжением Правительства Российской Федерации КГУ переименован в Российский государственный университет имени Иммануила Канта.

РГУ имени И. Канта, не являясь прямым преемником Кёнигсбергского университета, с уважением хранит память о нем, изучает и использует выдающиеся академические и научные традиции Альбертины. Сегодня РГУ им. И. Канта — крупнейший образовательный, научный, культурный, просветительский центр самого западного региона России. В составе университета 13 факультетов, Институт современных образовательных технологий, Институт информационных технологий, Институт Канта. В 2006 году при поддержке Правительства Калининградской области открыт медицинский факультет. В университете работает 1,5 тыс. сотрудников и обучается около 14 тыс. студентов, аспирантов и слушателей. Среди преподавателей — около 70 % докторов и кандидатов наук, 15 академиков и членов-корреспондентов российских академий, 17 заслуженных деятелей науки и высшей школы.

Университет в Калининграде сформировался как научно-исследовательский центр, в котором

РГУ им. И.Канта



На логотипе РГУ имени Иммануила Канта изображены волна и мост. Нарастающая морская волна символизирует мощный рост, стремительное развитие российского университета на Балтике. Мост, подчеркивая неразрывную связь нашего университета с Россией, российской высшей школой, выражает готовность университета служить надежным «путеводом», соединяющим российскую науку и образование с университетскими и академическими центрами зарубежных стран.

сложились известные не только в России, но и за ее пределами научные школы по кантоведению, политической регионалистике, квадрупольному и ядерному магнитному резонансу, физике ионосферы, геомагнитным процессам и распространению радиоволн, дифференциальной геометрии многообразия фигур, экологическим проблемам и природным ресурсам Мирового океана, проблемам языковой модальности, изучению языка художественной литературы, когнитивистике и др. Успешно функционируют 9 советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. В университете действует Балтийский межрегиональный институт общественных наук, входящий в российскую сеть из 9 аналогичных институтов. Тематика исследований института — «Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее».

---

Герб Кёнигсберга периода Семилетней войны

С 1756 по 1763 год в Европе шла Семилетняя война. При том, что основной конфликт был между Австрией и Пруссией из-за Силезии, в эту войну были вовлечены практически все государства, в том числе и Россия.

В 1958 году русские войска входят в Восточную Пруссию, и ее сословия присягают на верность российской короне. В 1762 году умирает Елизавета Петровна, и Петр III заключает мирный договор между Россией и Пруссией, по которому добровольно возвращает Пруссии территории, занятые русскими войсками.

Таким образом, с 1758 по 1762 год Восточная Пруссия входила в состав Российской империи. И. Кант как гражданин этой страны обращался к Елизавете Петровне с просьбой поддержать его кандидатуру на вакантную должность профессора Кёнигсбергского университета, но не получил ответа в связи со смертью императрицы.

См.: *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.

Административный корпус РГУ им. И. Канта

Члены Ученого совета перед входом в Кафедральный собор

## Письмо И. Канта императрице Елизавете Петровне

Всесветлейшая, великодержавнейшая императрица, самодержица всех россиян, всемилостивейшая императрица и великая жена!

С кончиной блаженной памяти доктора и проф[ессора] Кипке освободился пост ординарного профессора логики и метафизики Кенигсбергской академии, который он занимал. Эти науки всегда были предпочтительным предметом моих исследований.

С тех пор, как я стал доцентом университета, я читал каждое полугодие по этим наукам приватные лекции. Я защитил публично по этим наукам 2 диссертации, кроме того, 4 статьи в Кенигсбергских ученых записках, 3 программы и 3 других философских трактата дают некоторое представление о моих занятиях.

Лестная надежда, что я доказал свою пригодность к академическому служению этим наукам, но более всего всемилостивейшее расположение Вашего Импер. Величества оказывать наукам высочайшее покровительство и благосклонное попечительство побуждают меня верноподданнейше просить Ваше Имп. Величество соблаговолить милостиво определить меня на вакантный пост ординарного профессора, уповая на то, что академический сенат в рассуждении наличия у меня необходимых к сему способностей сопроводит мою верноподданнейшую просьбу благоприятными свидельствами. Умолкаю в глубочайшем уничижении,

Вашего Имп. Величества
верноподданнейший раб
Иммануил Кант.

Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.

(*Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 505.)

Вместе с 40 ведущими вузами России РГУ им. И. Канта входит в Ассоциацию классических университетов России, а совместно с такими лидерами российской высшей школы, как МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ, РГУ имени И. Канта стал учредителем Ассоциации российских вузов за вхождение в мировое образовательное пространство. Партнерские отношения связывают вуз с 56 университетами России и институтами РАН. РГУ имени И. Канта является также членом Ассоциации европейских университетов, Альянса американских и европейских университетов за демократию, Региональной сети вузов Балтийского моря и имеет долгосрочные партнерские отношения с 50 университетами из 16 стран мира, активно участвуя в интеграционных процессах в сфере образования и науки. Сегодня около 500 студентов очной формы обучения ежегодно проходят стажировку в течение семестра или учебного года, учебную практику в зарубежных вузах, участвуют в зарубежных летних школах и международных конференциях. Одновременно более 200 студентов-иностранцев из Германии, Польши, Франции, Литвы, Латвии, стран СНГ проходят обучение в РГУ имени И. Канта.

Значимую работу проводит вуз по поддержке соотечественников из стран Балтии, а также по пропаганде русского языка и русской культуры в странах ближнего и дальнего зарубежья (Германии, Польше, Литве, Латвии, Франции, Швеции, Словакии).

Значение классического университета для эксклавного региона России трудно переоценить. Являясь региональным вузом в Северо-Западном федеральном округе России, РГУ имени И. Канта по масштабам освоения ресурсов выполняет поистине федеральную миссию формирования инновационной системы региона в конкуренции

с университетами Польши и Литвы, других стран Балтийского региона.

В 2007 году РГУ имени И. Канта подтвердил имидж крупного научного и образовательного центра Калининградской области, став одним из победителей конкурсного отбора, проводимого в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Победа в конкурсе инновационных вузов открывает перед университетом новые возможности внедрения в науку и образовательный процесс современных технологий.

Внедрение инновационной образовательной программы предполагает развитие опережающими темпами в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, экологии и биомедицины, современных методов исследования вещества и создания материалов, россиеведения и европеистики. В основу этой программы заложено понимание уникальной роли классического университета в защите российских интересов, государственности и культуры в эксклавной Калининградской области, а также ведущей роли вуза в развитии инновационной и информационной инфраструктуры региона.

**Факультет филологии и журналистики РГУ имени И. Канта** — один из старейших и крупнейших факультетов университета: свою историю он ведет от литературного факультета Калининградского государственного педагогического института (1948 год образования). С 2005 года факультетом руководит *Наталья Евгеньевна Лихина.* Сегодня на семи специальностях факультета («русский язык и литература», «журналистика», «польский язык и литература», «германская филология» (бакалавриат), «документоведение и документационное обеспечение управления», «связи с общественностью», «реклама») обучается 1000 студентов.

Учебный процесс на факультете обеспечивается шестью кафедрами:

– истории русской литературы (зав. кафедрой доцент, к. ф. н. *Н. Е. Лихина*),

– истории русского языка и сравнительного языкознания (зав. кафедрой профессор, д. ф. н. *С. С. Ваулина*),

– общего и русского языкознания (зав. кафедрой доцент, к. ф. н. *Н. Г. Бабенко*),

– зарубежной филологии (зав. кафедрой профессор, д. ф. н. *В. И. Грешных*),

– славянских и балтийских языков (зав. кафедрой доцент, к. ф. н. *Л. В. Колобкова*),

– речевой коммуникации и журналистики (зав. кафедрой доцент, к. ф. н. *И. Ю. Кукса*).

В 2001 году при факультете был образован **Центр русского языка**, направлениями деятельности которого являются преподавание русского языка как иностранного; тестирование по русскому языку лиц, желающих получить российское гражданство; оказание консультационных услуг учреждениям и населению области (в том числе проведение лингвистических экспертиз); мониторинг речевой ситуации в Калининградской области.

На факультете созданы и активно действуют **научные школы** по изучению проблем языковой модальности (кафедра истории языка и сравнительного языкознания), литературы немецкого романтизма (кафедра зарубежной филологии), языка художественной литературы, когнитивистики (кафедра общего и русского языкознания). В тесном сотрудничестве с университетами Польши исследуются интертекстуальные связи русской и других

---

Этой осенью РГУ имени И. Канта принимал инициаторов проведения Дней русской словесности в разных городах Российской Федерации — представительную делегацию РОПРЯЛ. То обстоятельство, что одним из первых в списке городов, организующих «Дни русской словесности», стал Калининград, несомненно, способствовало как общегуманитарному развитию региона, так и решению проблем, связанных с «островным» положением Калининградской области, являющейся российским эксклавом на Балтике. Ведь именно отечественная словесность оказывает мощнейшее воздействие на формирование национального культурного сознания. В обширную программу «Дней русской словесности в Калининграде» было включено проведение тематической конференции, круглого стола по проблемам речевой безопасности, мастер-классов ведущих преподавателей СПбГУ, выставок учебно-методической и научной литературы, встреч со студентами факультета филологии и журналистики. Научные мероприятия Дней позволили всесторонние обсудить и оценить современную речевую ситуацию, состояние филологической культуры в Калининграде и других регионах нашей обширной Родины, современные методики преподавания русской словесности. В программу Дней было включено и подведение итогов творческих конкурсов молодых поэтов, языковедов, литературоведов и журналистов. Целью этих конкурсов были сбор и оценка уникального материала для осмысления культурных понятий «русский мир» и «русское слово».

славянских литератур, феномен славянского мира как единого литературного и культурного пространства (кафедры истории русской литературы и зарубежной филологии).

Результаты научных изысканий преподавателей факультета регулярно публикуются в межвузовских сборниках «Структура текста и семантика языковых единиц», «Семантика языковых единиц и категорий в диахронии», «Альтернативный текст: версия и контрверсия», «Кирилл и Мефодий: духовное наследие». Высокую оценку получили монографии университетских филологов: «Мистерия духа: художественная проза немецких романтиков» *В. И. Грешных*, «Герменевтика образа И. Г. Гамана и Просвещение», «Симон Дах и тайна барокко» *В. Х. Гильманова*, «Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна» *Н. Г. Бабенко*, «Слово, язык и за его пределами» *Г. И. Берестнева*.

С 1999 года на факультете издается получивший известность далеко за пределами Калининграда научный филологический журнал «Балтийский филологический курьер» (главный редактор *В. И. Грешных*).

Давними и продуктивными являются научные связи факультета с филологами университетов и академических институтов России, Белоруссии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Германии. Ученые этих стран — частые гости разнообразных по тематике и по жанру научных мероприятий, проводимых факультетом. Так, календарь научных форумов 2008 года включает:

16–17 мая — международный научный семинар «Аксиологические категории национальной культурной традиции и русской словесности»;

20–22 июня — международная конференция «Оценки и ценности в современном научном познании» (при поддержке РФФИ);

25–27 сентября — комплекс мероприятий «Дни русской словесности в Калининграде».

23–25 октября — международная гуманитарная конференция «Балтийский регион: лики Русского мира» (при поддержке фонда «Русский мир»).

27–28 ноября — международная конференция «Немецкая литература и культура в эпоху Гете» (при поддержке Общества Гёте г. Кёльна).

В 2008 году при поддержке фонда «Русский мир» факультет приступил к реализации проекта «Учебно-методический центр „Русское слово“». Цель проекта — пропаганда русского языка как учебной дисциплины, формирующей и сохраняющей российское общенациональное самосознание в русской диаспоре Литвы, а также дальнейшее развитие русско-литовских образовательных и культурных связей.

С 6 по 10 октября учебно-методический центр «Русское слово» факультета филологии и журналистики при поддержке фонда «Русский мир» проводил семинар «Современный урок русского языка» для учителей-русистов из Литвы и сопредельных с Литвой районов Калининградской области. В работе семинара принимали участие преподаватели русского как иностранного и русского как родного из Вильнюса, Каунаса, Шауляя, Мариямполя и Йонишкаса, из Немана и Черняховска. Программа семинара включала лекции преподавателей факультета филологии и журналистики РГУ имени И. Канта по методике преподавания русского языка (в его современном и историческом аспектах), классической и новейшей русской литературе, стилистике художественного текста; посещение уроков лучших учителей-словесников Калининграда (гимназии № 1, лицеев № 49 и № 18).

Целью конференции **«Балтийский регион: лики Русского мира»** являлось обсуждение широкого круга вопросов русско-балтийской тематики, в том числе: укрепление позиций русского языка в Балтийском регионе; сохранение национальной идентичности в условиях инокультурного окружения; истоки и перспективы калининградской субкультуры; формы и содержание конструктивного диалога этносов региона Балтийского моря; функции русскоязычных СМИ в формировании Балтийского меридиана Русского мира; культурный диалог в литературе; устное народное творчество в Калининградской области: «своё» и «чужое»; роль материальной культуры в развитии межэтнического диалога; теория и практика бесконфликтного существования различных этносов на одной территории.

В рамках конференции проведены заседания трех круглых столов: «Русский мир в инокультурном окружении: языковой аспект проблемы», «Резонансное поле русской литературы», «Исторические и социополитические аспекты изучения Русского мира».

В работе конференции приняли участие российские (из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Мурманска, Смоленска) и зарубежные (из Белоруссии, Литвы, Латвии, Польши, Германии) филологи и историки.

Проект «Учебно-методический центр „Русское слово“» реализуется в двух направлениях деятельности: образовательном и просветительском.

В рамках образовательного направления предполагается учебно-методическая поддержка учителей, ведущих педагогическую деятельность по специализациям русский язык как родной (РКР) и русский язык как иностранный (РКИ) в школах Литвы. Материалы трех планируемых семинаров («Современный урок русского языка» (Калининград), «Художественный текст на уроках русского языка» (Клайпеда) и «Игровые методики в преподавании русского языка» (Вильнюс)) будут опубликованы в методическом пособии «В помощь учителю-русисту».

Уже проведенные и планируемые образовательные мероприятия отвечают реальным потребностям учителей-русистов стран Литвы, выявленным в ходе семинара «Современные тенденции теории и практики русистики» (Клайпеда, 2007) и встреч с представителями русских общин Литвы («Центр русской культуры» в Клайпеде, Институт повышения профессиональной компетенции при Вильнюсском педуниверситете).

В рамках просветительского направления деятельности учебно-методического центра «Русское слово» на базе факультета филологии и журналистики РГУ им. И. Канта к изданию готовится тематический сборник «Побережье»: Вып. 1: Русско-литовские образовательные и культурные связи. В сборнике «Побережье» будут опубликованы материалы о современном состоянии русского языка в Литве, актуальных речевых тенденциях, современных методах и формах преподавания русского языка и литературы в школе и вузе, бытовании русского фольклора в русскоязычных субкультурах зарубежья, русской литературе в РФ и русской диаспоре Литвы, взаимодействии русской и литовской культур. Издание тематического сборника «Побережье» полностью отвечает одной из основных задач фонда «Русский мир»: «поддержке российских средств массовой информации и информационных ресурсов, ориентированных на реализацию целей и задач Фонда». Проект предусматривает бесплатное распространение сборника в русских диаспорах Литвы и других стран Юго-Восточной Балтики.

С 2001 года на факультете работает диссертационный совет по филологическим наукам (председатель совета — профессор, д. ф. н. *С. С. Ваулина*), принимающий к защите кандидатские диссертации по специальностям 10.02.01 — русский язык, 10.02.19 — теория языка, 10.01.03 — литература народов стран зарубежья. Успешную защиту прошли в совете 52 соискателя из России (Липецкого, Брянского, Воронежского, Волгоградского, Смоленского университетов), Белоруссии и Ирака.

Студенчество факультета филологии и журналистики имеет все возможности сделать университетские годы насыщенными научным и художественным творчеством: на факультете активно работает СНО, проводятся Дни первокурсника (сентябрь), факультета (апрель) и спорта (май), конкурс «Университетская весна», игры КВН и «Что? Где? Когда?», издается студенческая газета «Отвертка».

В условиях геополитической изолированности Калининградской области от России факультет филологии и журналистики видит свою миссию в укреплении позиций русского языка в формировании межъязыкового и межкультурного диалога со странами Балтийского региона, в повышении уровня коммуникативной и гуманитарной культуры жителей Калининграда и области.

*Составители*
*В. И. Гальцов, Н. Г. Бабенко, Ю. А. Шкуркина*